

«Співробітники звикли до спрощеного слідства...»: партійні збори УНКВД по Харківській області у контексті припинення масових операцій у листопаді 1938 рр.

Мета – на підставі протоколу партійних зборів від 26–27 січня 1939 р. УГБ УНКВД по Харківській області дослідити особливості проведення масових репресивних операцій під час Великого терору у 1937–1938 рр., процес визначення кола порушників «соціалістичної законності», стратегії захисту співробітників державної безпеки після припинення масових операцій у листопаді 1938 р.

Методологія та методи. Для реалізації означеної мети були задіяні методи психологічної й історичної реконструкції, проблемно-хронологічний, конкретно-пошуковий методи. Під час роботи із архівними матеріалами був використаний метод герменевтики. Критика історичного джерела здійснювалася з урахуванням принципів об'єктивності та історизму.

Висновки. Автори проаналізували деякі аспекти реалізації Великого терору на Харківщині у 1937–1938 рр. у сучасній українській історіографії. Основна дослідницька увага була зосереджена на перебігу масових операцій, вивченні мотивів та визначенні об'єктів репресивної політики, дослідженні біографій як жертв сталінської політики, так і виконавців волі кремлівського вождя. На підставі аналізу зазначеного протоколу партійних зборів автори визначили нюанси поведінки співробітників держбезпеки УНКВД по Харківській області. Зокрема, несприйняття обвинувачень у порушенні «соціалістичної законності»; визнання лише окремих помилок під час слідчого провадження; виправдування своїх дій небажанням керівництва відділу/УНКВД дослухатися до аргументів слідчого. Деякі співробітники розуміли, що здійснювали порушення «соціалістичної законності», але були переконані, що це «правильна лінія» та їхні кроки будуть розцінені як «захист контрреволюціонерів». Дехто зі

* *Подкур Роман Юрійович* – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу історії державного терору радянської доби Інституту історії України НАН України, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1043-7535>, 5roman@ukr.net; *Ставнюк Ірина Іванівна* – молодший науковий співробітник відділу історії державного терору радянської доби Інституту історії України НАН України.

співробітників розкаювався, визнавав свої помилки, але перекладав провину на керівників УНКВД і НКВД УРСР.

Ключові слова: Великий терор, Харків, органи державної безпеки, політичні репресії, НКВД, виконавці.

Діяльність співробітників Харківського губернського/окружного/обласного відділу/управління ВУЧК–ГПУ–НКВД активно досліджується з початку 1990-х рр. Хоча інформація про поточну роботу харківських чекістів почала друкуватися ще на початку 1920-х рр. Так, М. Лацис, який очолював ВУЧК у 1919 р., видав дві публіцистичні брошури, де, серед іншого, згадував про результати роботи харківського ЧК¹. Він особливо акцентував увагу на необхідності запровадження більшовиками «червоного терору», наголошуючи на небезпеці «буржуазної контрреволюції», у тому числі «націоналістичної».

1923 р. став роком підведенням певних підсумків діяльності ВУЧК в радянській Україні. Опубліковані історико-публіцистичні праці² окреслили коло ворогів більшовицького режиму УСРР: «петлюрівці», «савінковці», «політичні бандити», «врангелівці», «контрреволюційні партії» та ін. Саме представників цієї «контрреволюції» арештовували співробітники Харківської губЧК.

Загалом опубліковані упродовж 1950–1980-х рр. праці із історії комуністичних органів державної безпеки стверджували декілька тез:

- повну підпорядкованість і відданість співробітників держбезпеки вищому політичному керівництву СРСР;
- ВЧК–ГПУ–НКВД – це основний орган боротьби із контрреволюцією;
- ВУЧК – це периферійний підрозділ ВЧК. Факт незалежності радянської України до 1922 р. повністю ігнорувався³.

¹ *Лацис М.И.* Два года борьбы на внутреннем фронте: Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. – М.: Госиздат, 1920. – 87 с.; *Лацис (Судрабс) М.Я.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. – М.: Госиздат, 1921. – 62 с.

² *Малицкий А.* Чека и ГПУ. – Х.: Путь просвещения, 1923. – 50 с.; *Дукельский С.С.* ЧК на Украине / подгот. Ю. Фельштинский. – Вермонт, 1989. – 151 с.

Також за радянської доби практично не публікувалися нові документи із історії ВЧК–ВУЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. Це було пов'язано із небажанням вищого партійно-радянського керівництва розсекречувати документи спецслужб і заодно підтримувався ореол таємничості.

Деяким виключенням стала монографія «Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922)», що була опублікована у 1990 р. Її автори залишалися у лоні радянської історіографії щодо діяльності комуністичних спецслужб, але увели до обігу чимало нових фактів про формування і функціонування ВУЧК у 1918 – початку 1920-х рр. Зокрема, розкрита роль різних харківських комітетів боротьби із контрреволюцією, що передували створенню ВУЧК⁴.

Із початком «архівної революції» у 1990-х рр. був відкритий доступ до документів комуністичних спецслужб із фондів партійно-радянських органів, Галузевого державного архіву Служби безпеки України. Одразу почали публікуватися документи і наукові праці із історії комуністичних спецслужб. Зокрема, відомий харківський вчений В. Золотарьов підготував низку праць про діяльність співробітників Харківського ГПУ–УНКВД⁵.

В. Золотарьов та О. Бажан також докладно дослідили роль харківських чекістів у реалізації масових операцій під час Вели-

³ Софинов П.Г. Очерки истории ВЧК / П. Г. Софинов. – М.: Политиздат, 1960. – 248 с.; Велидов А.С. На страже завоеваний Октября // История СССР. – 1970. – № 1. – С. 3–26; Он же. Ленинская концепция советских органов государственной безопасности (Исторический очерк) // Проблемы и суждения. – 1990. – № 2. – С. 19–37; Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – М.: Политиздат, 1980. – Кн. 1. – 335 с.; На защите революции. Из истории Всеукраинской Чрезвычайной комиссии 1917–1922 гг.: Сб. док. и мат. – К.: Политиздат Украины, 1971. – 391 с. та ін.

⁴ Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922). – Х.: Основа, 1990. – 345 с.

⁵ Золотарьов В.А. ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та долі (1919–1941). – Х.: Фоліо, 2003. – 477 с.; Його ж. Секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. – Х.: Фоліо, 2007. – 319 с.; Бажан О.Г., Золотарьов В.А. М'ясник: сторінки біографії старшого лейтенанта держбезпеки Давида Перцова // Одесика. – Вип. 12. – Одеса: Друкарський дім, 2011. – С. 199–248 та ін.

кого терору 1937–1938 рр.⁶ Автори акцентували увагу на постійних кадрових переміщеннях і структурних реорганізаціях УНКВД по Харківській області. Такі кроки мотивувалися спробами у короткі терміни створити ефективні підрозділи для проведення масових чисток на підставі соціального походження, минулої політичної діяльності, релігійних вірувань тощо.

В. Золотарьов зазначив, що міжрайонні слідчі оперативні групи УГБ УНКВД по Харківській області, сформовані для проведення масових репресивних операцій, були нездатні забезпечити виконання оперативних наказів НКВД СРСР. Чекісти становили менше 50% їхнього особового складу. Тому до складу цих груп були включені міліціонери, чекісти запасу, курсанти училищ НКВД і прикордонних військ. В умовах спрощеного слідства та фактичної відсутності прокурорського нагляду це спричинило масові тортури підслідних. Особливо «відзначилися» курсанти Харківського прикордонного училища, які за свідченням очевидців,

«[...] били будь-кого, аби перед ними був заарештований»⁷.

Таку поведінку курсантів можна пояснити тією обставиною, що до таких училищ приймали найбільш ідеологічно лояльних комсомольців і комуністів. Тому для курсантів арештант не був людиною, лише «ворогом народу», на якого не поширювалися соціально-значимі орієнтири ставлення до особистості.

На думку В. Золотарьова, масове застосування тортур почалося після приїзду до УРСР у серпні 1937 р. заступника наркома внутрішніх справ СРСР, комісара державної безпеки 2-го рангу Л. Бельського. Співробітник 5 відділу УГБ НКВД УРСР, із травня 1938 р. – начальник УНКВД по Київській області капітан державної безпеки О. Долгушев свідчив:

⁶ Золотарьов В. Діяльність органів радянської держбезпеки зі здійснення «куркульської операції» у Харківській області (1937–1938 рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВС –КГБ. – 2007. – № 1. – С. 158–171; Бажан О., Золотарьов В. Великий терор на Харківщині (1937–1938 рр.) // Реабілітовані історією. Харківська область. – Кн. 3. – Ч. 1. – К.–Х., 2015. – С. 7–30.

⁷ Золотарьов В. Діяльність органів радянської держбезпеки зі здійснення «куркульської операції» у Харківській області (1937–1938 рр.). – С. 169.

«Бельський всім дав ясну установку на оперативній нараді співробітників наркомату: “Шпигун або учасник організації, все рівно він буде розстріляний. Для того, щоб отримати від нього все – дайте йому по пиці. Чому не можна?”. Всі схвально віднеслися до цього. Пам’ятаю, як поступово почалося застосовування фізичних методів впливу. Йшло це з наркомату, а дивлячись на наркомат, і в областях почали застосовувати ці форми слідства»⁸.

Л. Бельський 9 серпня 1937 р. брав участь у засіданні «трійки» УНКВД по Харківській області. На цьому засіданні ухвалили смертний вирок для 156 осіб й ув’язнення до виправно-трудо-вих таборів для 26 осіб. В. Золотарьов наполягав, що Л. Бельський провів інструктаж для керівництва УНКВД та оперативних співробітників щодо застосування тортур, і його присутність на засіданні «трійки» зумовила такі суворі вироки⁹.

Оперуповноважений 4 відділу УДБ УНКВД по Харківській області Я. Ротштейн пізніше свідчив:

«Ми добивалися від арештованих свідчень у більшості випадків палицею, кулаком, як наслідок, люди у напівсвідомому стані, часто невинні, давали свідчення, лежачи на підлозі підписували протоколи про свою причетність до контрреволюційної організації. [...] Ми від втоми падали з ніг. [...] Я особисто, починаючи з серпня 1937 р. до 25 червня 1938 р., закінчував роботу о 6–7 годині ранку. Я не знав відпочинку, працював дуже часто без вихідних днів. Я не мав часу, щоб приділити увагу собі, дітям своїм, яких я мав виховувати у більшовицькому дусі. [...] Бувало йдеш о четвертій–п’ятій або о пів на шосту годині ранку. Начальник відділу, який висипається з часу до чотирьох у своєму кабінеті, розпочинає вранці обходити кабінети та смикати двері. Немає співробітника – дає секретарю наказ для чергової моральної догани. А завтра викликає – і ти життя не радий після такого виклику»¹⁰.

Про тортури було поінформоване обласне партійне керівництво. Перший секретар Харківського обкому КП(б)У, канди-

⁸ Золотарьов В. Діяльність органів радянської держбезпеки зі здійснення «куркульської операції» у Харківській області (1937–1938 рр.). – С. 165–166.

⁹ Там само. – С. 166.

¹⁰ Там само.

дат у члени політбюро ЦК КП(б)У О. Осипов на одній з оперативних нарад УНКВД по Харківській області заявив:

«Краще добре побити ворога та відповідати за те, що бив, ніж не чіпати і за це нести відповідальність перед партією»¹¹.

Отже, місцеві апарати органів держбезпеки, незважаючи на масові арешти обласних і районних партійних керівників, співпрацювали із партійними комітетами КП(б)У. Спроби окремих секретарів обкомів Компартії під час затвердження кадрів обласного УНКВД звинуватити співробітників держбезпеки у катуваннях були одразу нівельовані окриком Й. Сталіна. Останній 10 січня 1939 р. надіслав шифротелеграму секретарям обкомів і крайкомів Компартії, начальникам УНКВД, наркомам внутрішніх справ республік:

«ЦК ВКП стало відомо, що секретарі обкомів – крайкомів, перевіряючи співробітників УНКВД, ставлять їм у вину використання фізичного впливу стосовно арештантів як щось злочинне. ЦК ВКП роз'яснює, що використання фізичного впливу у практиці НКВД було допущене із 1937 р. із дозволу ЦК ВКП¹². При цьому зазначалося, що фізичний вплив допускався як виключення і при тому стосовно лише тих явних ворогів народу, які, використовуючи гуманні методи допиту, зухвало відмовляються видати заколотників, місяцями не дають свідчень, намагаються загальмувати розкриття змовників, які залишилися на волі – тобто продовжують боротьбу із Радянською владою також у в'язниці. [...] ЦК ВКП вважає, що метод фізичного впливу повинен обов'язково використовуватися і надалі, у вигляді виключення, стосовно явних і нероззброєних ворогів народу як цілком вірний і доцільний метод. ЦК ВКП вимагає від секретарів обкомів, крайкомів, ЦК національних Компартій, щоб вони при перевірці співробітників НКВД керувалися даним роз'ясненням»¹³.

Таким чином, теза М. Хрущова, проголошена на XX з'їзді КПРС, про вихід органів державної безпеки з-під контролю партійних органів цілком безпідставна.

¹¹ *Золотарьов В.* Діяльність органів радянської держбезпеки зі здійснення «куркульської операції» у Харківській області ... – С. 166.

¹² Так у тексті.

¹³ *Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / сост. В. Хаустов, В. Наумов, Н. Плотникова.* – М.: МФД, Материк, 2006. – С. 14–15.

Отже, не агентурно-оперативна майстерність стала основою розкриття численних «шпигунів» і «диверсантів», «антирадянщиків» на Харківщині. Саме через психологічне і фізичне катування підслідні визнавали себе винними.

«Трійка» УНКВД по Харківській області розпочала свою роботу 8 серпня 1937 р. Згідно із ухвалами лише «трійки», за 1937–1938 рр. на Харківщині було вбито 6830, ув'язнено до виправно-трудова таборів 6400 осіб¹⁴. Паралельно проводилися масові арешти, розстріли і ув'язнення по так званих «національних лініях», що не мали ніяких лімітів, ухвалювали судові рішення спецколегія Харківського обласного суду, виїзна сесія військової колегії Верховного суду, Особлива нарада при НКВД СРСР. Станом на 1 січня 1938 р. тільки по «польській лінії» було арештовано 3492 особи, більшість із них була розстріляна¹⁵.

У цьому контексті повною несподіванкою для співробітників НКВД СРСР стала постанова РНК і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. «Про арешти, прокурорський нагляд та провадження слідства»¹⁶, наказ наркома внутрішніх справ СРСР Л. Берії №00762 від 26 листопада 1938 р. «Про порядок здійснення постанови РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.»¹⁷ щодо припинення масових репресивних операцій. Несподіванкою був не факт завершення періоду спрощеного слідства, а звинувачення у порушенні «соціалістичної законності»¹⁸.

¹⁴ Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. / упоряд. С. Кокін, М. Юнге. – Ч. 2. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2010. – С. 298.

¹⁵ Про результати масових операцій по «національних лініях» див.: *Бажан О., Золотарьов В.* Великий терор на Харківщині... – С. 14–18.

¹⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. / сост. В. Н. Хаустов и др. – М.: Материк, 2004. – С. 606–611.

¹⁷ Там же. – С. 612–615.

¹⁸ *Подкур Р.* Реакція співробітників органів державної безпеки УРСР на припинення «великого терору» (листопад 1938–1939 рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2009. – № 2. – С. 136–167 та ін.

За більшовицькою традицією, зазвичай всі постанови ЦК партії обговорювалися на зборах партійних осередків обласних УНКВД. Але у даному випадку партійні збори перетворилися на «змагання за виживання». Оскільки раптом практично всі співробітники держбезпеки усвідомили, що вони стали кандидатами у порушники «соціалістичної законності».

Тривалий час протоколи партійних зборів обласних УНКВД не були предметом історичного аналізу. Основна причина полягала у обмеженому доступі до документів колишніх комуністичних спецслужб. Хоча деякі протоколи, як засвідчила дослідницька практика, зберігалися у державних архівах у фонді первинних партійних організацій обласних УНКВД. Зокрема, стенограма партійних зборів УНКВД по Житомирській області від 16–23 грудня 1938 р. – у фонді «Первинної партійної організації УГБ УНКВД по Житомирській області» Державного архіву Житомирської області¹⁹; стенограма звітно-виборних зборів партійного комітету НКВД УРСР від 10 грудня 1938 р. – у фонді «Партійного комітету КП(б)У НКВД УРСР» Центрального державного архіву громадських об'єднань України²⁰. Але їх всебічному аналізу заважав брак інформації та відсутність чітко окреслених наукових завдань.

Протоколи партійних зборів й оперативних нарад співробітників УНКВД по Вінницькій, Ворошиловградській, Дніпропетровській, Житомирській, Кам'янець-Подільській, Київській, Одеській, Полтавській, Харківській (протоколи засідання партійних осередків відділів УНКВД) областях, НКВД УРСР та НКВД Молдавської АРСР були опубліковані у межах спільного міжнародного проекту «Відлуння Великого терору: співробітники НКВС на лаві підсудних (1938–1941 рр.)»²¹. Вже опубліковано три томи науково-документального збірника, видано два чис-

¹⁹ Держархів Житомирської обл., ф. 559, оп. 1, спр. 1, арк. 1–195.

²⁰ ЦДАГО України, ф. 312, оп. 1 а, спр. 82, арк. 1–240.

²¹ Відлуння Великого терору. Зб. док. у трьох томах. Т. 1: Партійні збори та оперативні наради співробітників управлінь НКВС УРСР (листопад 1938 – листопад 1939 рр.) / авт.-уклад.: В. Васильєв, Л. Віола, Р. Подкур. – К.: Видавець В. Захаренко, 2017. – 744 с.

ла часопису «З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ» за результатами досліджень міжнародного наукового колективу²², надруковані монографічні дослідження²³.

Незважаючи на значну кількість опублікованих документів, монографій та статей, дослідники продовжували виявляти нові документи, прізвища конкретних виконавців смертних вироків, слідчих, вивчати нюанси фальсифікації кримінальних справ, маніпуляцій інформацією, отриманою від підслідних, застосування психологічних і фізичних катувань, досліджувати подальшу долю чекістів після ХХ з'їзду КПРС.

Саме під час таких наукових пошуків і був виявлений протокол загальних партійних зборів співробітників УГБ УНКВД по Харківській області від 26–27 січня 1939 р.²⁴ Це були другі партійні збори, що проводилися з метою обговорення постанови РНК і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. «Про арешти, прокурорський нагляд та провадження слідства».

Перше обговорення відбулося 4–5 грудня 1938 р. під час довиборів партійного комітету УНКВД по Харківській області. Однак співробітники були спантеличені арештом в Одесі ко-

²² *Кокін С.* Доля співробітників УНКВС по Житомирській області – організаторів та виконавців «Великого терору» (за матеріалами архівно-кримінальних справ 1938–1940 рр.) // *З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД– КГБ.* – 2015. – № 1. – С. 121–233; *Васильєв В., Подкур Р.* Організатори та виконавці масового вбивства людей в 1937–1938 рр.: долі співробітників Вінницького й Кам'янець-Подільського обласних управлінь НКВС // *Там само.* – С. 48–121; *Золотарьов В.* «Використані та викинуті»: співробітники УНКВС по Харківській області, засуджені за порушення «соціалістичної законності» наприкінці 1930-х рр. // *Там само.* – С. 234–360; *Савин А., Тепляков А.* «Партия может ошибаться, а НКВД – никогда». Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых (1939–1943 гг.) // *Там само.* – № 2. – С. 91–141; *Виола Л.* Дело Уманского районного отдела НКВД // *Там само.* – С. 180–223 та ін.

²³ *Васильєв В., Подкур Р.* Радянські карателі. Співробітники НКВС – виконавці «Великого терору» на Поділлі. – К.: Видавець В. Захаренко, 2017. – 240 с.; *Юнге М.* Чекисты Сталина: мощь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.; *Viola L.* Stalinist Perpetrators on Trial. Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine. – Oxford: Universide Press, 2017. – 304 p.

²⁴ Держархів Харківської обл., ф. 582, оп. 1, спр. 16.

лишнього заступника начальника УНКВД Д. Перцова. Його обвинуватили у порушенні «соціалістичної законності». Тому співробітники держбезпеки не знали, як себе поводити. Також на грудневих 1938 р. зборах був присутній начальник УНКВД по Харківській області Г. Кобизев, який безпосередньо вимагав катувати підслідних для отримання необхідних зізнань. На зборах був присутній секретар Харківського обкому КП(б)У О. Осипов, який теж поблажливо ставився до використання катувань у слідчій роботі. Тому ніхто із співробітників держбезпеки не збирався взагалі обговорювати факти тортур, вбивства підслідних, фальсифікації кримінальних справ. Спроби окремих співробітників «у порядку більшовицької критики» розкрити подібні факти були зупинені секретарем парторганізації Л. Тищенком.

Після арешту Г. Кобизєва у січні 1939 р. ситуація кардинально змінилася. Паралельно прояснилася позиція наркомату внутрішніх справ УРСР, де почали вимагати «викрити порушників соціалістичної законності». Оскільки на попередніх зборах було важко визначити «кандидатів» у порушники «соціалістичної законності» і «поплічників» арештованих Кобизєва–Перцова, тому 26–27 січня 1939 р. відбулися ще одні партійні збори для обговорення згаданої постанови РНК і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. та критики проведення оперативно-слідчої роботи в умовах спрощеного слідства.

Однією із центральних тем для обговорення стала діяльність особливої слідчої групи, що розслідувала «контрреволюційну роботу» співробітників УНКВД по Харківській області. Її роботою керував І. Крюков, наглядав – Д. Перцов. Одним із напрямів роботи цієї групи стало розкриття «контрреволюційних змов» серед чекістів. Так, до рук слідчих цієї групи потрапили співробітники-євреї, яких звинуватили у причетності до «сіоністської організації»²⁵.

На початку 1938 р. трендом у НКВД СРСР стало звільнення чи переведення до неоперативних підрозділів співробітників

²⁵ Про роботу особливої слідчої групи див.: *Золотарёв В.* Страницы биографии «нарушителя социалистической законности» Давида Ароновича Перцова // *Чекисты на скамье подсудимых.* – М.: Пробел, 2017. – С. 209–268.

держбезпеки, які мали єврейське походження. Відповідну вказівку дав нарком внутрішніх справ СРСР М. Єжов під час відвідин НКВД УРСР у лютому 1938 р. Начальник відділу кадрів НКВД УРСР (лютий–травень 1938 р.), згодом начальник УНКВД по Харківській області Г. Кобизєв свідчив:

«17 лютого я подав Єжову матеріали, що характеризували кадри: персональний список усіх співробітників оперативних відділів, на яких були матеріали, що компрометують (осіб 600–800) [...]. Коли я ввійшов із доповіддю про кадри до кабінету Успенського, де були Єжов та Успенський, то Єжов, не переглянувши матеріали, сказав: “Подивився я на кадри, тут не український НКВД, а Біробіджан”»²⁶.

Нарком внутрішніх справ УРСР О. Успенський одразу почав реалізувати настанови московського керівництва. На думку В. Золотарьова і Ю. Шаповала, вилучення євреїв із органів держбезпеки пояснюється не лише антисемітизмом, а й «сіоністською операцією», розпочатою на початку 1938 р. Підставою для «сіоністської змови в НКВД» було не тільки єврейське походження, а й політичне минуле. Чимало чекістів у 1917 – початку 1920-х рр. були членами єврейських соціалістичних партій²⁷. У причетності до сіоністського підпілля обвинуватили начальника відділення особливого відділу УНКВД по Харківській області З. Щеголевського, оперуповноваженого 5 відділу Б. Сандлера, оперуповноваженого 6 відділу М. Лівшиця та ін. Їх обвинувачували у створенні «сіоністської організації» в УНКВД по Харківській області. Але Д. Перцов, який керував розслідуванням, «уточнив» політичне спрямування організації «троцькістсько-сіоністська»²⁸.

Впевненість, що згадані співробітники – «вороги народу» – не зникла навіть під час обговорення постанов РНК і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. Особливоуповноважений УНКВД по

²⁶ Золотарьов В.А. Олександр Успенський: особа, час, оточення. – Х.: Фоліо, 2004. – С. 196.

²⁷ Шаповал Ю., Золотарьов В. Євреї в керівництві органів ДПУ–НКВС УСРР–УРСР у 1920–1930-х рр. // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2010. – № 1. – С. 67.

²⁸ Держархів Харківської обл., ф. 582, оп. 1, спр. 16, арк. 27.

Харківській області сержант держбезпеки Г. Мордухович заявив на партійних зборах:

«Моя думка про заарештованих зазначеної мною групи, що вони, безумовно, вороги, але через те, що з самого початку у цих справах повели неправильне слідство, то до кінця цих ворогів, безумовно, не викрили»²⁹.

Його підтримав начальник 3 відділення 3 відділу УНКВД по Харківській області Є. Маслов³⁰.

Цікаво, що на партзборах переслідування за національною ознакою чекісти інтерпретували як «фашизм». Вони вже «забули», що вони ще декілька місяців перед тим масово арештовували громадян за «національною лінією»: поляків, німців, греків, вихідців із прибалтійських країн та ін.

Також чекісти обговорювали факти масових тортур підслідних, у тому числі співробітників держбезпеки. Загалом засуджуючи сам факт катування, вони намагалися приховати інформацію. Виступаючи на зборах, окремі чекісти заперечували факт постійних тортур арештованих, стверджуючи, що «били, але не сильно», «побиття не було системою», «якщо і бив, то із санкції і дозволу керівництва». Деяких свої колег, зокрема І. Друшляка, вони охарактеризували як «форменого садиста». Так, арештований Бандура, якого допитував І. Друшляк,

«[...] кричав благим матом і просив його вести куди завгодно, тільки не до Друшляка».

У результаті підслідний Бандура був вбитий Друшляком на черговому допиті. Архівно-кримінальну справу на Бандуру так і не знайшли³¹.

Г. Мордухович у виступі на зборах зазначив, що у кабінеті, де працював І. Друшляк, стіна роздовбана, оскільки згаданий слідчий розбив її «головами арештованих»³².

²⁹ Держархів Харківської обл., ф. 582, оп. 1, спр. 16, арк. 28.

³⁰ Там само, арк. 41.

³¹ Реабілітовані історією. Харківська область: Кн. 3. – Ч. 1. – К.–Х.: Оригінал, 2015. – С. 162.

³² Держархів Харківської обл., ф. 582, оп. 1, спр. 16, арк. 31.

Виступаючи співробітники держбезпеки розповідали про коригування протоколів як слідчими, так і начальниками відділів, і керівництвом УНКВД. Одним із типових «коригувальників» і маніпуляторів інформацією назвали заступника начальника 3 (контррозвідувального) відділу І. Крюкова³³. Але І. Крюков намагався виправдатися. У відповідь на звинувачення він зазначив, що... «виправляв безграмотно написані протоколи»³⁴.

На думку чекістів, процедура спрощеного слідства повинна була залишатися відомчою таємницею. Саме тому тих осіб, компрометуюча інформація на яких не підтвердилася, замість звільнення намагалися вбити. Так на згаданих партійних зборах була зачитана постанова про направлення на розгляд «трійки» кримінальної справи на В. Занкович. Її обвинуватили у нелегальному переході кордону і шпигунстві на користь Польщі. Але слідство не виявило ніяких фактів щодо нелегального переходу кордону, однак її справу направили на розгляд «трійки» УНКВД по Харківській області³⁵.

Загалом, аналізуючи поведінку співробітників державної безпеки на партійних зборах, варто виділити декілька її типів:

- несприйняття обвинувачень у порушенні «соціалістичної законності». Такі співробітники були впевнені, що арешти були здійснені на підставі обґрунтованих свідчень чи оперативних матеріалів. У застосуванні «фізичних методів впливу» вони не бачили нічого поганого, оскільки підслідні – «вороги народу», які не бажають надавати необхідні свідчення. На партійних зборах І. Крюков свідчив:

«за 8 років моєї роботи в органах ГПУ–НКВД я ніколи не вважав для себе можливим у білих рукавичках допитувати заарештованих за контрреволюційну діяльність».

Він похвалявся, що вважав, що його репутація «жорсткого слідчого» є найкращою відзнакою його роботи³⁶;

³³ Держархів Харківської обл., ф. 582, оп. 1, спр. 16, арк. 40.

³⁴ Там само, арк. 96.

³⁵ Там само, арк. 70–71.

³⁶ Там само, арк. 90.

- визнання окремих помилок у слідстві, але свої дії виправдовували небажанням керівництва відділу/УНКВД дослухатися до аргументів слідчого;
- окремі співробітники розуміли, що здійснюють порушення «соціалістичної законності», але спрощений порядок слідства, вимоги керівництва УНКВД про надання «протоколів зізнання», ініційована керівництвом Компартії пропагандистська кампанія пошуку «ворогів народу» не спонукали їх до опору. Вони боялися/думали, що це – «правильна лінія», а їхні кроки усупереч будуть розцінені як «захист контрреволюціонерів»;
- деякі співробітники каялися, визнавали свої помилки і перекладали вину на керівників УНКВД і НКВД УРСР. Вони стверджували, що сумлінно виконували накази начальства і не вникали у правові колізії. Такі співробітники викривали «ворожу діяльність» начальників УНКВД по Харківській області Л. Рейхмана, Г. Кобизева, називаючи їх «ворожим охвістям», розповідали про конкретні факти злочинів, назвали прізвища їхніх найближчих «спільників». Така поведінка цих співробітників була зумовлена тим, що здебільшого саме вони були надійними виконавцями наказів керівництва УНКВД;
- інші чекісти каялися, що, знаючи про випадки порушення процедури провадження слідства, катувань підслідних або й їх вбивство, не повідомили партійний комітет. Звичайно, що реально вони не збиралися повідомляти про ці випадки, оскільки були поінформовані про дозвіл відомчого керівництва на побиття підслідних, фальсифікацію кримінальних справ.

Отже, повний доступ до документів комуністичних спецслужб змінив уявлення про їхню роль у структурі державного управління СРСР. Репресивна складова була лише частиною їхньої поточної діяльності у функціонуванні системи державного терору як методу управління радянською державою.

Протоколи партійних зборів УГБ УНКВД по Харківській області розкрили цікаві нюанси реалізації масових операцій 1937–

1938 рр. Відкрита дискусія чекістів про обставини спрощеного слідства під час Великого терору розкрила ницість і підлість цих людей. Переважна більшість із них розуміли, що відправляють на смерть невинних людей, однак жоден із них не побажав звільнитися із органів НКВД, не чинив спротив наказам керівництва. Вони намагалися діяльністю засвідчити свою політичну лояльність і залишитися членами «чекістської корпорації».

Нижче публікується протокол закритих партійних зборів УГБ УНКВД по Харківській області, що відбулися 25–27 січня 1939 р. Документ публікується мовою оригіналу. Наявні у тексті стилістичні й орфографічні помилки, що не впливають на зміст документа, виправлені без застережень. При коментуванні протоколу зборів були використані біографічні довідки співробітників держбезпеки, що були підготовлені В. Золотарьовим.

ПРОТОКОЛ
закритого собрания партійної організації
УГБ УНКВД по Харьковской области
от 25–27 января 1939 г.

ПРИСУТСТВОВАЛО: членов ВКП(б) – 111 чел.
кандидатов – 27 чел.

СЛУШАЛИ: О реализации решений партийного собрания по отчётному докладу Партийного Комитета парторганизации УГБ 4–5 декабря 1938 года. (Докладчик тов. ТИЩЕНКО³⁷).

Товарищи! Как Вам известно, декабря³⁸ 1938 года на довыборном собрании нашей партийной организации Партийный Комитет отчитывался за свою работу, тогда всем уже нам было известно о решении ЦК ВКП(б), СНК от 27.XI.[19]38 г. «Об ошибках в работе наших органов». Это постановление касалось и нас всех в полной мере.

³⁷ Тищенко Леонид Алексеевич (рос.) (1899–1943) – на грудень 1938 – лейтенант державної безпеки, секретар партійної організації УНКВД по Харківській обл.

³⁸ Ймовірний пропуск дати зборів.

Казалось бы, что Партийный Комитет и собрание должны были, на основе этих решений, во всю ширь развернуть смелую большевистскую критику, невзирая на лица и их ранги и этим самым вскрыть все те серьёзные ошибки, допущенные нами в процессе работы Харьковского Областного Управления НКВД и наметить пути для их немедленного устранения и недопущения подобных ошибок в нашей дальнейшей практической работе.

Так ли это было? Нет.

Ни Партийный Комитет, ни отдельные товарищи широко не развернули критику и самокритику и не вскрыли своих серьёзных ошибок.

Хотя некоторые товарищи и выступили с критикой (ГИНЕСИН³⁹, ПЕРЕВОЛОЧАНСКИЙ, ГИЛЬШТЕЙН⁴⁰, БРАТШТЕЙН) и др., но эта критика была робкая недостаточная. А ряд товарищей (СЕРЕДА⁴¹, БАРБАРОВ⁴², КЕЙС⁴³, ПЕРЕВОЛОЧАНСКИЙ, ГИНЕСИН, ПЕТРОВ⁴⁴, ШТАРКМАН), знал о вражеских действиях ныне

³⁹ Гинесин Самуил Абрамович (рос.) (1904–?) – із 1934 – нач. відд-я СПВ УНКВД по Донецькій обл. Із 04.08.1934 – заст. нач. 4 відд. УНКВД по Вінницькій обл. Із 01.10.1937 – нач. 4 відд. УНКВД по Кам'янець-Подільській обл. Із 25.05.1938 – нач. 4 відд. УНКВД по Харківській обл. Звільнений із органів НКВД 05.06.1939.

⁴⁰ Гильштейн Пейся Абрамович (рос.) (?–?) – із 01.04.1938 – пом. нач. відд-я 3 відд. УНКВД по Харківській обл.

⁴¹ Середя Яков Петрович (рос.) (1903–?) – із 04.1933 – нач. Миропільського РВ ГПУ УСРР. Із 07.1937 – відряджений до УНКВД по Харківській обл. Із 22.04.1938 – нач. відд-я, із 13.07.1938 – пом. нач. 5 відд. УНКВД по Харківській обл. Із 03.09.1938 – нач. 1 відд-я ОВ НКВД Харківського ВО. Арештований 22.03.1939. Засуджений до 10 років ВТТ.

⁴² Барбаров Пётр Иосифович (рос.) (1905–?) – із 01.04.1937 – нач. 2 відд-я 3 відд., із 08.03.1938 по 19.04.1939 – нач. 3 відд. УНКВД по Харківській обл. Звільнений із органів НКВД 05.06.1939.

⁴³ Кейс Иван Александрович (рос.) (1907–?) – із 01.04.1938 – пом. нач. відд-я 12 відд., до 02.08.1938 – пом. нач. 8 відд-я 3 відд., із 02.08.1938 – нач. відділу кадрів УНКВД по Харківській обл.

⁴⁴ Петров Пётр Васильевич (рос.) (1896–?) – пом. нач. від. місць ув'язнень УНКВД по Харківській обл. Засуджений.

арестованих, як вороги народу, ПЕРЦОВА⁴⁵ і КОБЫЗЕВА⁴⁶, не виступили і не досказали зборанню партійному, а також не розказали і о своїх незаконних діяннях, які вони про-водили під керівництвом ПЕРЦОВА і КОБЫЗЕВА (СЕРЕДА, БАРБАРОВ, ШТАРКМАН).

І тепер це зрозуміло, чому ці товариші не виступали і не відкрили ворожих діянь ПЕРЦОВА і КОБЫЗЕВА, ібо говорячи о[б] їх діяннях, потрібно було б розказати і о собі і вони, очевидно, відпочли краще умовчати.

Ці факти наполегливо підтверджують те обставина, що смілої критики не було і партійної організації, яка, особливо в нашій організації, повинна була б бути розвернута во всю ширь.

Я не хочу зняти вини з себе, як секретаря Партійного Комітету, мені потрібно було б поставити питання на принципову висоту, коли було ясно видно, що КОБЫЗЕВ ігнорує нашу партійну організацію і її тяготиться. Він не відвідував партійні зборання і не цікавився партійним життям.

Тільки один товариш ШЕРШУН тоді ж на зборанні виступив і сміло заявив о непартійному поведінні КОБЫЗЕВА. Його виступлення було прийнято за шутку, посміялись і на цьому змирились.

На основі прийнятого зборанням рішення і в відповідності з рішенням ЦК ВКП(б) і СНК від 17.ХІ.[19]38 г. і постановлення

⁴⁵ *Перцов Давид Аронович* (рос.) (1909–1948) – із 01.1937 – пом. нач. 4 відд-я 3 відд. НКВД УРСР. Із 08.08.1937 – пом. нач. 4 відд. НКВД УРСР. Із 1938 – заст. нач. 4 відд. НКВД УРСР. Із 05.04.1938 – заст. нач. УНКВД по Харківській обл. Із 07.1938 – нач. Чорноморського морського відділу, Одеса. Арештований 16.11.1938. Засуджений 15.09.1939 ВКВС СРСР до 4 років ВТТ. ВКВС СРСР 12.12.1940 вирок скасований, справа направлена на дослідження. ВТ військ НКВД КОВО 05.06.1941 засуджений до 15 років ВТТ.

⁴⁶ *Кобызев Григорий Михайлович* (рос.) (1902–1941) – 17.02.1938 – 20.05.1938 – нач. відділу кадрів НКВД УРСР, 20.05.1938 – 15.01.1939 – нач. УНКВД по Харківській обл. Арештований 01.1939. Засуджений ВКВС СРСР до 15 років ВТТ. Помер в ув'язненні у Північно-Східному таборі. У реабілітації відмовлено у 1999.

ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», новый состав Партийного Комитета должен был мобилизовать парторганизацию за выполнение этих решений. Вот я Вам и хочу сейчас доложить, как мы проводили в жизнь эти исторические решения.

Нужно указать, что к этому времени стали уже поступать сигналы отдельных товарищей о вражеском действии разоблачённого врага народа КОБЫЗЕВА, Партийный Комитет быстро реагировал на них и начал принимать действенные меры для того, чтобы вскрыть эти действия. Этому способствовало и то обстоятельство, что на оперативных совещаниях был проработан приказ по Калининской области о преступно вопиющих фактах в области следственной работы.

На совещаниях ряд товарищей, обсуждая приказ, указывали на ряд серьёзных извращений в следственной работе и в ряде отделов нашего Областного Управления НКВД.

Кроме этого, Партийный Комитет, будучи осведомлён о вражеских методах действий, которые проводились по заданию врага народа УСПЕНСКОГО⁴⁷ по Полтавской области, также быстро реагировал и занялся проверкой и выявлением подобных фактов и по Харьковской области.

Партийный Комитет вынужден был начать эту работу через голову КЕЙСА, так как КЕЙС, получая установки врага КОБЫЗЕВА, проводил их в жизнь, но об этом Партийный Комитет не поставил в известность.

Был вызван тов. ЕВСЕЕВ, который сообщил, что КЕЙС давал установку меньше принимать евреев в наши органы, а больше брать русских и украинцев, ссылаясь на МАЯНЦА и ПРОШКИНА, которые могут подтвердить эти факты. МАЯНЦ отказался, тогда мы вынуждены были стать на путь очной ставки между ЕВСЕЕВЫМ и МАЯНЦЕМ и всё же МАЯНЦ этот факт не подтвердил. ПРОШКИН же подтвердил, что такие установки КЕЙС давал.

⁴⁷ Успенский Александр Иванович (рос.) (1902–1940) – комісар держбезпеки 3 рангу. У 1938 г. – нарком внутрішніх справ УРСР. Інценував загибель у листопаді 1938, втік із Києва. Арештований у 04.1939 у м. Міассі Челябінської обл. У 01.1940 за вироком ВКВС СРСР розстріляний.

29-го декабря 1938 года было созвано внеочередное заседание Партийного Комитета, где, на основе этих фактов, перед КЕЙСОМ был поставлен вопрос, почему он скрывает от Партийного Комитета известные ему факты о вражеской работе КОБЫЗЕВА. КЕЙС вынужден был признаться и рассказал ряд вопиющих фактов о преступной деятельности КОБЫЗЕВА.

После этого Партийный Комитет занялся проверкой и сбором фактов о вражеской деятельности КОБЫЗЕВА.

В результате, к концу месяца был собран ряд фактов, о которых Партийный Комитет решил поставить в известность Секретаря Харьковского Обкома КП(б)У тов. ФРОЛКОВА⁴⁸ и попутно с этим был направлен материал Народному Комиссару Внутренних Дел СССР тов. БЕРИЯ⁴⁹. Всю эту работу Партийный Комитет проводил, не ставя в известность партийную организацию, дабы этим самым не предать огласки всем фактам, которые заслуживали серьёзного внимания.

Пакет на имя тов. БЕРИЯ был направлен нарочным фельдъегерем и попутно с этим лично были вручены все материалы т. ФРОЛКОВУ. Получил [партийный комитет] от него соответствующую установку об этих фактах до указания Обкома на партийном собрании не поднимать вопроса. Так мы и поступили.

Все эти факты Партийный Комитет считает необходимым довести до сведения сегодняшнее собрание. (Зачитать материалы, направленные на имя т. БЕРИЯ и ФРОЛКОВА).

Характерно, что после ареста КОБЫЗЕВА стали поступать сигналы о том, что в 3-м Отделе есть ряд серьёзных извращений в оперативно-следственной работе, в частности, из русских делали поляков и их судили, фабриковались протоколы допросов, в частности был сфабрикован протокол быв[шим] работником 3 Отдела СКРАЛИВЕЦКИМ⁵⁰ на одного осуждённого,

⁴⁸ Фролков Алексей Андреевич (рос.) (1904–1989) – із 08.01.1939 – 2-й секретар Дніпропетровського обкому КП(б)У, у січні 1939 – березні 1940 – 1 секретар Харківського обкому КП(б)У.

⁴⁹ Берия Лаврентий Павлович (рос.) (1899–1953) – у 1939 – комісар держбезпеки 1-го рангу. У 1938–1945 – нарком внутрішніх справ СРСР, із 1941 – заст. голови РНК (Ради Міністрів СРСР). У 06.1953 арештований. Розстріляний 23.12.1953.

приговор которого был приведён в исполнение без всяких протоколов. СКРАЛЕВЕЦКИЙ расписался за арестованного, БАРБАРОВ же, будучи Начальником 3 Отдела, зная об этом, скрыл этот факт, больше того, он даже утвердил постановление на этого арестованного.

Другой случай. Была арестована ФУКС-ВЕЙСБЕРГ, которая обвинялась в шпионаже, в результате следствием было не установлено инкриминируемое ей преступление, в связи с чем было вынесено постановление о её освобождении из-под стражи. Но на этом постановлении, очевидно, рукой БАРБАРОВА, красным карандашом было написано: «Направить на Тройку». И совершенно невинного человека судили на 15 лет. Сейчас её дело пересмотрено и прекращено.

Характерно привести ещё пару фактов из области деятельности тов. БАРБАРОВА.

В октябре 1938 года было вынесено постановление по делу обвиняемого МИСЕЦКОГО Станислава Николаевича⁵¹, обвиняемый по ст. 54-1 п. «а» УК УССР, и ЗИНКОВИЧ Виктории Бонифатовны⁵² по обвинению по ст. 54-6 УК УССР. Оба они обвинялись в измене родине, но в процессе следствия они были полностью реабилитированы и подлежали освобождению из-под стражи. Несмотря на это, БАРБАРОВ утверждает постановление о направлении этих дел на Особую Тройку, зная заведомо, что люди

⁵⁰ *Скралевецкий Вульф Ноевич* (рос.) (1899–?) – у 1937–1938 – співробітник 3 відд. УНКВД по Харківській обл.

⁵¹ *Місецький Станіслав Миколайович* (1910 –?) – нар. у с. Веселець Вінницького пов. Подільської губ., поляк, із селян, освіта початкова, позапарт., проживав у Харкові, робітник ХТЗ. Арештований 10.07.1938 за шпигунську діяльність (ст. 541 п. «а» КК УРСР), справу закрито УДБ УНКВД по Харківській обл. 25.11.1938 за недоведеності складу злочину, звільнений з-під варті 08.12. 1938.

⁵² Так у тексті. *Занкович Вікторія Боніфатівна* (1898 –?) – нар. у міст. Ліозно Оршанського пов. Могильовської губ., полька, із селян, освіта початкова, позапарт., проживала в Харкові, прибиральниця готелю «Інтернаціонал». Арештована 01.06.1938 за розвідувальну діяльність (ст. 54-1 п. «а» КК УРСР), справу закрито УГБ УНКВД по Харківській обл. 25.11.1938 зі звільненням з-під варті.

невиновны. Позже они были освобождены, и, когда т. НИКОЛАШКИН – 3-й Секретарь Партийного Комитета, обратил внимание т. БАРБАРОВА на безобразное отношение к следственным делам и на незаконное направление Дел на Тройку, заявив, что эти постановления являются вредными и незаконными, БАРБАРОВ прибежал в Партийный Комитет и требовал от меня, как Секретаря, поставить вопрос о поведении НИКОЛАШКИНА, обвиняя его в том, что НИКОЛАШКИН неправ и он его этим оскорбил.

Я хочу ещё обратить Ваше внимание на поведение ШТАРКМАНА.

ШТАРКМАН, после того как стало известно решение ЦК ВКП(б) и СНК от 17.XI.[19]38 г. он. вместо того, чтобы вскрыть вражескую деятельность ПЕРЦОВА, а также и КОБЫЗЕВА, пытался стать на путь огульного охаивания всей партийной организации и не выступил на собрании и не вскрыл тех незаконных действий, которые ему были известны, работая долгое время Секретарём Тройки.

Характерно поведение и т. ГИНЕСИНА, у которого в отделе имелся целый ряд следственных дел, по которым люди были оговорены врагами, он об этом знал, но решительных мер к освобождению этих людей не принимал (дело ЦЫПКОВСКОГО).

Поведение СЕРЕДЫ заслуживает особого внимания нашей партийной организации, который не только не раскритиковал себя, но даже скрыл вражеские методы действий ПЕРЦОВА, КРЮКОВА и других.

СЕРЕДА стал на гнусный и подлый путь, пользуясь своим служебным положением, умышленно добился, путём мер физических воздействий, от ряда арестованных показаний на кандидата партии ЛИВШИЦА о том, что он является участником одной из организаций. Это не случайно, товарищи. СЕРЕДА стал на путь мести ЛИВШИЦУ за то, что последний посмел выступить с вполне правильной и здоровой критикой по адресу СЕРЕДЫ в мае 1938 г. на отчётно-выборном собрании.

И нужно сказать, что если бы не энергичное вмешательство Партийного Комитета, в частности моего, ЛИВШИЦ, несомненно, был бы репрессирован.

Вот теперь, в свете всех перечисленных фактов и вражеских действий, с полной ясностью вырисовывается непартийное лицо БАРБАРОВА, СЕРЕДЫ, КРЮКОВА Ивана⁵³ и других, о которых сегодняшнее партийное собрание будет иметь своё суждение.

Я лично считаю, что СЕРЕДЕ, БАРБАРОВУ, КРЮКОВУ Ивану не место быть в партии и их нужно исключить.

Я не хочу приводить такой шрифт⁵⁴ в отношении СЕРЕДЫ, но он очень характерен и о нём нельзя молчать - это его подхалимское поведение по отношению ПЕРЦОВА и КОБЫЗЕВА.

Если помните, 5 декабря 1938 г. на собрании, когда я выступил против кандидатуры КОБЫЗЕВА, когда его хотели избрать в Партийный Комитет, указал на то, что нет надобности иметь в Партийном Комитете американских наблюдателей⁵⁵, и как пример поставил ПЕРЦОВА, который абсолютно бездействовал, будучи членом Партийного Комитета.

В отношении КЕЙСА, я считаю, он заслуживает сурового партийного наказания, но учитывая, что он искренне осознал свой поступок, честно рассказал Партийному Комитету обо всех известных ему вражеских действиях КОБЫЗЕВА, Партийный Комитет на заседании 25-го января 1939 года вынес решение – за то, что КЕЙС скрыл от партийной организации известные ему факты и некоторые вражеские линии КОБЫЗЕВА проводил, а позже уже сообщил, – вывести из состава Партийного Комитета и вынести ему выговор.

⁵³ Крюков Иван Иванович (рос.) (1903–?) – із 06.1937 – нач. Хоперського РВ УНКВД по Сталінградській обл. Із 14.12.1937 – нач. відд-я 4 відд. УНКВД по Харківській обл. Із 02.1938 – співробітник слідчої групи по справах арештованих співробітників НКВД УРСР. Із 03.1938 – нач. слідчої групи по справах арештованих співробітників УНКВД по Харківській обл. Із 28.05.1938 – заст. нач. 3 відд., із 08.1938 – нач. 8 відд. УНКВД по Харківській обл. Із 11.1938 – облпрокурор Одеської обл. Арештований 17.11.1939. Засуджений 30.09.1940 до 10 років ВТТ.

⁵⁴ Так у тексті.

⁵⁵ Так у тексті, йдеться, ймовірно, про функцію стороннього спостерігача.

Сумма всех этих фактов ещё раз сигнализирует о том, что в нашей партийной организации не было достаточной смелой критики и что эти факты должны послужить горьким уроком для всей партийной организации.

Каждый товарищ должен сделать для себя соответствующий вывод, выступив сегодня на собрании со смелой критикой.

Это ещё раз поможет партийной организации вскрыть все недочёты и извращения, имевшие место в нашей следственной работе, и тогда, несомненно, мы с честью выполним решение ЦК ВКП(б) и СНК от 17.XI.1938 г., не допуская больше подобных ошибок.

На основе постановления ЦК ВКП(б) о постановке проведения партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» и решения ЦК ВКП(б) и СНК – о трудовой дисциплине, наша партийная организация должна будет развернуть широко работу по внедрению этих решений в массы и добьётся положительных результатов как в партийной жизни, так и в производственной работе.

В прениях по докладу выступили следующие товарищи:

Выступление тов. БРАТШТЕЙНА:⁵⁶

Говорит о том, что ещё не окончательно ликвидировано вредительство в работе НКВД, что не даёт возможности вести необходимую агентурную работу.

Предлагает ускорить окончание следственных дел и решить, кто должен быть освобождён или направить дела в суд.

Далее т. БРАТШТЕЙН указывает, что недавно состоявшаяся 2-я Сессия Верховного Совета СССР приняла новое судоустройство, которое обеспечивает граждан от всяких посягательств. Вместе с тем, отдельные лица КРЮКОВ, СЕРЕДА, КОПАЕВ⁵⁷ нарушали Советские законы и применяли фашистские методы

⁵⁶ Тут і далі підкреслення у тексті.

⁵⁷ *Копеев Алексей Павлович* (рос.) (1907–?) – нар. у с. Верблюжки Верблюжської волості Олександрійського повіту Херсонської губ., українець, із селян-бідняків, член Компартії з 1932. Із 12 років працював наймитом. До 1938 – парторг цеху А-7 Харківського заводу ім. Сталіна. До органів НКВД потрапив через партійну мобілізацію у березні 1938.

при веденні слідства, избивая ни в чем неповинных людей – ВОЛОДАРСКОГО, ОЛИЕВИЧА⁵⁸ и др., требуя от них ложные показания также на невинных людей, причём преимущественно на евреев.

Тов. БРАТШТЕЙН указывает на суды ЛИНЧА⁵⁹ в картинах «Профессор Мамлок»⁶⁰ и «Болотные Солдаты»⁶¹, рисующие ужасы, творящиеся в фашистской Германии, при этом заявляет, что подобные методы допускали при ведении следствия СЕРЕДА, КРЮКОВ и КОПАЕВ.

Далее т. БРАТШТЕЙН говорит, что, будучи в служебной командировке в Ахтырке, в беседе с Начальником Груньского РО НКВД КОПАЕВЫМ последний ему рассказывал, как следгруппа по бывшим сотрудникам НКВД СЕРЕДА, КРЮКОВ и он, избивали арестованных б[ывших] сотрудников. При этом КОПАЕВ особенно подчёркивал, что сильнее всех избивался ДРЕШЕР.

Со слов ОЛИЕВИЧА, т. БРАТШТЕЙН привёл факт особого избиения ОЛИЕВИЧА СЕРЕДОЙ, в результате он лишился половых способностей.

Избивая ОЛИЕВИЧА, СЕРЕДА требовал от него показаний, как на участников антисоветской организации на него – БРАТ-

⁵⁸ Олевич-Олиевич Ефим Викторович (рос.) (1903–?) – із 01.1937 – нач. відд-я 3 відд. УНКВД по Харківській обл. Засуджений 08.1932 ВС УРСР до 3 років ВТТ. Судимість знята 05.11.1933. Повторно заарештований 04.11.1937. Справа припинена 12.01.1939. Звільнений.

⁵⁹ Суд Лінча – самосуд у США, призначення та виконання кари не уповноваженими до цього особами. За однією із версій, походить від прізвища судді Чарльза Лінча із штату Вірджинія під час Війни за незалежність. За іншою – від прізвища капітана Вільяма Лінча, який увів у штаті Вірджинія «закон Лінча» про позаправні тілесні покарання у 1780 р.

⁶⁰ Йдеться про кінофільм «Профессор Мамлок», що був відзнятий у 1938 р. на кіностудії «Ленфильм» про політичні утиски у нацистській Німеччині у 1930-х рр.

⁶¹ Йдеться про екранізацію повісті Ю. Олеши «Болотні солдати», що був відзнятий у 1938 р. на кіностудії «Мосфильм» про боротьбу німецьких комуністів проти нацистського режиму у Німеччині. «Болотними солдатами» у Німеччині називали в'язнів концтабору.

ШТЕЙНА, Начальника Отделения 3 Отдела УГБ КУЗНЕЦОВА⁶² и др. – лишь потому, что они евреи.

Тов. БРАТШТЕЙН также рассказывал, как б[ывший] Нач[альник] Груньского РО НКВД КУРИЛО убил у себя в кабинете (в 3 Отделе УГБ) подследственного. Тов. БРАТШТЕЙН предлагает исключить СЕРЕДУ из партии, а в отношении КУРИЛО, КОПАЕВА и КРЮКОВА сообщить парторганизациям по месту их работы в настоящее время.

Затем т. БРАТШТЕЙН говорит, что ему и члену партии МАСЛОВУ, Начальник Отделения 3 Отдела УГБ МАКАРОВ, ныне Начальник следственной группы в Сумах, рассказывал, что КУДРИНСКИЙ⁶³ завёл дело на 50 человек арестованных, которые, по мнению МАКАРОВА, в большинстве ни в чем неповинны. Что один из этих арестованных, являющийся социально-близким, рассказывал МАКАРОВУ, что он настолько был избит палкой КУДРИНСКИМ, что у него на плечах остались сильные следы побоев, которые он показал МАКАРОВУ.

Тов. БРАТШТЕЙН также говорит, что на одной из сводок, где два антисоветских лица клеветнически отзывались о маршале Советского Союза т. БУДЁННОМ⁶⁴, хотя в сводке не говорилось слова «Маршал», однако, это было совершенно ясно, что это касается именно маршала БУДЁННОГО, однако КУДРИНСКИЙ наложил резолюцию: «Установить, где БУДЁННЫЙ работает». Это говорит о том, что КУДРИНСКИЙ не читает внимательно подписываемые им документы.

⁶² Кузнецов Михаил Ульянович (рос.) (1899–?) – у 1937–1939 – оперуповноваж., нач. відд-я 3 відд., із 1939 – заст. нач. слідчої частини УНКВД по Харківській обл.

⁶³ Кудринский Алексей Иванович (рос.) (1900–1986) – із 25.01.1936 – нач. Сумського МВ УНКВД по Харківській обл. Із 05.10.1938 – нач. 8 відд., із 1939 – нач. 1 відд-я ЕКВ УНКВД по Харківській обл. Арештований 16.06.1939. Справа припинена через діагноз «шизофренія», звільнений 11.07.1940.

⁶⁴ Будьонний Семен Михайлович (13/25.04.1883–26.10.1973) – у 1924–1937 – інспектор кавалерії Червоної армії, потім – команд. військами Московського ВО. У 1939–1941 – заступник, згодом перший заступник наркома оборони СРСР.

Тов. БРАТШТЕЙН говорит, что КУДРИНСКИЙ целыми днями сам почти ничего не делает и очень грубо обращается с сотрудниками. Когда он об изложенном написал рапорт б[ывшему] Нач[альнику] УНКВД КОБЫЗЕВУ, то последний перевёл его на работу в 9-й Отдел.

Тов. БРАТШТЕЙН высказывает мнение, что Секретарь Партийного Комитета ТИЩЕНКО неправ, когда особенно выпячивает вину тов. БАРБАРОВА, что, наряду с ошибками в работе, которые имели место у БАРБАРОВА, как у других работников, он всё же работал много и личным примером старался увлекать работников к разгрому антисоветских формирований.

Выступление тов. ШТАРКМАНА.

Несмотря на ряд предупреждений ЦК ВКП(б) о недостатках в работе наших органов в мае 1935 года и последнее решение ЦК ВКП(б) от ноября месяца 1938 года, в нашем Управлении имел место целый ряд грубых искривлений в следственной работе, бывшее вражеское руководство Облуправления НКВД продолжало старую вражескую практику в следственной работе и ряд сотрудников-коммунистов наравне с ними попирали решение ЦК ВКП(б) от ноября месяца 1938 года.

Приказ Наркома Внутренних Дел тов. БЕРИЯ о приостановлении выполнения приговоров⁶⁵ КОБЫЗЕВ предложил НИКОЛАШКИНУ выполнить⁶⁶. Последний со мной поделился об этом незаконном распоряжении и я, как бывший секретарь Особой Тройки, и вместе с т. НИКОЛАШКИНЫМ зашёл к Начальнику 4 Отдела УГБ т. ГИНЕСИНУ, дабы ещё раз познакомиться с приказом Наркома. В процессе ознакомления с приказом я т. ГИНЕСИНУ сказал, что если мы сейчас выполним приказ КОБЫЗЕВА, то этим мы нарушаем решение ЦК ВКП(б) и приказ тов. БЕРИЯ. Тов. ГИНЕСИН не по-партийному мне ответил: «Подумаешь, так мы приказ тов. БЕРИЯ получили позже на один день, а приговоры исполним сегодня».

⁶⁵ Йдеться про наказ НКВД СРСР від 17 листопада 1938 р. «О порядке осуществления постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.».

⁶⁶ Так у тексті. Однак, по смислу документу Кобизев запропонував виконати ухвали «трійки», оскільки необхідно було приховати факти тортур підслідних.

От т. ГИНЕСИНА я зашёл к КОБЫЗЕВУ и заявил, что выписки подписывать не буду, ибо это идёт вразрез решения ЦК, я там тоже получил отклик: «А тебе какое дело? Ты подпиши и сдай в 1-й Спецотдел». Я выписки подписал, но об этом донёс немедленно Наркому Внутренних Дел⁶⁷, доложив ему как в Харьковском Облуправлении НКВД попирают решение ЦК ВКП(б) и приказ тов. БЕРИЯ.

Товарищи, как мы дошли до жизни такой, что ЦК ВКП(б) уже неоднократно нас предупреждает о плохой работе, а мы, чекисты-коммунисты, продолжаем безобразно плохо работать. Это имеет место только потому, что у нас в органах абсолютно отсутствует критика и самокритика, в особенности критика плохой работы.

В отсутствии критики и самокритики [виноваты]мы все – члены парторганизации УГБ, но больше всего я обвиняю секретаря Партийного Комитета т. ТИЩЕНКО. Это он и только он зажимал критику в коллективе. Если кто выступит на собрании и заденет кого, сейчас же отклик от т. ТИЩЕНКО: «Короче, время истекло» и т. д. Осадит выступавшего и этим кончается. Если бы т. ТИЩЕНКО не зажимал бы критики, то враг КОБЫЗЕВ и т. п. были бы разоблачены до их ареста.

В ноябре месяце я выступил на оперативном собрании и привёл ряд фактов антипартийных дел, творящихся в Харьковском Облуправлении (на совещании т. ТИЩЕНКО не было). Враг народа, бывший Секретарь Обкома ОСИПОВ⁶⁸ на меня на этом

⁶⁷ Так у тексті. Не зрозуміло – доповів у НКВД УРСР чи НКВД СРСР.

⁶⁸ *Осипов Олександр Васильович* (1899–1983) – нар. у родині залізничного службовця-комірника у с. Єршово Аткарського повіту (нині Аткарський р-н Саратовської обл., РФ). Закінчив 6 класів Саратовського реального училища. У січні 1918 – березні 1919 – агітатор-організатор політвідділу Саратовського губ. військкомату. Член Компартії із 1918. У травні 1935 – серпні 1937 – 1-й секретар Сталінського райкому ВКП(б) м. Москви. У серпні–вересні 1937 – 2-й секретар Донецького обкому КП(б)У. У вересні–жовтні 1937 – в. о. голови Донецького облвиконкому. У жовтні 1937 – травні 1938 – в. о., у травні–грудні 1938 – 1-й секретар Харківського обкому і міськкому КП(б)У. У грудні 1938 відкликаний у розпорядження ЦК ВКП(б) для використання на відповідальній проф-

собрании обрушился, заявив, что ему никто не докладывал из бывшего руководства Харьковского Облуправления НКВД об имевших место таких недопустимых методах следствия (убийство арестованных во время допроса).

ТИЩЕНКО, как секретарь Партийного Комитета, вместо того, чтобы разобраться в моём выступлении, проверить приведённые мною факты на совещании, хотя он больше знает, чем я, как видно по договорённости с КОБЫЗЕВЫМ, на одном из закрытых партийных собраний дал тон партийному собранию, извратил с начала до конца моё выступление на совещании, зажал критику и самокритику, сделал объектом критики меня. Я его и только его считаю виновником зажима критики, ибо вражеская деятельность КОБЫЗЕВА в тот период после бегства врага УСПЕНСКОГО для нас чекистов была ясна. Нужен был только толчок, и всё выплыло бы наружу.

Я лично считаю, что позднее участие ТИЩЕНКО в разоблачении вражеской деятельности КОБЫЗЕВА имеет место потому, что ТИЩЕНКО стали известны новые факты об антисоветской деятельности КОБЫЗЕВА. Для него, как секретаря Парткомитета УГБ, были ясны эти факты и раньше. Но он сделал это под нажимом ряда членов партии и ещё больше, по-моему, потому, что ему стало известно, что КОБЫЗЕВ ведёт линию об освобождении его от Секретаря Партийного Комитета УГБ. О чем КОБЫЗЕВ на одном из оперативных совещаний Начальников Отделов рассказал нам, что [есть] мнение Обкома партии иметь осво-

спілковій роботі. У лютому–червні 1939 – зав. відділу фізичної культури, спорту і туризму ВЦРПС. У 1939 – виключений із ВКП(б). 11 червня 1939 арештований і ув'язнений у Бутирській в'язниці Москви. Засуджений до 5 років ВТТ. Відбував покарання у Москві, Саратові, Нижньому Тагілі та Кімри Калінінської обл. Звільнений у березні 1947. Знову арештований 31 грудня 1948, засуджений до заслання у с-щі Дружний Північно-Єнісейського р-ну Красноярського краю РРФСР. Звільнений із заслання 5 липня 1954. Реабілітований і відновлений у членстві КПРС у 1954. У липні 1954 – січні 1957 – на пенсії у Москві. У січні 1957 – липні 1959 – заст. директора Державного інституту із проектування заводів енергетичної промисловості «Гіпроенергопром» у Москві. Із липня 1959 – на пенсії.

бождённому секретаря, независящего от местного руководства. И когда там, на совещании, зашёл разговор: «А как ТИЩЕНКО?», КОБЫЗЕВ ответил и тов. КЕЙС подтвердил, что у ТИЩЕНКО что-то неблагополучно в личном деле.

Товарищи, как мы работали? Наряду с той большой работой, которую мы провели по разгрому контрреволюционных формирований, надо сказать, что мы ещё проделали мало, плохо работали. Как мы проводили последнюю операцию? Надо сказать прямо, мы подбирали всё то, что плавало сверху, глубокое подполье мы зачастую не вскрывали. Почему это получилось? Это получилось потому, что враги, сидевшие в прошлом руководстве области, не были заинтересованы громить себя и своих. И если мы вспомним февральскую и мартовскую операции, то этим оно и характерно. Собрали всех сотрудников УНКВД, выслав их на районы, они ехали по сёлам, по колхозам, устанавливали, кто, когда арестовывался, кто был у Петлюры, Деникина, устанавливали кулаков и на основе этих собранных материалов составляли оперативные листы на операцию и по этим материалам мы производили массовые операции. А в это время в наших оперативных отделах лежал и лежит под спудом богатейший агентурный материал, накопленный годами, который своевременно не был использован и, безусловно, враги гуляют на свободе.

Товарищи, я хочу привести пару примеров, как плохо мы проводили следствие. Вот ДТО ГУГБ Южных представил на рассмотрение Тройки 23–24 дела на участников одной к[онтр]р[еволюционной] организации «ПОВ». Когда разобрались в этом деле, то оказалось, что польская военно-националистическая организация состоит из 14 украинцев, 4-х русских, 1 еврея, 1 латыша и 2-х только поляков. Возникает вопрос – какая это польская националистическая организация «ПОВ» из украинцев и русских? Тут дело нечистое, и когда кинулись проверять, то оказалось, что несколько человек украинцев сами себя оговорили, и их освободили.

То же самое по Мерэфьянскому стеклозаводу, в организации «ПОВ» были украинцы – рабочие с 30-ти летним стажем, даже

члены партии, их сделали «ПОВцами». Это имело место по 3-му Отделу.

Товарищи, я хочу рассказать, как у нас делались дела. Я хочу привести один факт очень характерный, и мне не даст соврать Пом[ощник] Нач[альника] Облуправления т. ДЕМИН, он присутствует здесь на собрании. Однажды меня вызывает враг ПЕРЦОВ и предлагает мне составить справки на арест всех сотрудников Радиостанции НКВД 2-го Специального Отдела⁶⁹, их человек 40. На мой вопрос: «Почему?». Ответ: «Они шпионы. Мы их арестуем и, безусловно, прорвёмся на крупную шпионскую организацию среди радистов и любителей коротковолновиков. Вот Вам директива из Киева, там уже вскрыта такая организация». Я ответил, «что нет у меня никаких оснований для составления справок на арест, по всем данным, которыми я располагаю, как Начальник Отдела, там работают партийные и непартийные большевики». Мне категорически было предложено составить справки. Я справки не составлял.

Теперь об особой группе. На прошлом довыборном партийном собрании, я в своём выступлении сказал, что в коллективе среди коммунистов идут разговоры, что СЕРЕДА и ему подобные творили жуткие вещи, допускали недопустимые методы допроса арестованных. СЕРЕДА тогда выступил с наглым заявлением, что у меня, мол, всё в порядке, все мои подследственные почти осуждены, а остальные будут осуждены. Секретарь Партийного Комитета ТИЩЕНКО, руководивший собранием и знавший об этих фактах – недопустимых методах допроса Особой группы и СЕРЕДЫ, не дал должного отпора наглому заявлению СЕРЕДЫ, и этим довыборное собрание закончилось.

Я считаю, что сегодняшнее партийное собрание даст полную оценку, партийную оценку вражеской деятельности ПЕРЦОВА и КОБЫЗЕВА, «Особой группы» КРЮКОВЫХ, СЕРЕДЫ и КОПАЕВЫХ – у них надо забрать партийные билеты и исключить их из партии.

⁶⁹ Відділ оперативної техніки, що був виділений із оперативного відділу у серпні 1937 р.

Выступление тов. ЛИВШИЦА⁷⁰.

Рассказывает о том, что в феврале месяце 1938 г. он был переведён из кандидатов в действительные члены партии, но в связи с арестом одного из рекомендуемых – ЩЕГОЛЕВСКО-ГО⁷¹ дело из Обкома было возвращено для замены рекомендации, что в кратчайший срок т. ЛИВШИЦЕМ было сделано. Дело с пересмотром перевода тянулось около года.

Бывший Секретарь Парткомитета УГБ тов. ПАВЛЮК⁷², к которому т. ЛИВШИЦ обращался за разъяснением причины задержки, заявил, что на него имеется компрометирующий материал.

⁷⁰ *Лившиц Михаил Бенционович* (рос.) (1912–?) – із 01.08.1936 – полковий оперуповноваж. ОВ УНКВД по Харківській обл. Із 1938 – оперуповноваж. 6 відд., із 10.04.1939 – оперуповноваж. 2 відд. УНКВД по Харківській обл..

⁷¹ *Щеголевский Зиновий Исаевич* (рос.) (1901–?) – нар. у Чернігові у родині кустаря-кравця, єврей, член ВКП(б) з 06.1920 (у 1919–1920 – член «Паолей Ціон»), закінчив 3 класи 4-х річного єврейського училища у Чернігові у 1912. У 1912–12.1917 – учень та підмайстер у кустаря-кравця Каумана у Ніжині Чернігівської губ. У 15.12.1917–01.1918 – червоногвардієць Чернігівського загону. Із 03.12.1918 – червоноармієць 4-го Ніжинського полку. Із 07.1919 – червоноармієць панцирного потягу № 89. Із 08.1919 – лікувався у шпиталі. Із 28.12.1919 – курсант Московських піхотних курсів. Із 15.08.1920 – служив у політроті 4-го полку 2-ї Московської бригади курсантів. 24.04.1921 – звільнений через хворобу. Служив у Харківській губ. ЧК (з 19.05.1921 – співробітник для доручень Харківського повітового політбюро, з 05.10.1921 – пом. уповноваж. економ. групи, 17.01.1922 – звільнений через скорочення штатів). Із 25.09.1930 – курсант вищої прикордонної школи ОГПУ СРСР, Москва. Із 06.10.1931 – уповноваж. 24-го Могилів-Подільського прикордонного загону ГПУ. Із 03.04.1933 – уповноваж. 7-го відділку Особливого відділу ГПУ УСРР. Із 01.10.1934 – оперуповноваж. особливого відділу 14-го корпусу, Харків. Служив в особливому відділі УНКВД по Харківській обл. (з 01.12.1935 – нач. 4-го відділку, з 01.04.1937 – нач. 2-го відділку). 07.04.1938 відкликаний до НКВД УРСР. 09.04.1938 арештований. 19.08.1939 звільнений з-під варті. 28.11.1939 звільнений з НКВД за ст. 38 в. Подальша доля невідома.

⁷² *Павлюк Пётр Трофимович* (рос.) (1902–1938) – із 1937 – оперуповноваж., із 16.03.1938 – нач. відд-я, із 26.05.1938 – пом. нач. 3 відд. УНКВД по Харківській обл. Із 28.09.1938 – нач. 7 відд-я ОВ НКВД КОВО.

После этого тов. ЛИВШИЦ по тому же поводу обратился к новому секретарю Парткомитета т. ТИЩЕНКО, который сказал, что никаких компрометирующих материалов на него нет, и рекомендовал поговорить с Особоуполномоченным тов. МОРДУХОВИЧЕМ. Последний также ответил, что ничего на него, ЛИВШИЦА, нет.

Тов. МОРДУХОВИЧ посоветовал обратиться к бывшему Начальнику УНКВД КОБЫЗЕВУ, который сказал, что компрометирующих материалов на него не имеется, и скоро он будет переводиться в партию.

Вскоре после этого неожиданно т. ЛИВШИЦ откомандировывается в распоряжение Отдела Кадров НКВД УССР.

Инспектор Отдела Кадров НКВД УССР, к которому т. ЛИВШИЦ обратился за разъяснением о причине откомандирования из Харькова, ответил, что Отдел Кадров его не отзывал.

Начальник Отдела Кадров КРУТОВ⁷³ сказал т. ЛИВШИЦУ, что бывший Нарком, ныне враг народа УСПЕНСКИЙ, по докладу КОБЫЗЕВА наложил две резолюции: одну – «уволить из органов НКВД», а другую – «перевести в неоперативный отдел». И что о переводе в неоперативный отдел уже есть приказ.

После того, как т. ЛИВШИЦ заявил, что он не уйдёт из кабинета КРУТОВА до тех пор, пока ему не дадут ясного ответа о причине увольнения с оперативной работы, последний задал ему вопрос: «Знает ли он САНДЛЕРА⁷⁴, бывшего работника НКВД, арестованного за антисоветскую сионистскую деятельность, и что он, КРУТОВ, располагает данными о связях ЛИВШИЦА с этим САНДЛЕРОМ.

⁷³ Крутов Роман Васильевич (рос.) (1903–1987) – 15.01–04.03.1938 – нач. відд-я 3 відд. НКВД УРСР, 04.03–29.08.1938 – заст. нач. УНКВД по Кам'янець-Подільській обл., 29.08.1938–11.03.1939 – в. о. нач. відд. кадрів НКВД УРСР, 11.03–06.09.1939 – заст. нач. УНКВД по Миколаївській обл.; 06.09–01.12.1939 – нач. УНКВД по Луцькій (Волинській) обл., 01.12.1939–01.03.1941 – нач. УНКВД по Рівненській обл., 01.03–08.1941 – нач. 2 Управління НКГБ УРСР.

⁷⁴ Сандлер Борис Эльевич (рос.) (1906–?) – із 1937 – оперуповноваж. 5 відд. УНКВД по Харківській обл. Арештований 11.04.1938. Засуджений 08.02.1940 ВТ військ НКВД Харківській обл. до 2,5 років ВТТ.

На это т. ЛИВШИЦ ответил, что никакой связи с САНДЛЕРОМ у него не было, и попросил отпустить его на два дня в Харьков.

По приезде в Харьков т. ЛИВШИЦ обратился к КОБЫЗЕВУ, чтобы он сказал ему свою точку зрения в связи с обвинением в связях с САНДЛЕРОМ.

КОБЫЗЕВ ему ответил, что он распорядился не брать показаний на тов. ЛИВШИЦА, так как он не верит в них, что от Начальника Отдела он имеет хорошую характеристику о тов. ЛИВШИЦЕ, как о работнике и по настоянию т. ЛИВШИЦА он обещал поручить расследовать причины появившихся показаний о нем САНДЛЕРА и ЩЕГОЛЕВСКОГО.

В результате вторичной поездки т. ЛИВШИЦА в Киев, Врид. Наркома распорядился вернуть его в Харьков на прежнюю оперативную работу.

При рассмотрении вопроса о переводе тов. ЛИВШИЦА в действительные члены партии, он на заседании Партийного Комитета обстоятельно рассказал о вышеизложенном и изложил свою точку зрения в появлении показания на него САНДЛЕРА и ЩЕГОЛЕВСКОГО и попытках КОБЫЗЕВА и УСПЕНСКОГО уволить его из НКВД, а именно: при выборах в Партийный Комитет т. ЛИВШИЦ дал отвод кандидатуре тов. СЕРЕДЫ (который в тот период сидел на следствии по делам сотрудников), мотивируя тем, что он исключался из партии, в Харькове недавно, среди работников НКВД не пользуется авторитетом, двуличен. В результате отвода т. СЕРЕДА в Парткомитет не прошёл. Несмотря на это у ЛИВШИЦА и СЕРЕДЫ были нормальные взаимоотношения.

На этом заседании Парткомитета т. ТИЩЕНКО заявил, что САНДЛЕР сознался в своей антисоветской деятельности раньше выступления тов. ЛИВШИЦА против кандидатуры тов. СЕРЕДЫ в Парткомитет. Следовательно, последний из-за мести к тов. ЛИВШИЦУ предложил САНДЛЕРУ дать на него показания о принадлежности к сионизму, как на еврея.

Затем тов. СЕРЕДА взял на провокацию арестованного ЩЕГОЛЕВСКОГО, заявив ему, что ЛИВШИЦ арестован, сознался в вербовке его САНДЛЕРОМ в сионистскую организацию и по-

требовал после избития от ШЕГОЛЕВСКОГО показания о том, что САНДЛЕР говорил ему, ШЕГОЛЕВСКОМУ, о вербовке ЛИВШИЦА в эту организацию. ШЕГОЛЕВСКИЙ дал эти показания.

Тов. ЛИВШИЦ с возмущением заявляет собранию, что у него нет слов, чтобы подыскать подходящее название поступкам СЕРЕДЫ, он считает, что СЕРЕДА проводил фашизм, выполняя указания врагов народа.

Для иллюстрации двуличности СЕРЕДЫ тов. ЛИВШИЦ приводит такой факт. После того, как СЕРЕДА уже взял на тов. ЛИВШИЦА вымышленные показания от САНДЛЕРА и ШЕГОЛЕВСКОГО, он обратился к т. ЛИВШИЦУ с просьбой помочь транспортными средствами, чтобы перевести семью из района в Харьков, и т. ЛИВШИЦ в этом ему помог, после чего в знак благодарности пригласил ЛИВШИЦА зайти к нему пообедать.

Далее тов. ЛИВШИЦ остановился на поведении врага КОБЫЗЕВА.

По приезде из Киева т. ЛИВШИЦ приступил к прерванной оперативной работе, [так как был] реабилитирован. Тогда Начальник Отдела Кадров тов. КЕЙС вызывает его и заявляет, что КОБЫЗЕВ распорядился перевести его на неоперативную работу и порекомендовал ему пойти к КОБЫЗЕВУ за разъяснением.

Тов. ЛИВШИЦ попросил КОБЫЗЕВА объяснить ему, что это всё значит, т. к. Врид. Наркома восстановил его на прежней оперативной работе.

По адресу КЕЙСА КОБЫЗЕВ бросил реплику «болтает» и заявил т. ЛИВШИЦУ, что он не давал ему распоряжения о переводе т. ЛИВШИЦА на неоперативную работу. Тов. ЛИВШИЦ поинтересовался узнать у КОБЫЗЕВА результаты созданной им комиссии по расследованию причин появления показаний на него САНДЛЕРА и ШЕГОЛЕВСКОГО, чтобы знать враг ли он, или честный человек.

На это КОБЫЗЕВ ему ответил, что он в оперативном Отделе работать всё же не может, так как он, КОБЫЗЕВ, не может не верить показаниям САНДЛЕРА и в Обкоме скажет, что он, ЛИВШИЦ – сионист.

На доводы тов. ЛИВШИЦА, что сам КОБЫЗЕВ говорил о его преданности, честности, последний пытался отказаться от

своих слов. Затем КОБЫЗЕВ заявил т. ЛИВШИЦУ, что УСПЕНСКИЙ распорядился его арестовать и если бы он верил в эти показания, он это распоряжение выполнил бы. Таким образом, т. ЛИВШИЦ честного ответа от КОБЫЗЕВА не получил. Лишь благодаря вмешательству Партийного Комитета и т. МОРДУХОВИЧА т. ЛИВШИЦ не был арестован.

Тов. ЛИВШИЦ говорит, что враги народа УСПЕНСКИЙ и КОБЫЗЕВ проводили неприкрытый фашизм, что в свете постановления ЦК ВКП(б) об искривлениях в работе органов НКВД многие коммунисты стали сомневаться в честности КОБЫЗЕВА, но молчали, а в это время КОБЫЗЕВ вёл наглую вражескую работу.

В июле–августе 1938 года в связи с выделением Особого Отдела в самостоятельное Управление и утверждением штата, КОБЫЗЕВ по указанию УСПЕНСКОГО уволил из Особого Отдела всех 8 человек евреев. На вопрос отдельных товарищей о причине их увольнения, КОБЫЗЕВ отвечал, что это делается из деловых соображений.

За вражескую фашистскую работу КОБЫЗЕВ ответит, но остались его исполнители, как КРЮКОВ, СЕРЕДА. Враги ПЕРЦОВ и КОБЫЗЕВ выдвинули СЕРЕДУ Помощником Начальника Особого Отдела.

Тов. ЛИВШИЦ призывает коммунистов глубже вникнуть в действия СЕРЕДЫ, который проводил фашистские методы в следствии и что он глубоко убеждён в том, что он проводил эту фашистскую деятельность по заданию врагов народа КОБЫЗЕВА и ПЕРЦОВА, с которыми он был идеологически связан.

Тов. ЛИВШИЦ предлагает рассмотреть вопрос о СЕРЕДЕ не только с точки зрения его партийности, но и привлечь СЕРЕДУ к уголовной ответственности, т. к. в его действиях и действиях врагов народа КОБЫЗЕВА и др. была цель калечить квалифицированные честные кадры, на деле проводить фашизм и что делалось это по заданиям врагов народа.

Выступление тов. МОРДУХОВИЧА.

Товарищи, я хочу своё выступление начать с собрания, где обсуждался отчёт партийного комитета и были довыборы партийного комитета. Надо сказать откровенно, что это собрание прошло не на должном подъёме, отчёт Партийного Комите-

та был составлен так, что он не сориентировал партийную организацию на ликвидацию тех недочётов о которых говорится в решении ЦК ВКП(б) и СНК о работе НКВД. Наоборот, Секретарь Парткомитета в своём отчёте обрушился на т. ШТАРКМАНА, выступившего на оперативном совещании с указанием недочётов в работе нашего коллектива.

Допустим на минуту, что в выступлении тов. ШТАРКМАНА был ряд неудачных формулировок, но в значительной степени выступление т. ШТАРКМАНА сигнализировало о том неблагополучии в работе нашего Управления. Между тем, в отчёте Партийного Комитета был удар направлен по ШТАРКМАНУ и это, безусловно, дезориентировало партсобрание, и должной критики и самокритики не было.

Решение ЦК ВКП(б) и СНК о работе НКВД обязывало нашу парторганизацию решительно исправить допущенные в нашей работе ошибки. Но наш Партийный Комитет упустил, не возглавил работу за чёткое выполнение решения партии и правительства, не включил в эту работу партгруппу, отсюда так запоздало мы взялись за решительное выполнение постановления партии и правительства.

У нас как-то вошло в привычку, что если постановление партии и правительства прибывает по линии администрации, то наш партийный комитет умывает руки и никакой работы среди коммунистов за быстрое и чёткое выполнение этого решения не ведёт. Это в корне неверно и с этим надо покончить.

Настоящее наше собрание должно со всей решительностью вскрыть все ошибки в работе нашего Управления и общими усилиями их быстро ликвидировать.

Перед нами недавно прошёл процесс над работниками НКВД Молдавии⁷⁵, и совсем недавно мы прорабатывали приказ Наркома Внутренних Дел СССР по Калининской области. Следует сказать, что только эти два момента дали толчок к более ре-

⁷⁵ Про процес над співробітниками НКВД Молдавської АРСР див.: *Кашу И.* «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после «Большого террора» 1937–1938 гг.: дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского // *З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД– КГБ.* – 2015. – № 2. – С. 142–179.

шителъному проведениу в жизнь решения ЦК ВКП(б) и СНК о работe НКВД. Только тогда, когда работники почувствовали, что за это несут уголовную ответственность, то, боясь за свою шкуру, стали более подвижными, и стали выявлять те недочёты и искривления, которые имели место в работe нашего Управления.

Что же мы имеем у нас? Все ли благополучно у нас?

Начну я с работы так называемой Особой следственной группы. Следует остановиться немного на истории возникновения этой группы. Особая следственная группа возникла после приезда в Харьков ТЕЛЕШЕВА⁷⁶, вслед за ним приехал из Киева и КРЮКОВ Иван, который, явившись ко мне, предложил мне все имеющиеся в моём производстве следственные дела сдать ему.

Когда я, возмущившись этим, пошёл к ТЕЛЕШЕВУ и потребовал объяснить мне, что это за недоверие, ТЕЛЕШЕВ объяснил мне, что создаётся Особая следственная группа во главе с КРЮКОВЫМ Иваном, которая будет вести следственные дела по арестованным сотрудникам НКВД.

На мой вопрос: «Какие же должны быть у меня взаимоотношения с этой Особой следственной группой?», ТЕЛЕШЕВ заявил, что моё отношение должно быть прямо подчинённое, т. е. что я непосредственно подчиняюсь КРЮКОВУ.

Сразу же в Особой оперативно-следственной группе была установлена особая конспирация, и меня даже не пускали за эту перегородку, и если я один или два раза зашёл туда, то лежавшие дела на столе моментально переворачивались, и я, до передачи всех следственных дел Особоуполномоченному, не был в курсе работы этой следственной группы, так как от меня это тщательно скрывалось.

Необходимо выяснить, кто составлял на арест справки, так как, по-моему, справки составлялись тенденциозно и мы имели, безусловно, ряд необоснованных арестов.

⁷⁶ *Телешев Григорий Галактионович* (рос.) (1902–1978) – із 01.10.1937 – нач. УНКВД по Тамбовській обл. Із 03.03.1938 – нач. УНКВД по Харківській обл. Із 04.05.1938 – 1-й секретар Одеського обкому і міськкому КП(б)У. Із 02.1939 – на господарській роботі.

Примерно, в июне или июле месяце в связи с тем, что КРЮКОВ был назначен зам[естителем] Начальника 3-го Отдела и все дела передали мне. Я должен честно признаться, что я интуитивно чувствовал, что там неблагополучно, и я под предлогом, что мне одному будет трудно вести дела, отказался принять все дела и часть этих дел распределили по оперативным отделам. На группу арестованных, как-то: ЩЕГОЛЕВСКИЙ, САНДЛЕР, БАБУШКИН⁷⁷, ВОРОНЦОВ, ПОЛИЩУК⁷⁸ и ШМУШКО. Должен был дела заканчивать СЕРЕДА, но в связи с отделением Особого Отдела, куда СЕРЕДА получил назначение Помощником Начальника, дела пришлось заканчивать мне.

Когда я ознакомился с материалами и показаниями арестованных, первое, что у меня вызвало сомнение – это показания обвиняемого САНДЛЕРА о вербовке им Оперуполномоченного 6-го Отдела ЛИВШИЦА в контрреволюционную сионистскую организацию и показания обвиняемого ЩЕГОЛЕВСКОГО о принадлежности БУРКСЕРА⁷⁹ к антисоветской организации, существовавшей в УНКВД. Я этим показаниям не поверил по следующим причинам. Сам факт вербовки ЛИВШИЦА в контрреволюционную сионистскую организацию и данные по этому поводу обвиняемым САНДЛЕРОМ показания были нежизнен-

⁷⁷ *Бабушкин Зиновий Владимирович* (рос.) (1907–?) – нар. у Луганську у родині прикажчика мануфактурного магазину. Єврей. Член Компартії з 1931. Із 03.1926 – відп. секретар завкому 2-го цегельного заводу, Харків. Із 08.1929 – зав. агітпропом Охтирського райкому ЛКСМУ. З 11.1930 – пом. нач. будівництва Харківського турбінного заводу з виробничих нарад. З 08.1931 – зав. оргвідділом спілки будівельників, Харків. Працював у секретно-політичному відділі Харківського обласного відділу ГПУ/УНКВД (з 20.12.1931 – пом. уповноваж., з 20.04.1933 – уповноваж., з 01.12.1935 – оперуповноваж.). Арештований 28.02.1938. Звільнений з-під варти 13.09.1939.

⁷⁸ *Полищук Борис Александрович* (1899–?) – із 01.1937 – нач. відд-я, із 01.05.1937 – пом. нач. 3 відд. УНКВД по Харківській обл. Із 01.06.1937 – співробітник слідчої групи при 5 відд. НКВД СРСР. Із 04.1938 – нач. 1 відд-я 6 відд. 2 Управ. НКВД СРСР. Арештований 07.05.1938. Звільнений 23.09.1939.

⁷⁹ *Бурксер Анатолий Наумович* (рос.) (?–?) – у 1938 – оперуповноваж. 3 відд. УНКВД по Харківській обл.

ны. В показаниях примерно записано, что осенью 1937 г., беседа с ЛИВШИЦЕМ о жизни евреев в прошлом, ЛИВШИЦ выразился, что евреи не видели ещё настоящей свободы. На что САНДЛЕР сказал, что еврейская автономная республика – это фикция и создана не для евреев. В последующей беседе САНДЛЕРА с ЛИВШИЦЕМ, САНДЛЕР сказал, что существует сионистская организация, которая проводит свою работу и до сих пор. ЛИВШИЦ заинтересовался составом этой организации и тогда САНДЛЕР сказал, что это узнает, если он даст согласие вступить в эту организацию, и ЛИВШИЦ это согласие дал.

Ведь это смехотворные показания. Осенью 1937 года, когда уже начался разгром врагов, что могло толкнуть этого молодого парня 1912 года рождения на контрреволюционный путь – это явно вымышленные и ложные показания.

О БУРКСЕРЕ обвиняемый ЩЕГОЛЕВСКИЙ дал показания, что он участник контрреволюционной организации и что он быв[ший] бундовец. Это ведь тоже смешно. Ведь БУРКСЕР 1907 г. рождения, когда он смог стать бундовцем? БУРКСЕР долгое время жил в Казахстане, где не было базы для Бунда, ведь это чепуха.

Об этом я поделился с СЕРЕДОЙ, на что СЕРЕДА сказал, что он также не верит этим показаниям, о чем он даже докладывал ПЕРЦОВУ. В связи с чем обвиняемого САНДЛЕРА вызывали к ПЕРЦОВУ, где он подтвердил своё показания и этим его убедили в правдивости этих показаний. Эти доводы СЕРЕДЫ меня не убедили, и я остался при своём мнении.

Я постараюсь дальше доказать, что СЕРЕДА, говоря о неверии в показания обвиняемого САНДЛЕРА, лгал.

Знакомясь дальше с показаниями и материалами обвиняемых, у меня всё больше и больше появлялись сомнения в правдивости этих показаний, так как в протоколах были записаны ряд нелепостей, которыми обвиняемые впоследствии оперировали на заседании суда Военной Коллегии.

Впоследствии рассматривая черновые материалы, как-то собственноручные показания обвиняемых, я увидел, что во всех показаниях фигурирует сионистская организация, а в протоколах допроса фигурирует троцкистско-сионистская органи-

зация. Разбирая дальше черновые материалы, я натолкнулся на печатный протокол допроса обвиняемого ЩЕГОЛЕВСКОГО, корректировавшийся ПЕРЦОВЫМ, на котором рукой ПЕРЦОВА наложена резолюция примерно такого содержания: «Тов. СЕРЕДА, организация в УНКВД была троцкистско-сионистской, а о ней сказано мало. Д[авид] П[ерцов]», т. е. этой резолюцией давалось прямое указание на создание троцкистско-сионистской организации. И после этого во всех протоколах фигурировала уже существовавшая в УНКВД троцкистско-сионистская организация.

Своё мнение по этому поводу я сказал КОБЫЗЕВУ, но он сказал, что это – провокация, и предложил мне заканчивать дела.

Через некоторое время, кажется в августе, мне доложили, что САНДЛЕР просится на допрос. Я его вызвал и в присутствии ЛЕТНЁВА⁸⁰, САНДЛЕР рассказал мне, что в процессе следствия по его делу, его СЕРЕДА, КОПАЕВ и КРЮКОВ Иван жестоко избивали. И что СЕРЕДА давал ему список сотрудников НКВД – евреев и требовал их назвать участниками организации, что часть из этого списка он под давлением побоев оговорил, а также сообщил, что в процессе следствия КРЮКОВ Иван и СЕРЕДА проявляли антисемитизм.

Я об этом доложил КОБЫЗЕВУ и предложил провести по этому заявлению расследование, но КОБЫЗЕВ запретил мне это делать, предложил мне восстановить САНДЛЕРА на ранее данных им показаниях.

Даже перед слушанием дел на Военной Коллегии, я опять, при подписи им обвинительных заключений, разговоре с ним поставил под сомнение показания обвиняемого, но КОБЫЗЕВ предложил их всё-таки судить. И когда на заседании Военной Коллегии обвиняемые от своих показаний отказались, то КОБЫЗЕВ упрекнул меня в том, что провалил эти дела, сказал, что больше никаких дел по контрреволюционным преступлениям

⁸⁰ *Летнёв-Шатуновский Виктор Абрамович* (рос.) (1897–?) – із 01.04.1936 – оперуповноваж. апарату особливоуповноваж. УНКВД по Харківській обл. Із 1938 – оперуповноваж. 4 відд., із 1939 – нач. відд-я 2 відд. УНКВД по Харківській обл.

он мне не поручит. За что, я спрашиваю? За то, что я хотел объективного следствия?

Моё мнение об арестованных указанной мной группы, что они, безусловно, враги, но в связи с тем, что с самого начала по этим делам повели неправильное следствие, то до конца этих врагов, безусловно, не разоблачили.

Моё мнение следующее, что особая следственная группа, безусловно, ориентировалась, что эти дела пойдут на альбом, а поэтому они брали такие липовые показания.

Я это могу доказать хотя бы таким фактом. Как-то в разговоре со мной СЕРЕДА мне сообщил, что когда они получили показания от обвиняемого ПОЛИЩУКА о наличии склада огнестрельного оружия, принадлежащего контрреволюционной повстанческой организации, то СЕРЕДА этим показаниям не поверил и об этом сказал КРЮКОВУ. На что последний ответил: «Конечно, хоть это липа, но нужно записать. Дела идут на альбом, и так будет крепче».

Через некоторое время я получил на клочке бумаги заявление от арестованного ВОЛОДАРСКОГО, который просил его вызвать, т. к. он имеет сообщить о провокациях, которые применялись СЕРЕДОЙ и КОПАЕВЫМ при ведении следствия по его делу. Так как ВОЛОДАРСКИЙ числился за 4-м Отделом, я доложил ГИНЕСИНУ это заявление, а тот доложил КОБЫЗЕВУ, и я получил распоряжение поговорить с ВОЛОДАРСКИМ.

ВОЛОДАРСКИЙ сообщил, что при допросе КРЮКОВ Иван и СЕРЕДА употребляли антисоветские выражения, что он подвергался с их стороны и КОПАЕВА жестоким избиениям, что от него требовали показания на совершенно невинных сотрудников НКВД, что арестованный КОДИН в камере ему сообщил, что он был накануне своего ареста предупреждён СЕРЕДОЙ о предстоящем его аресте, и что СЕРЕДА его фактически не допрашивает, а ведёт дружеские беседы.

Сделав заметки об этом сообщении ВОЛОДАРСКОГО, я доложил результат опроса его т. ГИНЕСИНУ, но он мне заявил, что это явная провокация, мы знаем СЕРЕДУ как хорошего крепкого большевика и ВОЛОДАРСКИЙ, безусловно, врёт и поэтому считает, что расследование вести не нужно.

Несмотря на то, что я об этом же доложил КОБЫЗЕВУ и высказал своё мнение, что, безусловно, нужно провести расследование, т. н. мы имеем второе заявление аналогичного характера, но и КОБЫЗЕВ мне также запретил это делать.

Особо следует остановиться на несоветских методах работы работников Особой следственной группы КРЮКОВА Ивана, СЕРЕДЫ и КОПАЕВА.

От арестованного ДРЕШЕРА поступило заявление, в котором он также подтверждает факты антисемитских высказываний со стороны КРЮКОВА Ивана, сообщает о садистском избиении его ПЕРЦОВЫМ, КРЮКОВЫМ Иваном, СЕРЕДОЙ и КОПАЕВЫМ, сообщает также о том, что КОПАЕВ лил ему через нос в рот бутылками воду. Скажите, товарищи, разве это допустимо в наше время? Разве это не пахнет средневековьем?

Обвиняемый ДРЕШЕР сообщает о ряде антисоветских высказываний, имевших место при допросе его со стороны КРЮКОВА Ивана. Допрашивая ДРЕШЕРА, КРЮКОВ Иван заявил: «Мы тебе покажем методы Советского следствия 1938 года». Позвольте Вас спросить, товарищи работники из особой следственной группы, о каких советских методах следствия 1938 г. вы говорили? Не Ваши ли методы следствия вы называете советскими? Нет, это клеветнические методы. Вы клеветеете на советские следственные органы. Мы всегда вели советское следствие и будем вести.

Обвиняемый ДРЕШЕР в своём заявлении сообщает, что, когда он заявил КРЮКОВУ Ивану, что он будет жаловаться в ЦК партии, КРЮКОВ ему цинично заявил: «Можешь не жаловаться, мы и оттуда берём». Ведь это же контрреволюционный выпад против нашего ЦК партии перед арестованным, за этот один выпад КРЮКОВА нужно немедленно арестовать.

После освобождения ВОЛОДАРСКОГО поступило от него заявление, в котором он опять подтверждает, что при допросе его, КРЮКОВ Иван и СЕРЕДА допускали антисоветские высказывания, в виде «иерусалимский казак», «яврейчики» – коверкание русского языка с еврейским акцентом и т. п. ВОЛОДАРСКИЙ сообщил, что СЕРЕДА и КОПАЕВ, жестоко избивая его, требовали у него показания об антисоветской деятельности

«семейки» аппарата Особоуполномоченного, как-то МАСЛОВА, ЛЕТНЁВА и БЛИОКА. СЕРЕДА почему-то требовал у ВОЛОДАРСКОГО список знакомых ему только евреев.

КОПАЕВ, добиваясь показания у ВОЛОДАРСКОГО, заявил: «Нам всё равно, давай ложь, лишь бы были показания».

В процессе передопроса обвиняемого САНДЛЕРА о ЛИВШИЦЕ, он дал показания, в которых также подтверждает антисемитские выражения со стороны КРЮКОВА Ивана и СЕРЕДЫ.

САНДЛЕР также показал, что СЕРЕДА ему предъявил список сотрудников НКВД – евреев, куда входили ДРЕШЕР, БАБУШКИН, РЕЗНИКОВ, БРУКСЕР, ФРЕЙ⁸¹, ЗАМКОВ⁸², СПИВАК⁸³, ГОХБЕРГ, МОРДУХОВИЧ, ФАЙНБЕРГ⁸⁴ и другие, и требовал, чтобы САНДЛЕР назвал их как известных ему участников контрреволюционной сионистской организации. Скажите, кто дал право Вам требовать на невинных людей показаний? Разве это советские методы ведения следствия?

Характерно остановиться на показаниях САНДЛЕРА о данных им показаниях о вербовке им ЛИВШИЦА, и здесь ясно будет двуличие СЕРЕДЫ. САНДЛЕР заявляет, что после того, когда он под влиянием жестоких побоев дал показания о своей контрреволюционной деятельности, от него требовали показаний о проведённых им вербовках.

Когда САНДЛЕР пытался доказать, что он в Харькове никого не знает и никого не вербовал, то СЕРЕДА ему заявил: «Как же?

⁸¹ *Фрей Борис Константинович* (рос.) (1902–1955) – до 20.04.1938 – нач. 2 відд-я 4 відд., із 20.04.1938 – заст. нач. 4 відд. УНКВД по Харківській обл. Із 1938 – співробітник 7 відд. 1 Управ. НКВД УРСР. Із 1938 – нач. відд. пожежної охорони УНКВД по Харківській обл. Арештований 17.06.1939. Засуджений 03.04.1940 ВТ військ НКВД Харківського ВО до 6 років ВТТ.

⁸² *Замков (Заманский) Абрам Ильич* (рос.) (1898–?) – до 01.09.1937 – пом. нач. 3 відд-я, із 01.09.1937 – нач. 3 відд-я 4 відд. УНКВД по Харківській обл. Відряджений до НКВД СРСР 19.07.1938.

⁸³ *Спивак Самуїл Михайлович* (рос.) (1904–?) – із 1934 – оперуповноваж., із 1938 – пом. нач. відд-я 4 відд. УНКВД по Харківській обл.

⁸⁴ *Файнберг Израиль Абрамович* (рос.) (1905–?) – до 10.07.1938 – пом. нач. відд-я ОВ Харківського ВО. У 10.07.1938–08.05.1939 – нач. відд-я 3 відд. УНКВД по Харківській обл.

Ты работал в отделении с ЛИВШИЦЕМ, а по соседству с ШИКОМ, вот и дай на них показания, что ты их вербовал». Тогда САНДЛЕР пытался доказать, что ЛИВШИЦ неподходящая кандидатура для записи в протокол как вербовка. Но под влиянием побоев обвиняемый САНДЛЕР дал показания о вербовке им ЛИВШИЦА. В отношении же ШИКА обвиняемому САНДЛЕРУ удалось уговорить СЕРЕДУ записать в протокол, что в процессе обработки ШИК для вербовки не подошёл.

А СЕРЕДА здесь бросал реплики и лично мне заявил, что показаниям обвиняемого САНДЛЕРА он не верит. Между тем, он лично этих показаний добивался у САНДЛЕРА. Разве это не двуличие СЕРЕДЫ?

Аналогичные показания дал и обвиняемой ЩЕГОЛЕВСКИЙ, когда его передопрашивали о ЛИВШИЦЕ. Обвин[яемый] на допросе показал, что он о ЛИВШИЦЕ ничего не знал, но КОПАЕВ ему заявил, что САНДЛЕР дал показания на ЛИВШИЦА и ссылается на него, ЩЕГОЛЕВСКОГО, и потребовал их подтверждения, и он их под давлением подтвердил. Разве об этом СЕРЕДА не знал?

Также поступило заявление от освобождённого ОЛИЕВИЧА, в котором он подтверждает антисемитские выражения при допросе со стороны КРЮКОВА Ивана и СЕРЕДЫ, жестокое садистское избиение его КРЮКОВЫМ Иваном, СЕРЕДОЙ и КОПАЕВЫМ. И опять же применение тех же провокационных методов, т. е. требование показаний об антисоветской деятельности совершенно честных людей, как ВЕСЁЛЫЙ, МАСЛОВ⁸⁵, КОГАН, ЛЕТНЁВ и др. Разве это советские методы следствия?

Эти работники Особой следственной группы дошли до неслыханных нарушений правил ведения следствия. Все освобождённые и арестованные в один голос заявляют, что, как правило, СЕРЕДА и КОПАЕВ, избивши арестованного, ложились спать, оставляя одного арестованного в кабинете с открытым окном и лежавшим на столе револьвером. Разве это не та же провока-

⁸⁵ Маслов Евгений Степанович (рос.) (1908–?) – із 1937 – оперуповноваж. 3 відд., із 01.05.1938 – нач. 3 відд-я 3 відд. УНКВД по Харківській обл. Із 09.1939 – нач. відд-я ОВ НКВД Харківського ВО.

ция? Дошло до анекдотизма. Когда обвиняемый ДРЕШЕР был избит СЕРЕДОЙ до полуобморочного состояния, то СЕРЕДА лёг спать, а ДРЕШЕР очнувшись и видя, что СЕРЕДА спит, три раза звонил домой по телефону и сообщал о ходе своего дела.

Следует отметить, что и на других участках есть такие сигналы неблагополучия.

Вот был у нас здесь такой работник ДРУШЛЯК Иван⁸⁶, которого руководство расхваливало на все лады, сейчас он работает в Киеве. Этот ДРУШЛЯК – форменный садист. Я сейчас работаю в кабинете, где раньше работал ДРУШЛЯК и до сих пор у меня разбита стенка, которую расковырял ДРУШЛЯК головами арестованных. У него был подследственный БАНДУРА⁸⁷, когда его вели на допрос к ДРУШЛЯКУ, он орал благим матом и просил вести его куда угодно, только не к ДРУШЛЯКУ. И действительно в тот же вечер ДРУШЛЯК убил БАНДУРУ при допросе. КРЮКОВ Николай рассказывает, что ДРУШЛЯК, войдя в садистский экстаз, однажды бил по голове и лицу арестованного разбитой стеклянной линейкой и изрезал его на куски. И только КРЮКОВ остановил его от совершения им второго убийства.

Хочу ещё остановиться на деле 3-го Отдела 3-го Управления. Там просто фабриковали дела на невинных людей.

⁸⁶ Друшляк Иван Степанович (рос.) (1913–?) – із 1938 – оперуповноваж., із 10.07.1938 – пом. нач. 1 відд.-я 4 (2-го) відд. УГБ НКВД УРСР. 07.06.1939 арештований. 15.01.1940 засуджений до ВМН. 11.04.1940 Військова колегія Верховного суду СРСР замінила ВМН позбавленням волі у ВТТ на 10 років. Пізніше звільнений з табору, направлений на фронт. У 1943 рішенням Військової ради фронту судимість знята.

⁸⁷ Бандура, ім'я, по-батькові, дата та місце народження, соціальне походження, партійність, освіта невідомі, українець, проживав у с. Бірки Зміївського р-ну Харківської обл., агроном дослідного господарства радгоспу «Бірки». Арештований [у лютому] 1938 як член к.-р. націоналістичної організації. Помер у лютому 1938 у Харківській в'язниці від тортур і важких тілесних ушкоджень, що були завдані йому під час допиту помічником оперуповноваженого 4-го відділу УГБ УНКВД Харківської обл. І. Друшляком. Ці відомості містяться в оглядовій довідці із архівно-кримінальної справ № 018572, арк. 17 і 22 архіву УСБУ в Харківській обл. Під час службового розслідування з'ясовано, що слідча справа на Бандуру зникла і не була знайдена.

Первое преступлением сделал бывший Нач[альник] Отдела т. ШУБИН (ныне в Киеве) и его Оперуполномоченный ВАСИН⁸⁸. Это они, без всяких на то оснований, привлекли к следственной работе одного резидента. По двум делам установлена подделка подписи арестованного на протоколе допроса. Когда это оказалось недостаточным, то ВАСИН и ШУБИН стали на путь дописок в протокол допроса без ведома обвиняемого. Когда и этого оказалось мало, тогда вызвали 2-х агентов, написали два липовых протокола и предложили этим агентам подписать. Это в то время, когда эти агенты в глаза не видели обвиняемого, и они эти показания под давлением подписали.

Разве это не преступление? Три товарища должны понести соответствующее наказание.

Я хочу остановиться на нерешительности отдельных Начальников Отделов. Вот возьмём дела на освобождённых ПЕТРОВА, РУТМАНА и БОНО-КОНСТАНТИНЕРА⁸⁹. До этого, как дела попали ко мне, их вёл 3-й Отдел. Когда я ознакомился с делами и провёл некоторые следственные действия, я убедился, что этих людей необходимо немедленно освободить. Я решительно и настойчиво ставил это перед бывш[им] руководством, но меня буквально выгнали и дела передали в 3-й Отдел. Ведь сразу же мне говорили работники, что их нужно освободить, да и сам БАРБАРОВ в этом был убеждён. Но вот, из-за нерешительности, боязни, невинные люди просидели под стражей ещё 8–9 месяцев.

Такое же самое положение по 4-му Отделу, куда было передано дело ВОЛОДАРСКОГО.

⁸⁸ *Васин Григорий Андреевич* (рос.) (1900–?) – до 08.07.1938 – оперуповноваж. 11 відд., 3 відд., із 08.07.1932 – нач. відд-я 3 відд. УНКВД по Харківській обл. Відряджений 02.08.1938 до НКВД УРСР.

⁸⁹ *Боні-Константинер Борис Ізраїльович* (1898–?) – нар. у м. Лодзь, єврей, із службовців, освіта початкова, позапартійний, проживав у Харкові, оперуповноваж. відділу місць ув'язнення УНКВД по Харківській обл. Арештований 30.08.1937 за розвідувальну діяльність (ст. 541 п. «а» КК УРСР), справу закрито УГБ УНКВД по Харківській обл. 15.01.1939 (ст. 197 ч. 2 КПК УРСР).

Несмотря на то, что для т. ГИНЕСИНА было очевидно ясно, что ВОЛОДАРСКИЙ невиновен, он всё-таки предложил мне доложить дело КОБЫЗЕВУ на освобождение. Я не постеснялся и доложил. Но КОБЫЗЕВ предложил, чтобы ему дело доложил ГИНЕСИН, и вот это дело маринвалось ещё пару месяцев. Это тогда, когда уже было глубокое убеждение, что человек невиновен.

У меня, как и у каждого, безусловно, есть ошибки в работе. Я буду о них говорить и, безусловно, партийное собрание мне на них укажет. Всё же, что было в моих силах – мною было сделано.

Когда я в разговоре с ХАТЕМКИНЫМ узнал об известных ему фактах вражеской деятельности КОБЫЗЕВА, я сразу же доложил это ТИЩЕНКО, и ХАТЕМКИН был вызван в Партийный Комитет, куда подал подробное заявление.

Когда я первый узнал, что Отдел Кадров проводил вражеские установки КОБЫЗЕВА, я опять же поставил в известность Секретаря Парткомитета, и вместе с ним стали вызывать работников Отдела Кадров, и это было установлено с очевидной ясностью. После чего был собран ещё ряд фактов и были изложены в докладной записке на имя Наркома, которую Вам здесь ТИЩЕНКО читал.

Насколько я мог – я боролся против необоснованных арестов и их не выполнял.

КОБЫЗЕВ неоднократно меня вызывал и требовал, чтобы я арестовал ЛИВШИЦА и БУРКСЕРА. Несмотря на то, что это была санкция Наркома, я категорически отказался это выполнить, заявив, что это будут невинные жертвы. Я заявил, что по этому поводу буду писать в Москву, после чего КОБЫЗЕВ задержал их арест. Была прислана справка с резолюцией УСПЕНСКОГО арестовать ТКАЧЕНКО (шифровальщик). Я ТКАЧЕНКО не арестовал. Я разобрался, что в справке речь идёт о совершенно другом ТКАЧЕНКО.

Также была прислана справка на арест бывшего Начальника Сахновщанского РО НКВД КОЛЕСНИКОВА по совершенно необоснованным причинам, я и этот арест не выполнил и по всем этим вопросам писал в Киев.

Моя большая ошибка состоит в том, что, имея отдельные сигналы, мне необходимо было об этом своевременно поставить в известность парторганизацию, ЦК нашей партии. Я этого не сделал и это моя большая ошибка.

В конце своего выступления я хочу остановиться на выступлении БРАТШТЕЙНА. БРАТШТЕЙН очень много и хорошо говорил о наших недочётах, но ни слова не сказал о себе. Между тем, и у него есть ряд ошибок.

Я веду партийное расследование, из которого видно, что БРАТШТЕЙН в разговоре с комсомольцем ГОЛЬДШТЕЙНОМ о Молдавском процессе буквально сказал следующее: «Мне бояться нечего, ты веришь, ГОЛЬДШТЕЙН, я за всё время не ударил ни одного арестованного. Я не мог примириться с тем, что бьют арестованных. Я приходил домой и плакал. Жена меня спрашивает теперь: “Неужели и ты бил арестованных”? Я ей ответил: “Я не бил, ты помнишь, как я приходил домой и плакал”».

Скажите, что это за коммунист, который приходил и плакал перед своей женой. Разве такой коммунист может вести борьбу с врагами?

Другой случай говорящий о том, что БРАТШТЕЙН трус и перестраховщик.

В 9-м Отделе было проведено оперативное совещание, протокол которого вёл т. БРАТШТЕЙН. На совещании после читки приказа Наркома Внутренних Дел СССР о Калининской области выступил т. БРАТШТЕЙН, где он, как и сейчас, привёл ряд известных ему фактов об искривлениях в нашей следственной работе. Когда ж был оформлен протокол, то БРАТШТЕЙН почему-то своё выступлений не включил. Начальник Отдела т. ПЕТРОВ и т. ГОЛЬДШТЕЙН восстановили выступление тов. БРАТШТЕЙНА и включили его в протокол. Но когда БРАТШТЕЙН прочитал своё выступление, то, не отрицая, что он так выступил, стал просить уменьшить его выступление, мотивируя тем, что может быть ряд фактов не подтвердится. Такой факт также характеризует его лицо как перестраховщика.

Приведу ещё третий факт его болтологии. БРАТШТЕЙН, встретившись с КОПАЕВЫМ в районе, и в разговоре последний

ему рассказал о том, как он садистски избивал ДРЕШЕРА. БРАТШТЕЙН не нашёл никого другого с кем можно было бы поделиться, как с КУЧЕРОВСКОЙ (б/п). БРАТШТЕЙН не нашёл нужным пойти в Партийный Комитет или к Начальнику и об этом рассказать. Это также его характеризует.

Приведу ещё четвёртый факт его непартийности.

Встретив освобождённого из-под стражи ВОЛОДАРСКОГО, последний ему рассказал о том, как его избивали на следствии. Вместо того, чтобы как коммунисту пресечь эти разговоры, указать ВОЛОДАРСКОМУ, что об этом нужно заявлять куда следует и нечего ходить по комнатам трепаться и нервировать работников, БРАТШТЕЙН поучает ВОЛОДАРСКОГО так: «Если бы я был на твоём месте, я бы убил КОПАЕВА». Скажи, БРАТШТЕЙН, кто дал тебе право культивировать индивидуальный террор? Это непартийно. Я скажу даже больше, БРАТШТЕЙН стал сам ходить к каждому и всякому рассказывать об этих избиениях. Когда молодой работник член партии тов. МИХАЛЬЧУК указал ему на это и порекомендовал, чем трепаться по комнатам, лучшее пойти в Партийный Комитет или к Начальнику и рассказать обо всём ему известном, БРАТШТЕЙН с возмущением заявил: «Нужно выйти на улицу и кричать во всё горло, что избивали». Тов. БРАТШТЕЙН, скажи, кому от этого польза будет? На чью мельницу ты будешь лить воду?

Вот Вам лицо коммуниста БРАТШТЕЙНА. Я считаю, что это, безусловно, мы разберём на парторганизации.

Заканчивая своё выступление я хочу сказать, что нам нужно всем мобилизоваться, напрячь все свои силы и как можно быстрее ликвидировать последствия вредительства, как возможно быстрее и решительней провести в жизнь решения ЦК ВКП(б) и СНК о работе НКВД, и вооружившись решениями нашей партии и Правительства, поднять на должную высоту нашу агентурно-оперативную работу и ещё лучше и метче бить врагов нашей родины.

Тов. КУВШИНОВ предлагает обсудить вопрос о тов. СЕРЕДЕ, дав ему возможность высказаться. Собрание соглашается.

Выступление тов. СЕРЕДЫ.

Если бы хоть 50% всего сказанного обо мне соответствовало действительности, то я не пришёл сегодня на собрание, зная заранее, как будет решён вопрос обо мне. Если вместо пользы для партии, я принёс вред, то это имело место только как результат ошибок в моей работе.

В марте месяце прошлого года меня вызвал ТЕЛЕШЕВ – бывший Нач[альник] Управления – и спросил меня давно ли я работаю в Харькове и знаю ли я хорошо коллектив. И получив ответ, что много знаю, он сообщил мне, что я направляюсь для работы в распоряжение КРЮКОВА в Особую следственную группу. Как правило, сотрудники арестовывались без справок, которые поступали затем из Киева.

САНДЛЕР на второй же день после ареста сам начал писать показания. В его личном деле имелось сообщение о том, что он являлся в прошлом на Шепетовщине активным участником сионистского движения. Затем оттуда же были присланы показания 3-х лиц, подтверждающие это обстоятельство. В своих показаниях САНДЛЕР указал на КРИСТАЛЯ как участника контрреволюционной организации, а ПЕРЦОВ затем через некоторое время сказал мне, что КРИСТАЛЬ арестован и также сознался. Затем САНДЛЕР дал показания, что он завербовал ШИКА и ЛИВШИЦА. Я этим показаниям с самого начала не верил. Когда я доложил об этом ПЕРЦОВУ, он приказал мне вызвать САНДЛЕРА к нему и там он снова подтвердил все свои показания в присутствии КРЮКОВА.

САНДЛЕР в своих показаниях сообщил о связях с сионистом БЕРДИЧЕВСКИМ, который затем был арестован 4 Отделом. Последний, как сказал мне т. Фрей, также сознался в том, что был завербован САНДЛЕРОМ и рассказал подробно о своей практической контрреволюционной работе.

Вообще никакой системы в избииении арестованных не было. ОЛИЕВИЧ, в первый же вечер беседы с ним после ареста, сказал мне, что он импотент, а теперь он заявляет ложь о том, что в результате избииения его мною у него повреждены половые органы. ОЛИЕВИЧА били, насколько я помню, один раз, но не сильно и вовсе не так, как он пишет.

ПОЛИЩУК – давний враг, в его личном деле имеется личное его письмо к ЗАТОНСКОМУ⁹⁰, который ему покровительствовал, имеются прямые показания на ПОЛИЩУКА о его контрреволюционной деятельности. Он сам дал показания о том, что работал в подпольной петлюровской организации. А эти показания никто не хотел перепроверить хотя бы через сумского горздравинспектора, о котором дал показания ПОЛИЩУК.

Хочу рассказать о таком факте. Пришёл я к КОБЫЗЕВУ по вопросу об освобождении ПТАШИНСКОГО, но КОБЫЗЕВ подписать постановление отказался. Через месяц пошёл я к нему вторично по этому вопросу, он потребовал обстоятельный рапорт. В январе месяце пошёл я в третий раз, КОБЫЗЕВ велел вызвать к нему ПТАШИНСКОГО и, задав несколько вопросов, говорит: «Да, напрасно 9 месяцев его держали».

ЩЕГОЛЕВСКОГО я не бил. Вообще ЩЕГОЛЕВСКИЙ кричал. Его не били, он кричал, били, он тоже кричал. В автобиографии ЩЕГОЛЕВСКИЙ указывал, что он партизан, а это действительности не соответствовало, т. к. он был в самоохроне⁹¹ помещения партии «Поалей Цион» и партизанский билет получил незаконно. Сам он писал, что был арестован немецкой контрразведкой и бежал путём подкопа, а на следствии заявил, что это записано по-мальчишески. На ЩЕГОЛЬСКОГО имелись показания других арестованных врагов, он вёл контрреволюционную работу. Все это является доказанным фактом.

ШМУШКО рассказывал при допросе жуткие вещи о своей практической вражеской работе, о связях с Троцким по Одессе, когда его провожали в Турцию. На основе всего этого, я твёрдо верил в существование контрреволюционной троцкистско-сионистской организации в НКВД.

Со всей ответственностью заявляю, что ни на кого из сотрудников показаний у арестованных я не требовал и никаких

⁹⁰ Затонский Владимир Петрович (рос.) (1888–1938) – у 1925–1937 – член политбюро ЦК КП(б)У. У 1919, 1922–1923, із 1933 – нарком освіти УРСР. У 1925–1927 – секретар ЦК КП(б)У, 1927–1933 – голова ЦКК КП(б)У, нарком РСІ УРСР. Із 1929 – академік АН УРСР. Арештований 03.11.1937. Розстріляний 29.07.1938. Реабілітований у 1956.

⁹¹ Так у тексті.

фамилий арестованных не называл. Ни с кем из арестованных и никакой идеологической связи я не имел.

Я виноват в том, что допустил некоторые перегибы в следствии, в некоторых случаях допускал физические методы влияния при допросе.

Отвечая на реплики, СЕРЕДА говорит:

ДРЕШЕРА действительно били, били его прилично, но били его КОБЫЗЕВ, ПЕРЦОВ, КРЮКОВ, участие принимал и я.

ВОЛОДАРСКОГО я лично не бил, и его никто не бил. Я искренно хочу рассказать, что некоторых я бил, но это не носило характера системы. Оружия при арестованных я никогда не оставлял, это не соответствует истине, вообще я хожу без оружия.

В следствии я провокационных методов не применял, ни на кого никаких показаний я не требовал.

Вопрос о низменных побуждениях в деле ЛИВШИЦА. Отвод мне при выборах Партийного Комитета давал т. ЛИВШИЦ на собрании 12 мая 1938 г., а показания на ЛИВШИЦА дал САНДЛЕР ещё в апреле месяце. Во всяком случае, помню, что до собрания. САНДЛЕР показал, что в 1935 или 1935 году был завербован в троцкистскую организацию бывшим Начальником ЭКО АРРОВЫМ⁹². Поэтому, очевидно, организацию назвал сионистско-троцкистской ПЕРЦОВ.

Повторяю, что не только по какому-то списку я не требовал показаний на сотрудников, но вообще никаких фамилий арестованным при допросе я не называл. Я говорил только о названных ими, т. е. арестованными.

Я никогда не был врагом, никаких идеологических связей ни с кем из врагов я не имел, партийных взысканий за 13 лет пребывания в партии я также не имел. Я допустил ошибку, при-

⁹² *Арров-Тандетницкий Лазарь Соломонович* (рос.) (1904–1941) – член Компартії із 1930. Єврей. В органах НКВД із 1924. До 01.1937 – нач. ЕКВ, із 01.1937 – нач. КРВ УНКВД по Харківській обл. Із 27. 07. 1937 – нач. ДТВ Амурської залізниці. Із 17.02.1938 – нач. ДТВ залізниці ім. Кагановича. Арештований 23.10.1938. Засуджений 14.12.1939, справу припинили, звільнений 16.08.1940. Повторно засуджений військовим трибуналом військ НКВД Уральського ВО 26.04.1941 до розстрілу.

менял и допускал перегибы и в следствии, и об этом я сейчас говорю.

Антисоветских разговоров с арестованными я не имел, никаких провокационных вопросов не ставил, антисемитизма не проявлял.

В отношении ЧУХРИЯ должен сказать, что его действительно били, но тогда, когда он, сознавшись в том, что был завербован в Польше и попросил дать ему возможность обдумать. При вызове на второй день сказал, что его не вербовали и показаний давать не будет, после этого его били.

БАБУШКИНА били. Бил и я, и другие, после того, как он хотел выскочить в окно.

Выступление тов. КОПАЕВА.

В органах я работаю меньше года. До этого я СЕРЕДЫ, КРЮКОВА, КОБЫЗЕВА и ПЕРЦОВА не знал. Так что идеологической связи я с ними не имел никакой.

Здесь говорил МОРДУХОВИЧ об инсценировке расстрела ВОЛОДАРСКОГО. Об этом я впервые слышу и никакого участия в этом не принимал.

Столкнувшись с незаконными методами следствия, я, безусловно, очень усомнился в их необходимости и правильности, но мне сказали, что с врагами иначе обращаться нельзя. Однако таких методов, как вливание воды в нос и рот ДРЕШЕРА, я никогда не делал. Честно заявляю, что за всё время я бил только ЩЕГОЛЕВСКОГО и то по указанию КРЮКОВА Ивана, который сказал: – «Дай ему и с ним не чванься». Били ли других и кто именно, я не знаю, т. к. при этом не присутствовал.

С места: Бил ли ДЕМЧЕНКО⁹³?

[КОПАЕВ]. Нет.

ДЕМЧЕНКО. С места: «Было, было».

[КОПАЕВ]. Если раз и ударил, так это не значит, что избивал. Виновата партийная организация, которая не указала мне

⁹³ Демченко Иван Иванович (рос.) (1901–1941) – на 23.02.1936 – співробітник УНКВД по Харківській обл. До 25.05.1939 – нач. відд-я 3 відд. УНКВД по Харківській обл. Арештований 12.05.1938. Справа припинена, звільнений 10.12.1938. Під час війни – заст. нач. ОВ НКВД 5 армії Півд.-Захід. фронту. Зник безвісти.

с первых дней моей работы, так как знали, что если я и бил кого, то по указаниям и санкции руководства.

В президиум собрания поступило заявление прочесть заявление, поданное бывшим сотрудником УНКВД ОЛИЕВИЧЕМ, находящегося под арестом, ныне освобождённого, с изложением незаконных методов следствия, проводимого КРЮКОВЫМ, СЕРЕДОЙ и КОПАЕВЫМ⁹⁴.

Постановлением Партийного собрания заявление зачитывается тов. ГИЛЬШТЕЙНОМ.

После зачитания заявления т. ОЛИЕВИЧА слово предоставляется тов. ПЕРЕВОЛОЧАНСКОМУ.

Выступление тов. ПЕРЕВОЛОЧАНСКОГО.

Я хочу остановиться на вопросах, которые должны стать предметом обсуждения нашего собрания. Из выступавших ранее лишь только один остановился на вскрытых фактах и позорных методах, имевших место в нашей работе.

Это произошло лишь только потому, что руководство и Партийный Комитет оторвались от непосредственной партийной работы и всего нашего коллектива, партийный Комитет не прислушивался к голосу партийных масс. Идеино-политическое воспитание коммунистов отсутствовало, и, к сожалению, этот вопрос не являлся достоянием в работе партийного комитета.

Партийный Комитет совершенно оторвался от производственной жизни, что и привело нас сейчас к таким последствиям. В своей работе каждый из коммунистов не анализировал своих действий, что, безусловно, явилось следствием того, что многие скатились к проявлению недопустимых методов в работе.

Несмотря на то, что Секретарь Партийного Комитета тов. ТИЩЕНКО знал обо всех этих фактах, он на них не реагировал и не мобилизовал на их вскрытие всю партийную организацию. Вместо этого он становился на путь ненужной для партии конспирации. Беда, товарищи, в том, что мы не только не боролись

⁹⁴ Не публикується. У листі Олевич-Олієвич розповів про факти тортур його та інших підслідних співробітниками УНКВД по Харківській обл. Середою, І. Крюковим, Перцовим, Копаєвим.

с плохими методами, а на них ещё воспитывали молодые кадры. В результате такие молодые работники, как ЛАЩЕНКО⁹⁵ из 3-го Отдела, стал на путь подделки протоколов. Это имело место и в других Отделах.

Партийный Комитет, работая отвратительно, решения партийных собраний не реализовывались, а то, что проводилось в жизнь, то с большим нажимом. Отчётность отсутствовала, собрания созывались весьма редко. Партийный Комитет плёлся в хвосте обывательских настроений, абсолютно не заслушивал работу отдельных коммунистов. К оценке работы и производственных успехов коммуниста подходили с учёта количества получаемых «расколов» – (сознаний). А как получались эти «расколы», – Партийный Комитет это не интересовало.

Вчера тов. ШТАРКМАН говорил о зажиме критики. Верно, критика и самокритика у нас по вине секретаря Партийного Комитета отсутствовала, часто он своими репликами сбивал выступающих.

Я хочу дальше отметить имевшие место извращения оперативных указаний по вопросу о бывших военнопленных. Было арестовано немало невинных людей, которые без всяких оснований содержались под арестом по 8 и более месяцев. А если мною ставился вопрос об освобождении кого-либо, то КРЮКОВ И. обвинял меня в лодырничестве, нежелании разоблачать врагов и т. д.

Очень характерным является поведение т. БАРБАРОВА при проведении допроса арестованного ЛЯЩА. Несмотря на то, что после неоднократных моих разговоров с ЛЯЩЕМ, никаких оснований для установления наличия связей между правотроцкистской организацией и повстанческой организацией бывших партизан на заводе №183⁹⁶ не было установлено. После того, как ЛЯЩ был взят в кабинет БАРБАРОВА и допрошен при спущенных шторах, то такие показания были получены. Позже при

⁹⁵ *Лашенко Яков Кириллович* (рос.) (?-?) – із 08.1938 – пом. оперуповноваж. 3 відд. УНКВД по Харківській обл.

⁹⁶ На 1938 р. Харківський паровозобудівний завод ім. Комінтерна, нині Харківський завод транспортного машинобудування ім. В. Малишева.

допросе ЛЯЩ мне заявил, что решил мне подписать не существовавшее в силу оказанного на него влияния.

Пару слов о бывшем Пом[ощнике] Нач[альника] 3 Отделения КРЮКОВЕ И., который безосновательно обвинил т. БРУСИЛОВСКОГО в участии в прошлом в якобы еврейской контрреволюционной националистической организации, чего, в самом деле, не было. От КРЮКОВА при его руководстве, кроме мата и грубых нападок, мы ничего другого не слышали. Вместе с тем, КРЮКОВ, корректируя протоколы допросов, занимался их систематическим извращением.

Говоря о вражеской деятельности разоблачённого врага КОБЫЗЕВА, хочу привести такой факт. Для выполнения одного из заданий, мне поручено было подобрать 3-х человек надёжных. КОБЫЗЕВ просматривал представленные мною кандидатуры, сразу же заявил: «Что ты мне евреев принёс?». Такие же антисоветские и вражеские действия он проявлял и по другим вопросам в работе.

Об этом я сразу же сказал своим сотрудникам. Почему сразу не пришёл в Партийный Комитет и не рассказал об этом? Не придавал этому значения, хотя с КОБЫЗЕВЫМ я по этому вопросу с ним спорил, и всё-таки, когда я вторично представил кандидатуры, я вставил одного инженера по национальности еврея.

Об этом я заявил только тогда, когда мне ГИЛЬШТЕЙН⁹⁷ рассказал о том, что Партийный Комитет что-то делает, и я ему сразу рассказал и написал в Парткомитет.

Разве Партийный Комитет своевременно реагировал на это? Нет. Партийный Комитет плелся в хвосте обывательских настроений. В этом основная вина партийного комитета. Партийный Комитет себя не оправдал.

Выступление тов. МАСЛОВА.

В своём выступлении т. МАСЛОВ остановился на том, что критика недостатков и искривлений в нашей работе, на основе постановления ЦК и Совнаркома, фактически не была раз-

⁹⁷ Гильштейн Пейся Абрамович (рос.) (?-?) – із 01.04.1938 – пом. нач. відд-я 3 відд. УНКВД по Харківській обл.

вёрнута до Тираспольского процесса и приказа Наркома о безобразиях в Калининской области.

Только с появлением этих документов на оперативных совещаниях ряд товарищей начали говорить об этом во весь голос. На этих же совещаниях был поднят вопрос о работе Особой следственной группы.

Отсутствие здоровой критики явилось в результате того, что, с одной стороны, КОБЫЗЕВ и ОСИПОВ на оперативном совещании, а с другой – Секретарь Партийного Комитета ТИЩЕНКО не ориентировали парторганизацию на отчётном партийном собрании на вскрытие остатков и искривлений, имевших место у нас.

ТИЩЕНКО на отчётно-выборном партийном собрании по отношению к ШТАРКМАНУ вёл себя не по-партийному. В своём докладе он заявил, что ШТАРКМАН на оперативном совещании выступил неправильно по вопросу о недостатках и искривлениях в наших органах. Это неверно, при всех недостатках и искривлениях ШТАРКМАНА, которых у него не меньше, чем у каждого из нас, он всё же правильно, может быть, неудачно, поднял этот вопрос.

Искривления были во всех Отделах и о них надо говорить открыто. ТИЩЕНКО же в своём докладе говорил об искривлениях в ряде отделов, но не сказал ничего о тех искривлениях, которые были в Особом Отделе,

В Особом Отделе также были случаи убийства арестованных, и об этом нужно было ТИЩЕНКО говорить.

Говоря об искривлениях, следует остановиться на искривлениях в работе 1-го Спецотдела, о которых знал хорошо т. НИКОЛАШКИН. В частности, с ведома НИКОЛАШКИНА, при составлении отчётности о наличии арестованных по соц[иальному] положению и происхождению давали сведения неправильные (из рабочих делали деклассированных и т. д.).

Тов. МАСЛОВ в своём выступлении отмечает, что выступление т. СЕРЕДЫ является непартийным. СЕРЕДА сам мне рассказывал о том, что избивал ВОЛОДАРСКОГО, а в своём выступлении об этом не говорил. Таким образом, выступавшие СЕРЕДА и КОПАЕВ пытались ввести в заблуждение партийное

собрание. Правильно говорил т. МОРДУХОВИЧ о том, что следственная группа в результате вражеской работы дала возможность врагам САНДЛЕРУ, ШЕГОЛЕВСКОМУ и ПОЛИЩУКУ дать неправильные показания и уйти потом от справедливой ответственности.

ШТАРКМАН очень много говорил об искривлениях и нарушениях. Своё выступление он закончил тем, что работали мы плохо, неправильно и, как он сказал, не вскрыли подполья. Это неправильно, в своей работе мы имели ряд достижений в разгроме контрреволюционного подполья, но наряду с этим имели место также недостатки и искривления. Приведённый им здесь пример с арестованной КОРЕЙБЛИТ искажён. Основания подозревать КОРЕЙБЛИТ были. Она была связана с АЛЕКСАНДРОВСКИМ и с Торгпредом в Париже ГОЛЬДЕНБЕРГОМ, ездила к нему на курорт и с его помощью получила визу на въезд в СССР. Работая в институте им. ШИШКОВА, она была тесно связана с участником диверсионной организации ХАСТОВИЧЕМ.

Работая секретарём тройки при ТЕЛЕШЕВЕ, ПЕРЦОВЕ и КОБЫЗЕВЕ, ШТАРКМАН знал и не мог не знать о тех искривлениях и нарушениях, которые были в следствии. Ряд товарищей в своих выступлениях показывали это на фактах. Всё же он не счёл своим долгом об этом сказать своевременно и где следует, а теперь пытается изобразить дело так, что он вскрывает недостатки, а другие их замазывают.

Целый ряд дел, незаслуживающих внимания, ШТАРКМАН пропускал через Тройку, и арестованные получали сроки.

В своём выступлении ШТАРКМАН заявил, что он в результате своей настойчивости предотвратил ряд арестов по радиостанциям – это неправильно и нечестно. На выборном собрании в мае месяце ШТАРКМАН обвинял КРАВЧЕНКО в связи его с ПАРИЦКИМ как врагом народа. Ко мне лично ШТАРКМАН неоднократно обращался и настаивал на аресте работника радиостанции КОСОГОРОВА. ШТАРКМАН требовал ареста ряда лиц, проходящих по разработкам 3 и 2 Спецотделов, в отношении которых материалов было явно недостаточно.

Выступление тов. ТКАЧЕНКО.

Я хочу начать с вражеской работы, которая проводилась МАЗО⁹⁸, РЕЙХМАНОМ⁹⁹, КОБЫЗЕВЫМ и ПЕРЦОВЫМ.

Я работаю в органах НКВД 8 лет и впервые столкнулся с вопросом, когда нас ориентировало б[ывшее] руководство бить контрреволюцию по контрольным цифрам и планами. Врага нужно вскрыть и бить без цифр, до конца вскрывая подполье. План доводили до двора, поэтому мы имеем ряд фактов искривлений, один давал 15 расколов, другой 2–3 и считался плохим работником, о чем неоднократно говорили на совещаниях. Вот об этих раскольщиках нужно и говорить.

Органы НКВД много сделали в борьбе с врагами народа. Вражеское руководство, преследуя вражеские цели, заставляло нас арестовывать людей, не имея на это достаточных оснований. Расскажу несколько фактов:

СВИСТУН – бывший директор ХТЗ – был арестован Москвой, дал показания на ряд лиц. Москвой телеграфно было предложено представить справки на лиц, проходящих, в том числе на 2-х членов партии РУБИНА и БЕРЛАГА¹⁰⁰, которые разоблачили СВИСТУНА. Не имея этих показаний, были составлены объективные справки без наличия достаточных материалов для ареста, несмотря на это, из Москвы было предложено РУБИНА и БЕРЛАГА арестовать. До этого ПЕРЦОВУ и КРЮКОВУ – быв[ший] Зам[еститель] Нач[альника] 3 Отдела – я докладывал.

⁹⁸ Мазо Соломон Самуилович (рос.) (1900–1937) – із 17.10.1936 – нач. УНКВД по Харківській обл. Застрелився 04.07.1937.

⁹⁹ Рейхман Лев Йосифович (рос.) (1901– 1940) – із 13.02.1937 – заст. нач. УНКВД по Київській обл. Із 07.08.1937 – т. в. о. нач. УНКВД по Харківській обл. Із 07.03.1938 – нач. КРВ УГБ НКВД УРСР. Із 28.03.1938 – нач. 7 відділу 1 управління НКВД СРСР. Із 29.09.1938 – нач. відділу оборонної промисловості НКВД СРСР. Арештований 23(24).10.1938. Засуджений 25.01.1940 на смерть за ст. ст. 58-1 п. «а», 58-14 КК РРФСР. Розстріляний 26.01.1940 у Москві.

¹⁰⁰ Берлага Пінхос Якович – нар. 1904 у м. Одеса Одеського пов. Херсонської губ., єврей, з робітників, освіта початкова, член ВКП(б) з 1931, проживав у Харкові, відповідальний черговий по ХТЗ. Арештований 27.07.1938 як член правотроцькістської к.-р. організації (ст. ст. 547, 54-8, 54-11 КК УРСР), справу закрито УГБ УНКВД по Харківській обл. 15.02.1939 (ст. 197 ч. 2 КПК УРСР) зі звільненням з-під варти.

Как-то меня вызвал РЕЙХМАН и предложил дать на арест 10 человек в течение 2–3 часов. Я ему ответил, что материалов есть только на 5 человек, а он требовал 10, получается, хотя человек и невиновен, а давай на арест.

О моём увольнении.

Я оказался жертвой. Был уволен КОБЫЗЕВЫМ, создал и дело, что скрыл социальное происхождение, несмотря на то, что до этого врагом БОБРОВНИКОВЫМ исключался из партии по этим же мотивам и был восстановлен как неправильно исключённый. Характерно, как при исключении из партии, так и при увольнении, меня никто по существу ничего не спрашивал и не вызывал.

В справке было написано, что отец – церковный староста, на самом же деле он им никогда не был. Что сестра замужем за поляком и этого никогда не было.

Что жена – член комсомола и нигде не работает – это также неверно, об участии брата в банде в 1918 г. на протяжении 3–6 дней я нигде не скрывал. Спрашивается, за что же я уволен? Я думаю, что уволили 10 чел. евреев, нужно было исключить и одного украинца для прикрытия фашистских действий КОБЫЗЕВА.

Мы должны говорить о таком вопросе, как руководство со стороны Партийного Комитета. На собрании КСМ УНКВД по Харьковской области, когда прорабатывался вопрос о реализации решения 7-го Пленума ЦК ВЛКСМ, никто из членов Партийного Комитета не присутствовал на этом собрании, за исключением ДОБРОВОЛЬСКОГО, который пробыл непродолжительное время, а правильное направление этого вопроса Партийным Комитетом, возможно, дало бы возможность вскрыть ряд фактов вражеского руководства.

Об обслуживании наших объектов.

Враг на производстве насаждает агентуру, а мы занялись исключительно следствием, агентурно не обслуживаем объекты. Промышленные объекты в первую очередь требуют усиления агентурного обслуживания.

Выступление тов. КОРОПОВА.

Бывшее вражеское руководство УНКВД не направляло аппарат на исправление ошибок, отмеченных в решениях ЦК ВКП(б) и СНК, а, наоборот, поощряло их.

На оперативном совещании КОБЫЗЕВЫМ зачитывался приказ о приостановлении выполнения приговоров и вместо того, чтобы заострить внимание работников на безоговорочное выполнение его, враг КОБЫЗЕВ обрушился на НИКОЛАШИНА за задержку отправки выписок на осуждённых¹⁰¹. Сущность же приказа была смазана.

Ряд Начальником Отделов поддерживал вражеские действия КОБЫЗЕВА. Так, на совещании Начальников отдела ГИНЕСИН сказал: «Ну, что ж, мы приказ сегодня ещё не получили». А, кажется, БАРБАРОВ предложил отправить выписки задним числом.

На совещании у КОБЫЗЕВА на следующий день обсуждался вопрос о создании следственных групп, и здесь БАРБАРОВ и ГИНЕСИН говорили по существу о «репрессиях» против ШТАРКМАНА за его выступление на оперативном совещании: «Посадить его в Сумы», «Посадить его здесь на следствие» и т. д.

Когда проходило предвыборное собрание, несмотря на то, что были уже известны отдельные факты вражеской деятельности КОБЫЗЕВА, об этом на собрании не говорили, так как собрание неправильно было ориентировано секретарём Партийного Комитета ТИЩЕНКО.

На собрании ГИНЕСИН говорил о существовавшей какой-то антипартийной линии, но этот вопрос не получил должного освещения, по существу был смазан.

О т. БАРБАРОВЕ шла речь в связи с выдачей БРУСИЛОВСКОМУ заведомо ложной характеристики и, несмотря на то, что сам БАРБАРОВ дело знал это, должного обсуждения он не получил.

Собрание проходило на больших тормозах, оно не было направлено на вскрытие всех имевших место искривлений в нашей работе.

¹⁰¹ Тобто йшлося про підготовку оформлення виконання смертних ухвал Харківської «трійки».

ТИЩЕНКО говорил на прошлом собрании о ШТАРКМАНЕ и вчера снова он говорил о нём без приведения каких-либо конкретных фактов, получается какое-то сведение личных счетов. Я внимательно слушал выступление ШТАРКМАНА на оперсовещании и ничего такого, чтобы говорило об охаивании работы органов НКВД, не было. Наоборот, он говорил о фактах, которыми должна была заинтересоваться партийная организация, в частности об убийствах арестованных.

У ШТАРКМАНА, как и у каждого, есть много личных недостатков, но пришивать ему то, что к нему не относится, нельзя, в частности, подхалимство к ПЕРЦОВУ и КОБЫЗЕВУ.

Об антипартийных и антисемитских проявлениях КОБЫЗЕВА.

Я поставил вопрос перед КОБЫЗЕВЫМ о выдвижении сотрудника 2 Отдела (его настоящая фамилия МОРОЗ). КОБЫЗЕВ предложил с его выдвижение подождать. Когда через некоторое время я снова написал об этом же рапорт, КОБЫЗЕВ сказал: «Ты мне его опять подсунул?». И далее заявил: «Почему он МОРОЗ, когда он еврей!». И выдвижение не санкционировал.

КОБЫЗЕВУ были представлены на утверждение дела вербовки, в том числе на 2-х евреев. КОБЫЗЕВ спросил: «А евреев, зачем ты вербуешь?». И затем сказал: «Евреев ты не вербуй!».

Обо всех указанных выше известных мне фактах о КОБЫЗЕВЕ и других работниках, допускавших ошибки, я сообщил Секретарю Харьковского Обкома т. ФРОЛКОВУ сейчас же по его приезду в Харьков.

Выступление тов. КРЮКОВА Н.Н.

Товарищи, я хотел рассказать собранию о тех ошибках и недочётах в оперативной работе УГБ УНКВД, в том числе и моих, как инспектора при руководстве, а также о той вражеской работе ныне разоблачённого врага КОБЫЗЕВА, которую он проводил в УНКВД,

Несомненно, что вражеская работа КОБЫЗЕВА могла быть вскрыта и пресечена сравнительно раньше, если бы ряд товарищей, в том числе и я, к ряду установок этого врага отнеслась критически и с большевистской заострённостью и принципиальностью.

Я приведу Вам два известных мне факта, изобличающих КОБЫЗЕВА как вражеское охвостье.

Месяца три тому назад, меня вызвал к себе КОБЫЗЕВ и предложил поехать в ДТО ГУГБ Южных ж[елезных] д[орог] и ознакомиться с имеющимися материалами на Помощника Начальника ДТО ШУМУРТОВА, что мною и было сделано.

Из представленных мне для ознакомления материалов Врид. Нач[альника] ДТО тов. КУРПАС и Секретарём Партийного Комитета ДТО тов. ДОЛГИХ я установил, что ШУМУРТОВ в бытность на работе в РСФСР примыкал к вражескому лагерю и показаниями до 40 свидетелей изобличался в грубейшем нарушении внутрипартийной демократии и в разгоне честных коммунистов.

Кроме этого, я также был ознакомлен с материалами местной партийной организации, которые в значительной мере подтверждали материалы, присланные из РСФСР.

Точно не помню, в тот же день или на следующий, я доложил результаты своей поездки в ДТО КОБЫЗЕВУ и заявил ему, что буквально так: «Если собранные материалы на ШУМУРТОВА парторганизацией ДТО здесь, на месте, и требуют ещё кое-какой проверки, то материалы, присланные из РСФСР, не вызывают никакого сомнения в их правдоподобности». КОБЫЗЕВ, выслушав меня, обругал площадной бранью, а затем заявил: «Ни черта ты не понимаешь».

Перед тем, как зайти к КОБЫЗЕВУ с докладом, я высказал вышеуказанное мнение секретарю УНКВД т. ЧЕПЫЖЕНКО и, насколько мне память не изменяет, и Пом[ощнику] Нач[альника] УНКВД тов. ДЕМИНУ. Тов. ЧЕПЫЖЕНКО тогда мне ответил так: «ШУМУРТОВ весьма подозрительно ведёт себя по отношению к украинским работникам и, безусловно, имеющиеся на него материалы заслуживают внимания».

Примерно через два-три дня после разговора с тов. ЧЕПЫЖЕНКО и доклада КОБЫЗЕВУ о результатах проверки материалов на ШУМУРТОВА, ко мне зашёл Особоуполномоченный УНКВД т. МОРДУХОВИЧ и спросил меня: «Ты проверял материалы в ДТО на ШУМУРТОВА?». Я ответил: «Да». На его вопрос: «Какое твоё мнение?», я сказал, что присланные материалы из

РСФСР на ШУМУРТОВА, несомненно, правдивы и заслуживают внимания. Он тогда на это ответил так: «Я такого же мнения, как и ты».

Что было сделано в дальнейшем т. МОРДУХОВИЧЕМ по вышеуказанному факту – я не знаю, т. к. больше он со мной о нём не говорил.

Второе поручение КОБЫЗЕВА за полугодичную работу с ним сводилось к следующему. Пом[ощник] Нач[альника] Отделения Промышленного Отдела УНКВД тов. БРАТШТЕЙН подал рапорт КОБЫЗЕВУ о том, что Начальник этого же отдела т. КУДРИНСКИЙ третирует его и назвал человеком, недалеко стоящим от иностранной разведка.

Тов. КУДРИНСКИЙ также, в свою очередь, подал рапорт КОБЫЗЕВУ о непристойном поведении на работе тов. БРАТШТЕЙНА.

Расследовав эти материалы, я доложил КОБЫЗЕВУ, что необходимо тт. БРАТШТЕЙНА и КУДРИНСКОГО призвать к порядку и заставить их включиться в активную работу по борьбе с контрреволюцией. В отношении того, что КУДРИНСКИЙ назвал т. БРАТШТЕЙНА человеком, недалеко стоящим от иностранной разведки, я внёс предложение на КУДРИНСКОГО наложить взыскание, т. к. брошенное им обвинение БРАТШТЕЙНУ является клеветой.

И в том случае КОБЫЗЕВ предложил мне рапорт тт. БРАТШТЕЙНА и КУДРИНСКОГО передать в Отдел Кадров, и БРАТШТЕЙНА, как он выразился, нужно перевести в Сельхозотдел на следствие.

На мою реплику: «Почему? Ведь он, БРАТШТЕЙН, инженер и его надо оставить в промышленном отделе», КОБЫЗЕВ ответил, что он туда сам просился.

Если бы я особенно по первому факту проявил до конца большевистское чекистское чутьё, то, несомненно, враг КОБЫЗЕВ, который стал на путь защиты таких же, как и он сам, то, несомненно, КОБЫЗЕВ был бы сравнительно раньше разоблачён.

Такая же вина и тт. ПЕРЕВОЛОЧАНСКОГО, ХАТЕМКИНА и др., которые знали антисемитские, фашистские настроения и действия врага КОБЫЗЕВА, но не нашли у себя мужества сразу же поставить этот вопрос перед кем следует.

На протяжении 3–4 месяцев мне непосредственно приходилось сталкиваться с проверкой следственных дел оперативных отделов УНКВД. В связи с этим я могу привести ряд фактов, которые свидетельствуют о вражеской деятельности б[ывшего] Зам[естителя] Нач[альника] УНКВД ПЕРЦОВА и Нач[альника] 2 Отдела ЧЕРНОВА¹⁰², о небольшевистских методах работы ряда товарищей БАРБАРОВА, ШТАРКМАНА и других.

Например, по липовым материалам ЧЕРНОВА, врагом ПЕРЦОВЫМ при участии БАРБАРОВА, ШТАРКМАНА, была снята группа людей, которые оказались совершенно ни в чем неповинны. Разработка этих людей была проведена так, что одна из обвиняемых пришла в р[айонную] Милицию и заявила, что её преследуют подозрительные лица.

3 Отделом был арестован крупный польский резидент КОВАЛЬЧУК, который на следствии скрыл свою действительную сетку, и назвал 6–7 человек батраков-бедняков и середняков – рабочих одного из совхозов Барвенковского района.

При просмотре этого дела, я предложил немедленно выписать постановление об освобождении этих людей, а с КОВАЛЬЧУКОМ начать работать и добиться у него выдачи действительных врагов.

3 Отдел вместо этого передал дела на эту группу в Сельхозотдел, а последний направил в РО НКВД. В результате враг КОВАЛЬЧУК был осуждён и действительных врагов не выдал, а бедняки, батраки, середняки просидели под стражей ещё лишние 3–4 месяца.

Уже будучи Начальником изюмской следственной группы, я этих ни в чем неповинных людей освободил.

Также в 3 Отделе было заведено следственное дело на группу рабочих ватной фабрики, во главе с польским шпионом, но он также отвёл следствие и не дал действительных врагов.

Для того, чтобы было трудней разобраться в этом деле, 3 Отдел расшил это дело и представил его одиночками, причём

¹⁰² Чернов Леонтий Анисимович (рос.) (1897–1938) – на 08.01.1936 – співробітник апарату НКВД УРСР. У 1938 – нач. 2 відд. УНКВД по Харківській обл. Арештований 31.07.1938. Засуджений 02.10.1938 ВКВС СРСР. Розстріляний 02.10.1938.

всем обвиняемым инкриминировали вредительство в области «одной тонны ваты». По этому делу мною были даны аналогичные указания.

Вести борьбу за чистоту следствия, что требует от нас ЦК партии и Совнарком. В УНКВД имело место целый ряд курьёзов, когда мои указания по делам изымались работниками 3-го и других отделов, которые пытались снова их протащить в неотреботанном виде с грубым нарушением УПК.

Были также факты, когда я не пропускал этого или иного дела, и, требуя доработки его, то товарищи эти, уйдя от меня, шли к т. ШТАРКМАНУ, который также, разобравшись в деле, возвращал его обратно.

Как я уже указал, что отсутствие большевистской принципиальности, а отсюда потеря партийной чекистской бдительности со стороны ряда товарищей, в том числе и моей, обязывает нас немедленно заняться повышением идейно-политического уровня, организовать изучение краткого курса истории ВКП(б), что обеспечит выполнение указаний нашей партии по разгрому иностранных разведок и ещё не раскрытых контрреволюционных формирований и троцкистско-бухаринских гнёзд.

Товарищи, по долгу службы, мне приходилось сталкиваться со всем оперативным составом УГБ УНКВД, в том числе и с Особой следственной группой, куда я заходил 2–3 раза за всё время её существования

Действительно, я несколько раз ударил ПОЛИЩУКА – бывшего повстанца, в этом я виноват, так как допустил нарушение существующих законов советской власти и за это готов понести то наказание, которое потребует парторганизация.

Но я со всей ответственностью заявляю, что следствие по двум бывшим сотрудникам НКВД я не имел, протокол допроса ни с кого не снимал. Это могут подтвердить освобождённые из-под стражи ВОЛОДАРСКИЙ, ОЛИЕВИЧ, ПЕТРОВ, БОННО. Причём, об освобождении последнего, я ставил вопрос 2–3 месяца тому назад, когда его дело пошло на просмотр. Об этом хорошо известно т. МОРДУХОВИЧУ.

Также об этом могут засвидетельствовать ещё содержащиеся под стражей ЩЕГОЛЕВСКИЙ, САНДЛЕР и другие.

Тов. КУВШИНОВ вносит предложение избрать комиссию для составления резолюции.

Предложение принимается. Избранными оказались следующие товарищи: ТИХОНОВ, МОРДУХОВИЧ, ПОГРЕБНОЙ, ПЕРЕВОЛОЧАНСКИЙ и СПИВАК.

Выступление тов. ЩЕГЛОВА.

Постановление ЦК и СНК о недочётах работы в наших органах недостаточно проработано и усвоено в нашей парт-организации.

ЦК и СНК признало, что органы НКВД провели огромную работу по разгрому врага. Однако в практической работе были допущены ошибки, незаконные аресты и т. д., и на прошлом собрании при обсуждении этого постановления мы его одобрили и после анализа наших личных ошибок, вынесли решение, мобилизующее нашу парторганизацию на выполнение постановлений ЦК с СНК.

На прошлом партийном собрании я резко выступил против ШТАРКМАНА и считаю, что выступил правильно, ибо ШТАРКМАН, по-моему, большевик не прямой, неискренний. В этом меня убедило поведение ШТАРКМАНА. Взять хотя бы вчерашнее его выступление [и] клевета по адресу ТИЩЕНКО.

Во многом ШТАРКМАН неправ, что ТИЩЕНКО зажимал самокритику и, якобы, не давал говорить и особенно неправ в части восхваления им УСПЕНСКОГО и т. д.

Я хочу проиллюстрировать несколько фактов давших мне основание сделать такой вывод о ШТАРКМАНЕ:

а) начну с маленького штриха, характеризующего коммуниста ШТАРКМАНА. После моего выступления о нем на партсобрании ШТАРКМАН перестал со мной здороваться. Однажды я был в кабинете НИКОЛАШКИНА по одному делу, и в этот момент вошёл ШТАРКМАН, последний подаёт руку НИКОЛАШКИНУ, а ко мне даже не обращается с приветствием;

б) за полтора года в Харькове я со ШТАРКМАНОМ встречался по деловым вопросам три раза и вот об этих встречах я и хочу рассказать собранию. Первый раз в марте 1938 года, я

вместе с ШЕРШУНОМ окончили групповое дело по милицеским работникам на 11 человек. Дело шло на Тройку. И вот перед заседанием Тройки, я принёс 4 тома ШТАРКМАНУ для просмотра. ШТАРКМАН в моём присутствии рассмотрел это дело и сделал следующее заключение:

1. Дело это не может быть рассмотрено на Тройке, так как обвиняемые не являются троечным контингентом. С данными выводами я согласился со ШТАРКМАНОМ.

2. Материалы, имевшиеся в следделе, вовсе не говорят о какой-либо не только контрреволюционной деятельности, но даже у основных обвиняемых, как ЖУРБА, ПАЛИЙ и др., нет состава преступления даже уголовного характера.

Вот тут-то я со ШТАРКМАНОМ сильно поспорил, и после моих доказательств о преступной деятельности обвиняемых ШТАРКМАН пошёл на компромисс, который заключился в том, что он доложит Председателю Тройки ТЕЛЕШЕВУ и, если последний согласится, то я доложу дело на Тройку.

Часа через два меня вызывает ШТАРКМАН и заявляет, чтобы я забрал дело и направил куда угодно, так как Тройка не может его рассматривать.

Дело было забрано и направлено на рассмотрение в Трибунал. Прокурор по Войскам НКВД МОРОЗОВ со своим заключением направил дело для рассмотрения в Киев. Киев дело вернул нам, и в мае кажется, я, и ряд других работников, получили срочное распоряжение из группового дела сделать 9 следственных дел, на каждого обвиняемого в отдельности, и доложить на Тройку.

Во время доклада этих дел на Тройке, Прокурор обратил внимание, что двое из обвиняемых проходят слабее, и предложил передать для рассмотрения их дел в Трибунал, к этому был склонен и ОСИПОВ – второй член Тройки, а ПЕРЦОВ настаивал пропустить и их.

На Тройке получилась заминка в решении, и мне было поставлено несколько контрольных вопросов и предложили зачесть выдержки из кое-каких показаний.

В ответ на вопросы я заявил, что эти двое в совершенных преступлениях играли меньшую роль и дополнительными ма-

териалами мы о них больше не располагаем. В то же время начал искать требуемые выдержки. Я не так скоро нашёл их, ибо речь шла об обвиняемых, следствие в отношении которых вёл ШЕРШУН, и я просто не знал, где записано это место. Тогда я обратился за помощью к ШЕРШУНУ, сидевшему здесь же рядом, и ШЕРШУН начал помогать мне искать эту выдержку, и вот тут-то ШТАРКМАН показал свою роль.

ШТАРКМАН, сидевший где-то далеко в конце зала, подбегает ко мне с недовольным выражением и репликой: «Не умеете докладывать», и вместо меня начинает отвечать на поставленные вопросы, после чего зачитывает выдержку, и Тройка решает осудить и этих 2-х по первой категории.

Спрашивается, где мнение коммуниста ШТАРКМАНА, его принципиальность, что люди нетроечный контингент, а потом способствовать, чтобы пропустить даже и тех, которые могли быть сняты с Тройки. Почему ШТАРКМАН ТЕЛЕШЕВУ мог доказать, что судить их по Тройке нельзя, а ПЕРЦОВУ не мог?

И, конечно, когда я узнал о заявлении ШТАРКМАНА на совещании Начальников Райотделений, и что он становится в позу героя, мол, все делали ошибки, а я нет. Это не так. Ошибки были у всех и все должны отвечать, умыть руки нечего;

в) следующий факт характеризующий ШТАРКМАНА.

Я советовался с НИКОЛАШКИНЫМ о направлении одного дела на особое совещание. Присутствовал при этом ШТАРКМАН. Последний услышав, что обвиняемый отказался от своих показаний, с иронией заявил: «Дело это годится¹⁰³, его надо выпустить». Я вступил с ним в пререкания и не получил удовлетворяющего меня ответа.

Дело вёл АЛАНДАРЕНКО-ТРИПОЛКО, кто он и почему ныне он уехал, и я должен стать защитником белогвардейца-шпиона и т. д.?

Есть ряд таких дел. Руководству необходимо как-то обсудить вопрос с этими «отказавшимися» делами, о людях, имеющих за своей спиной политическую враждебную классовую борьбу с Советской властью, и дать указание, куда направить

¹⁰³ Так у тексті.

эти дела, ибо нет никаких оснований к освобождению данного контингента лиц.

Пару слов о себе.

6 месяцев я боролся с всякими шушуканьями и кулуарными разговорами о том, что я выведен из аппарата ОО в связи с имеющимися, якобы, на меня компрометирующими материалами, или, как говорили позже, потому, что я еврей. Последнее сегодня подтверждается докладной Партийного Комитета.

Весь этот период я всячески отталкивал суждение о том, что по отношению ко мне проявлен антисемитизм. Я 15 лет в партии, всю свою сознательную жизнь воспитывался в коммунистическом духе.

Но что характерно для уточнения действий врага народа КОБЫЗЕВА? Вот здесь зачитывали о том, что КЕЙС меня и ещё ряд товарищей выдвигал Начальниками Райотделений, а враг КОБЫЗЕВ не давал своего согласия потому, что мы – евреи. Однако сам КОБЫЗЕВ вызывал меня дважды и уговаривал ехать начальником Райотделения. Зачем и для чего это ему нужно было – неизвестно, но факты таковы.

Я, заканчивая, хочу заявить, что нам необходимо изучить постановление ЦК и СНК, дабы исправить допущенные нами ошибки в практической работе и заняться изучением исторического документа «Краткого курса истории партии», чтобы быть политически подкованными и уметь бить и распознавать врагов внутри страны, рабочего класса, партии и в своих собственных рядах.

Выступление тов. ЛИХОЛАТНИКОВА.

Наблюдая и присутствуя на партийных собраниях, я как член партии должен указать, что наш Партийный Комитет не оправдывает себя перед партийной организацией. В частности, я хочу сказать о секретаре Партийного Комитета т. ТИЩЕНКО, который не смог по-большевистски раскрыть все недостатки в работе и повести Партийный Комитет на разоблачение врага КОБЫЗЕВА, а, наоборот, плёлся у него в хвосте.

Я помню доклад, где ТИЩЕНКО отчитывался о работе Партийного Комитета и говорил только о работе общественных спортивных организаций, а не о повышении партийной бди-

тельности. Он выдвигал БАРБАРОВА, ГИНЕСИНА, а о партийной работе ничего не говорил.

Я хочу сказать о члене Партийного Комитета НИКОЛАШКИНЕ. Тов. НИКОЛАШКИН ни разу не присутствовал на партгруппах других отделов. Партийный Комитет был оторван от масс, все сигналы снизу не разбирались, а лишь теперь, когда разоблачили врага КОБЫЗЕВА, мы говорим об его вражеской деятельности.

Взять пример с запрещением митинга по постановлению ЦК ВКП(б), СНК СССР и ВЦСПС врагом КОБЫЗЕВЫМ. ТИЩЕНКО даже не смог ответить на партсобрании, кто запретил собрать митинг, а свалил на КЕЙСА, которому поручил говорить в присутствии свидетелей.

ТИЩЕНКО не был заинтересован, чтобы на партийных собраниях присутствовали представители Райкома и Обкома партии, так как привыкли это объяснять специфическим условием НКВД.

Следует указать на члена ВКП(б) т. МОРДУХОВИЧА, который всё-таки вёл борьбу за выполнение решений партии и постановления СНК.

В Отделе Кадров нет чуткого отношения к сотрудникам. Не проверяя факты, поступившие на сотрудников, говорят о запачканности личного дела. Я расскажу о себе, что за выступление против врага БРЖЕЗОВСКОГО – бывшего Зам[естителя] Нач[альника] Особого Отдела Украины – меня перевели из центрального аппарата на должность Помощника Оперуполномоченного 2 Отдела. Причины этому – не знаю какие были.

Во 2-м Отделе я обслуживал «Интурист» и получил агентурный материал о том, что один иностранец интересовался номерами телефонов, рассказывая о его связях с ними, ныне разоблачёнными врагами народа РАТЫНСКИМ¹⁰⁴ и ДАЛЬС-

¹⁰⁴ Ратынский-Футер Аркадий Маркович (рос.) (1902–1939) – із 22.11.1934 – нач. ОВ УНКВД по Одеській обл. Із 28.01.1937 – нач. 3 відд-я, пом. нач. 5 відд. НКВД СРСР. Із 22.04.1937 – заст. нач. 5 відд. НКВД УРСР. Із 20.05.1938 – нач. 3 відд. НКВД УРСР. Арештований 23.07.1938. Засуджений 04.03.1939 ВКВС СРСР. Розстріляний 04.03.1939. Реабілітований у 1993.

КИМ¹⁰⁵. Я об этом сообщил сейчас же ЯХОНТОВУ¹⁰⁶, ныне арестован, за что меня немедленно откомандировали в Харьковскую область.

Я хочу сказать о БРАТШТЕЙНЕ. БРАТШТЕЙН начал своё выступление хорошо, а окончил плохо. Он подготавливался покрыть КУДРИНСКОГО – это не большевистское поведение. БРАТШТЕЙН хочет сказать, что никого не тронул, греха таить нечего. Сегодня мне один из арестованных, дело которого вёл БРАТШТЕЙН, заявил, что на очной ставке ему материалов не читали и велели писать, а держали два дня, чтобы он подписал.

Хочу показать о непартийном поведении БРАТШТЕЙНА. У меня был арестованный руководитель троцкистской организации, который дал показания о своей вредительской деятельности. И вот БРАТШТЕЙН один раз зашёл в кабинет, где находился этот арестованный, и поставил перед арестованным вопрос – является ли он членом контрреволюционной организации. И после этого обвиняемый начал отказываться от своих показаний, рассчитывая, якобы, на то, что мы не располагаем материалами о нём.

Я считаю, что Партийный Комитет должен в первую очередь поставить партийную работу на должную высоту, заостряя вопрос над повышением политического уровня каждого члена партии.

Выступление тов. КУДРИНСКОГО.

Наряду с разгромом контрреволюционного элемента органами НКВД, в Харьковском Областном Управлении НКВД вскрыт ряд недочётов, граничащих с преступлением.

¹⁰⁵ *Дальский-Белоус Николай Петрович* (рос.) (1903–1939) – із 01.12.1935 – нач. мобілізаційного відд. УШОСДОР НКВД УРСР. Із 26.01.1938 – нач. відд-я 5 відд. НКВД УРСР. Із 05.05.1938 – заст. нач. 2 відд. НКВД УРСР. Із 31.05.1938 – нач. 1 відд. НКВД УРСР. Арештований у 11.1938. Засуджений 21.02.1939 ВКВС СРСР. Розстріляний 21.02.1939.

¹⁰⁶ *Яхонтов-Томицкий Михаил Дмитриевич* (рос.) (1895–1939) – із 1937 – заст. нач. відд-я 4 відд. НКВД СРСР. Із 07.01.1937 – заст. нач. 4 відд. НКВД УРСР. Із 27.01.1938 – особливоуповноваж., нач. секретаріату НКВД УРСР. Із 24.02.1938 – нач. 2 відд. НКВД УРСР. Із 09.1938 – в. о. заст. наркома внутрішніх справ УРСР.

Самое главное, товарищи, это то, что мы несвоевременно вскрыли врагов, сидевших в руководстве Областного НКВД, и подчас слепо выполняли их указания, не анализировали этих указаний, в результате чего и допущены ошибки, за которые мы все несём перед партией ответственность.

Мы очень поможем Обкому партии и нашему ЦК ВКП(б), если развернём критику не только вокруг 6–7 человек, о которых шла речь, но постараемся выяснить систему, благодаря которой допущены ошибки, и непосредственных виновников массовых арестов совершенно невинных людей.

К Вашему сведению т. ФРОЛКОВ, мы теперь в десятидневку освобождаем по 300 человек, в прошлом избитых людей. Кто будет отвечать за это? Кто виновен в этом?

Если бы мы общим коллективом противопоставили себя руководству, которое позже разоблачено как вражеское, то вполне естественно, что мы избежали бы тех фактов, о которых говорим сегодня.

На одном из оперативных совещаний ТЕЛЕШЕВ дал задание Сумам арестовать в 2-х недельный срок 1.000 человек. Когда я только заикнулся, что это физически невозможно, он немедленно наметил человека в Сумы – СТЕПАНОВСКОГО – для осуществления этого задания. Против такого задания никто из работников НКВД не выступил.

Возьмите второй факт. Тов. ШТАРКМАНУ было поручено арестовать всех работников радиостанции. Он этого не сделал, противопоставил себя и хорошо сделал. Плохо, что он и по другим арестам так не сделал.

Как видите, всё же при некотором анализе получаемых заданий, можно было не допустить таких широких ошибок и быстрее разоблачить врага.

Фашистские выродки – ПЕРЦОВЫ, КОБЫЗЕВЫ, как им и подобает в первую очередь, обрушились на товарищей по национальности евреев. Но не только они обрушились, но и их подхалимы. Возьмите КРЮКОВА Николая, ведь он следствие не вёл, а ходил и избивал евреев – бывших сотрудников Областного НКВД. Я имею в виду ДРУШЛЯКА. Разве это не элемент махрового антисемитизма?

Здесь тов. БРАТШТЕЙН на партийной трибуне хочет со мной свести личные счёты, кстати, у меня с ним их нет. Личные счёты сводить я не намерен.

КОБЫЗЕВ по моему настоянию перевёл БРАТШТЕЙНА в другой отдел, т. к. он саботировал в работе, нарушал трудовую дисциплину. Я приведу такие факты:

БРАТШТЕЙН за день до этого собрания, провёл «собрание» в буфете в присутствии беспартийных, где по моему адресу говорил всякие хулиганские вещи. Работая в 8 Отделе, он систематически не выполнял распоряжений оперативного характера, ругал матом и оскорблял Начальника Отделения БАШУ¹⁰⁷ в присутствии Начальника Отделения НКВД УССР тов. ОНИЩУКА и др. Оскорбил в вульгарной форме ряд сотрудников. Всегда высказывал недовольство тем, что его не назначили начальником Отделения. Он пытался освободить из-под стражи 12 человек белых и кулаков – заявив, что они ни в чём неповинны. Это было в присутствии т. БАШИ, ГИЛЬШТЕЙНА и ЛИХОЛАТНИКОВА. Он умышленно задал врагу народа ЛИСИНУ, которым заставил его отказаться от показаний. Из-за недостатка времени я не имею возможности здесь изложить всё это, что сделал БРАТШТЕЙН, а меня он обвиняет в политической безграмотности.

Выступление тов. ГИНЕСИНА.

Партия никогда нас не призывала к гуманности к врагам рабочего класса. Наоборот, партия призывает нас к беспощадной борьбе с агентами фашизма, правотроцкистскими выродками человечества.

Мы, чекисты, знаем, что враги, пробравшиеся к руководству НКВД (ЯГОДА¹⁰⁸ и др.), культивировали такое отношение к

¹⁰⁷ *Баша Владимир Евменович* (рос.) (1908–?) – на 22.03.1936 – співробітник УНКВД по Одеській обл. Из 1937 – оперуповноваж. 3 відд., із 16.03.1938 – нач. відд-я 3 відд., 1938 – нач. відд-я 8 відд., із 1939 – нач. відд. ЕКУ УНКВД по Харківській обл.

¹⁰⁸ *Ягода Генрих (Енох) Григорьевич (Гершенович)* (рос.) (1891 – 1938) – нар. у м. Рибінськ в родині дрібного кустаря. Єврей. Член Компартії з грудня 1907. Освіта – 8 класів Нижегородської гімназії (екстерном). У липні

арестованным троцкистам, правым и другим оголтелым врагам рабочих и колхозников, чтобы создать им условия для продолжения борьбы против партии и Советской власти.

В тюрьмах создавали курортные условия, условия широкой связи с волей.

И из-за этого мы и не предупредили злодейское убийство великого трибуна нашей партии Сергея Мироновича КИРОВА. Мы опоздали, как указал нам ЦК ВКП(б), на 3–4 года с разгромом правотроцкистских формирований.

Партия позвала нас в решительное наступление на врага. Мы нанесли под руководством партии и великого вождя народов товарища СТАЛИНА сокрушительный удар по агентуре иностранных разведок, по подлым предателям и изменникам нашей социалистической родины.

Партия, товарищ СТАЛИН всё время указывали нам, чтобы мы не забывали о капиталистическом окружении. Что пока оно существует – враги будут пытаться пробираться в нашу среду и подрывать мощь социалистической родины.

Но враги, находившиеся в наших органах, в процессе огромной работы проводимой, советской разведкой, пытались отводить удары от своих союзников, направляя его на честных граждан нашей страны, создавая провокационные дела, грубо искривляя революционную законность и большевистские методы допроса.

Вот на этих врагов и их пособников мы должны обрушиться со всей большевистской силой.

Мы должны выносить свои решения, тщательно разобравшись. Ибо вполне возможна провокация со стороны сейчас освобождённых и реабилитированных. Вот поэтому я и говорил т. МОРДУХОВИЧУ, что прежде, чем решить вопрос о СЕРЕДЕ, надо проверить все имеющиеся против него заявления. О том,

1927 – жовтні 1929 – начальник СОУ ОГПУ СРСР. У жовтні 1929 – липні 1934 – перший заступник, заступник голови ОГПУ СРСР. У липні 1934 – вересні 1936 – нарком НКВД СРСР. У вересні 1936 – березні 1937 – нарком зв'язку СРСР. Арештований 28.03.1937, засуджений до розстрілу у справі «право-троцькістського центру» 2 –13 березня 1938. Не реабілітований.

что там неблагополучно, об этом Партийный Комитет был мною ориентирован ещё на выборном партийном собрании.

Я на последнем партийном собрании ещё до ареста КОБЫЗЕВА говорил, что у нас не было должной большевистской заострённости к нему. В этом я признаю и свою вину.

У меня не было никаких конкретных фактов вражеской деятельности КОБЫЗЕВА, но я сомневался в его партийной честности, ориентируясь на следующие моменты:

1. Когда бежал УСПЕНСКИЙ, он нас собрал для организации розыска этого врага. Я там же на совещании сказал тов. БАР-БАРОВУ: «Не нужно ли его – УСПЕНСКОГО – искать на квартире КОБЫЗЕВА?».

Я не был уверен в весьма близких отношениях КОБЫЗЕВА с УСПЕНСКИМ, так как он неоднократно говорил, что на Украину приехал после УСПЕНСКОГО лично по поручению тов. ЕЖОВА. УСПЕНСКИЙ посылал его Наркомом в Молдавию, но он отказался туда ехать, и т. ЕЖОВ послал его в Харьков. Он себя называл «ежовцем». Я не знал о тех фактах, которые сообщил ХАТЕМКИН Партийному Комитету.

С другой стороны, будучи Начальником отдела кадров, он был первым человеком, через которого УСПЕНСКИЙ должен был проводить свою вражескую работу по разгрому чекистских кадров. Это давало основание подозревать КОБЫЗЕВА.

2. Когда приехал т. ХРУЩЁВ¹⁰⁹ в Харьков, КОБЫЗЕВ собрал нас после Пленума Обкома и заявил: «Оказывается, ОСИПОВ допускал крупные ошибки в руководстве сельским хозяйством, и за это его ЦК ВКП(б) снял с работы». Я у него тут же на совещании спросил: «Что значит – оказывается, ведь Вы же член бюро Обкома»? Он мне ответил: «Я всего не знал».

Я поинтересовался у ПЕТРОВА, были ли сигналы из районов о тех недостатках, на которые указывал ХРУЩЁВ? Безусловно, были.

¹⁰⁹ Хрущёв Никита Сергеевич (рос.) (1894–1971) – у 06.1938–03.1947, 12.1947–12.1949 – 1-й секретар ЦК КП(б)У, одночасно у 1944–1947 – голова РНК (Ради Міністрів) УРСР. У 09.1953–10.1964 – 1-й секретар ЦК КПРС, у 1958 по 10.1964 – голова Ради Міністрів СРСР. У 10.1964 був знятий із всіх посад і відправлений на пенсію.

3. Когда ОСИПОВА откомандировали в Москву, у нас оттуда запросили на него компрометирующие материалы. КОБЫЗЕВ предложил сообщить, что компрометирующих материалов нет. Но я указал, что на ОСИПОВА имеется показание одного из участников правотроцкистской организации по Харьковской области, что ОСИПОВ с ним установил связь и рассказывал ему о своей связи с УГЛАНОВЫМ. Этот арестованный впоследствии от своих показаний отказался. Но я считал необходимым в Москву сообщить. Я спрашивал у КОБЫЗЕВА, что ему известно о связи ОСИПОВА с УГЛАНОВЫМ по Москве. КОБЫЗЕВ мне сказал, что ему ничего по этому вопросу неизвестно.

Обо всех этих своих сомнениях я собирался рассказать новому Секретарю Обкома тов. ФРОЛКОВУ, рассчитывая, что он будет беседовать с нами наедине. Но такой беседы не состоялось. Тов. ФРОЛКОВ говорил с нами в присутствии КОБЫЗЕВА и др. работников Обкома. Позже я с ним поделился об имевшихся у меня данных. Я решил подкрепить имеющиеся у меня факты и после этого ставить вопрос официально. К этому времени приехал Заместитель Наркома НКВД УССР тов. ГОРЛИНСКИЙ¹¹⁰, и я ему написал рапорт обо всех имеющихся у меня фактах на КОБЫЗЕВА. Но всё же мы почему-то боялись поставить вопрос об антипартийном поведении КОБЫЗЕВА.

В чем именно ошибки Партийного Комитета?

Именно в том, что он проводил свою работу строго конспиративно, оторвано от партактива, не подхватывал сигналов об антипартийном поведении КОБЫЗЕВА и др. Не разворачивал критику и самокритику.

Лично мне не было известно о том, что КЕЙС получил от КОБЫЗЕВА указание разогнать кадры, главным образом евреев.

Я считаю, что Партийный Комитет совершил также ошибку – не информировав партсобрание о том, что КОБЫЗЕВ игнорировал партийную работу в коллективе.

¹¹⁰ Горлинский Николай Дмитриевич (рос.) (1907–1965) – у 01.11–07.12.1938 – оперуповноваж. 2 відд. ГУГБ НКВД СРСР, 07.12.1938–22.08.1940 – заст. наркома внутр. справ УРСР, 22.08.1940–26.02.1941 – заст. нач. 3 відд. ГУГБ НКВД СРСР.

Теперь скажу о себе. Я до Харькова работал в Каменец-Подольском Облуправлении. Работал честно, добросовестно, как подобает коммунисту. Партийная организация избрала меня Секретарём ЦК¹¹¹. ЖАБРЕВУ¹¹² я был невыгоден. Снять меня не было оснований, и меня решили выдвинуть в Харьков.

КОБЫЗЕВ отказывался меня принять. Я всё же вёл борьбу с КОБЫЗЕВЫМ. Я выступал в этот период против массовых необоснованных арестов, благодаря чему многие невинные люди не арестованы. Об этом знает НИКОЛАШКИН.

Я всё время вёл борьбу за укрепление аппарата, но должен сказать, что со стороны КОБЫЗЕВА ко мне было какое-то недоверие, как факт могу привести следующее:

В тот период, когда КОБЫЗЕВ уезжал в Москву, БАРБАРОВ был болен, и я остался один старший по должности в Областном аппарате. Все же КОБЫЗЕВ своим заместителем оставил моего заместителя ПЕТРОВА. Я удивился, на основании чего КОБЫЗЕВ дискредитирует меня в аппарате.

По приезде КОБЫЗЕВА я спросил, почему он так поступил, от КОБЫЗЕВА последовал ответ: «Я Начальник, кого хочу того и оставляю своим заместителем».

Должен также сказать, что по приезде в Областное управление Начальника 3 Отдела УГБ НКВД УССР тов. ГРОМОВЕНКО КОБЫЗЕВ однажды после 5-ти часов позвонил ко мне та квартиру и предложил мне приехать к нему обедать. Я ответил, что уже обедаю дома, но КОБЫЗЕВ попросил оставить обед и приехать к нему, что я и сделал.

Я приехал на квартиру к КОБЫЗЕВУ, где уже были ГРОМОВЕНКО¹¹³, БАРБАРОВ. Приглашение меня КОБЫЗЕВЫМ стало

¹¹¹ Так у тексті. Ймовірно ПК – партійного комітету.

¹¹² *Жабрєв Іван Андреевич* (рос.) (1898–1939) – у 22.11.1937 – заст. наркома внутрішніх справ Білоруської РСР. Із 26.02.1938 – нач. УНКВД по Кам'янець-Подільській обл. Арештований 15.11.1938 (по іншій інформ. 17.11.1938). Засуджений 22.02.1939 ВКВС СРСР, розстріляний 23.02.1939. У реабілітації відмовлено у 1999.

¹¹³ *Громовенко Евгений Федорович* (рос.) (1910–?) – із 05.01.1937 – пом. нач. 3 відд-я Запорізького МВ УНКВД по Дніпропетровській обл. Із

мне подозрительным, т. к. никогда я не приглашался и сам обед не был подготовлен. Своё подозрение я квалифицировал, как прикрытие перед работниками центрального аппарата своего антисемитизма, поскольку в обеде участвовало 2 еврея. Я об этом поделился с БАРБАРОВЫМ, о чем мы также поставили в известность тов. ГРОМОВЕНКО.

Здесь мне бросают реплику о том, что я ходил обедать к врагу народа. Это чепуха. Я шёл к КОБЫЗЕВУ, ибо считал в тот период нецелесообразным демонстрировать своё отношение к нему.

Я считаю, что выступление КОРОПОВА – это продолжение клеветы на честных работников. Я, после приказа товарищей ЕЖОВА и БЕРИЯ, первый в Управлении собрал своих работников, где проработал этот приказ и ориентировал коллектив на его выполнении.

Теперь скажу о ШТАРКМАНЕ.

На другой день после получения приказа ко мне зашёл ШТАРКМАН и говорит, что он получил приказ дать выписки из протокола заседания Тройки и как, мол, быть? Я ему ответил, что «ты считай, что приказ, мол, получил на день позже». Но это с моей стороны было несерьёзное замечание ШТАРКМА-НУ. Я его осудил через полчаса и затем на общем партийном собрании.

Необходимо учесть роль ШТАРКМАНА в Управлении. Ведь ШТАРКМАН ориентировался в обстановке, служил рупором у ПЕРЦОВА и КОБЫЗЕВА, которого как хотели, так и вертели.

Какой вывод нам необходимо сделать? Нам нужно как можно быстрее выправить свои ошибки, закончить имеющиеся в производстве следственные дела и с новыми силами, более утончёнными средствами через агентуру выявить и разгромить остатки вражеского подполья. Под руководством партии и с помощью Обкома КП(б)У мы с честью справимся с поставленными перед нами задачами.

Выступление тов. БАБИЧА.

Говоря о выполнении решения Партии и Правительства, нужно первым делом вскрыть имеющиеся у нас недочёты. Я непосредственно в УГБ работаю мало и, безусловно, многое, о чем здесь говорили товарищи, я не знаю. Я хочу сказать лишь только то, что я знаю.

В октябре месяце во время моего дежурства по Управлению НКВД зашёл в дежурную комнату т. КУДРИНСКИЙ, в беседе с которым я начал жаловаться, что меня не выдвигают на оперативную работу. В ответ на это КУДРИНСКИЙ задал мне такой вопрос: «А сколько у Вас работает здесь евреев? Имейте в виду, что этому виноваты лишь только они».

На данный ему мною отпор, КУДРИНСКИЙ немедленно изменил тему разговора, посмотрел на меня с большим недовольством, после чего ушёл.

Выступление тов. ЛУПАНА.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17-го ноября с предельной ясностью вскрыло наши ошибки и извращения, имевшие место при проведении массовых операций.

Задача наша, как говорит постановление, заключается в том, чтобы, продолжая впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надёжных методов.

Наша задача коммунистов-чекистов – реализовать это постановление так, чтобы по-большевистски прямо и смело ликвидировать последствия вредительства и вражеские действия в наших органах и немедленно исправить допущенные нами ошибки.

На нескольких примерах я хочу показать, как отдельные члены партии ещё и сегодня, не честно, не по-партийному реализовывают постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б).

20 января мы освободили арестованного с октября месяца 1937 года ПОМОГАЙБО¹¹⁴, дело которого вёл КАБАНОВ.

¹¹⁴ Помогайбо Михайло Якович – нар. 1913, проживав у Харкові, українець, з робітників, освіта неповна середня, член ВКП(б) з 1932, робітник заводу № 183. Арештований 20.10.1937 як учасник військово-фашист-

Пару слов по делу ПОМОГАЙБО.

ПОМОГАЙБО, 25 лет, рабочий-стахановец, был оклеветан врагом народа КАРТАШОВЫМ¹¹⁵. Тов. КАБАНОВ вместо того, чтобы разобраться с делом, в декабре месяце 1937 г. выносит с фиктивными мотивами постановление о продлении сроков ведения следствия. В январе месяце 1938 г. дело направляет для слушания в Военный Трибунал, в июне месяце дело с судебного заседания Военного Трибунала снимается и направляется на доследование, по мотивам того, что ПОМОГАЙБО дал вынужденные показания. В деле имелись серьёзные противоречия, что ПОМОГАЙБО как ударник-стахановец производства был на приёме в Кремле у тов. СТАЛИНА. Дело без доследования направляется на Особое Совещание.

Когда стал вопрос о пересмотре дел, тов. КАБАНОВ, саботируя, тянул доследование по делу, я вынужден был дать ему письменные указания в ноябре месяце и, несмотря на это, тов. КАБАНОВ все материалы по делу в порядке доследования собрал только в январе.

Знал ли тов. КАБАНОВ, что ПОМОГАЙБО невинно сидит? Да, знал и вот почему.

КАРТАШОВ на предварительном следствии дал явно неправдоподобные и противоречивые обстоятельства вербовки им в антисоветскую повстанческую организацию ПОМОГАЙБО. В показании от 10 октября 1937 года КАРТАШОВ говорит, что завербовал ПОМОГАЙБО в апреле месяце 1936 г. по пути в Москву. В показаниях от 27 октября говорит, что завербовал его в

ської змови (ст. ст. 54-1 п. «а», 54-8, 54-11 КК УРСР), справу закрито ОВ НКВД Харківського ВО 20.01.1939 (ст. 4 п. «д» КПК УРСР), звільнений з-під варті 21.01.1939.

¹¹⁵ *Карташов Михайло Іванович* (1914–1937) – нар. і проживав у Харкові, українець, із службовців, освіта початкова, позапарт., у минулому член ВЛКСМ і ВКП(б), голова ради Тсоавіахіму заводу № 183. Арештований 28.09.1937 за участь у військово-фашистській змові (ст. ст. 54-1 п. «а», 54-11 КК УРСР) і військовою колегією Верховного Суду СРСР 09.12.1937 (ст. ст. 54-1 п. «а», 54-8, 54-11 КК УРСР) засуджений до розстрілу з конфіскацією особистого майна. Розстріляний 10.12.1937 у Харкові. Реабілітований 22.05.1958.

Москве, когда ПОМОГАЙБО был на 10-м Съезде ВЛКСМ, где КАРТАШОВ встретился с ПОМОГАЙБО в ЦС Осоавиахима, когда ПОМОГАЙБО в числе других лиц премировался за военно-технический экзамен.

Вы послушайте, товарищи, какое задание получил ПОМОГАЙБО как участник организации: «Зная его, как человека близко со мною знакомого, тем более премированного, выражавшего недовольство, а также в своё время связанного с ГЕНКИНЫМ, сказал ему о существовании контрреволюционной организации. Предложил ему выполнить задание по усилению бдительности комсомольской организации в отношении оборонной работы на заводе».

На очной ставке с КАРТАШОВЫМ, которая была раньше дана ПОМОГАЙБО, а потом уже ПОМОГАЙБО допрашивался тов. КАБАНОВЫМ, ПОМОГАЙБО подтвердил своё участие в организации.

Когда т. КАБАНОВ принёс дело на освобождение со всеми материалами, я спросил т. КАБАНОВА: «Почему в деле отсутствует последующие показания ПОМОГАЙБО в порядке исследования дела и почему не установлен проходящий по показаниям ПОМОГАЙБО ГЕНКИН»? Тов. КАБАНОВ ответил, а зачем [он] мне нужен, ПОМОГАЙБО в отношении ГЕНКИНА сделал ссылку на свою оплошность.

Почему не вызывал тов. КАБАНОВ ПОМОГАЙБО и не устанавливал ГЕНКИНА, мне стало совершенно ясным, когда я в присутствии тов. ТИШЕНКО и КАБАНОВА освобождал ПОМОГАЙБО.

Из разговоров ПОМОГАЙБО мы выяснили, а он, по-моему, говорил искренно, очная ставка ПОМОГАЙБО с КАРТАШОВЫМ проводилась так, что КАРТАШОВ сидел в углу спиной к ПОМОГАЙБО и ПОМОГАЙБО, угрожая и уговаривая, что если он подтвердит показания, то этим самым он уличает врага КАРТАШОВА, заставляя подписать протокол очной ставки, где он только сказал, что да – показания КАРТАШОВА подтверждаю. После этой очной ставки т. КАБАНОВЫМ был составлен и «расписан» без допроса ПОМОГАЙБО протокол допроса, который он заставлял подписать ПОМОГАЙБО [через] несколько дней,

в который вписал как арестованного врага народа и ГЕНКИНА. В то время, как по моему поручению т. ФРОЛОВ буквально за 15–50 минут выяснил, что ГЕНКИН не арестован и продолжает работать на заводе.

Или 15 января мы освободили бывшего военнослужащего БИКЕЕВА¹¹⁶. Перед тем, как принять окончательное решение об освобождении БИКЕЕВА, я вместе с Начальником следственной группы тов. ВИТКОВЫМ вызвал следователя ПОХВАЛЬСКОГО и спросил его, как давал показания БИКЕЕВ, при очевидной своей малограмотности, о своём участии в шпионско-диверсионной организации. Тов. ПОХВАЛЬСКИЙ с заминкой ответил, [что] он так не говорил, а это мы уж так записали.

Я этими примерами хочу показать, товарищи, что у нас есть ещё отдельные члены партии, которые и сейчас после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) не честно, не по-партийному себя ведут, тормозят нам правильно, быстро и чётко исправить наши ошибки и имевшие место в следствии извращения.

Товарищи, которые совершили ошибки, должны признать их и этим самым мы скорее разберёмся с теми делами, которые у нас находятся в стадии следствия.

Я хотел бы остановиться сейчас и на работе Прокуратуры. Прокуратура, и особенно Военная Прокуратура, по существу говоря, нам не помогает, за делами не наблюдает, так как это она должна была бы делать.

Наоборот, мы имеем ряд фактов и сигналов, говорящих об обратном. Хочу привести в качестве примера дело врага БЕЛОГУРОВА¹¹⁷.

¹¹⁶ Бикеев Олексій Лаврентійович (1907–?) – нар. с. Тем'яшево Пензенської губ., росіянин, із селян, освіта початкова, у 1926–1929 член ВЛКСМ, у 1929–1930 канд. у члени ВКП(б), член ВКП(б) з 1930, проживав у Харкові, зав. артилерійським складом бронетанкового училища ім. Сталіна, старшина. Арештований 17.04.1938 за підозрою у крадіжці вогнеприпасів з метою здійснення диверсійного акту (ст. 54-9 КК УРСР), справу закрито ОВ НКВД Харківського ВО 15.01.1939 (ст. 197 ч. 2 КПК УРСР) зі звільненням з-під варти.

¹¹⁷ Белогуров Олексій Михайлович (1894 –?) – нар. у м. Старий Оскіл Старооскільського пов. Курської губ., росіянин, із міщан, освіта вища, по-

БЕЛОГУРОВ – бывший белый, участник антисоветского военно-фашистского заговора, проходит по одним весьма обстоятельным показаниям, в своё время сознался, дал показания, сейчас от показаний отказался.

Следователь тов. ДЕНИСОВ, к слову сказать, исключительно добросовестно и активно работающий, вначале растерялся, когда стал вопрос о документации вредительской деятельности БЕЛОГУРОВА.

Первая документация, не по своему содержанию, а по составу комиссии была неудачной. В документации вредительской деятельности участвовал завхоз – воентехник и только один врач.

Прокурором Округа нам на это было указано, хотя и он вначале, как и я, это просмотрели. Мы исправили свою ошибку. Была, создана вторая комиссия из научных работников, которая документально шире вскрыла вредительскую деятельность БЕЛОГУРОВА.

Когда был предъявлен второй акт БЕЛОГУРОВУ, он приведённые в акте вредительские факты его деятельности отрицал. Нами была создана третья научная экспертиза, которая полностью подтвердила акт второй комиссии и несостоятельность отказа арестованного БЕЛОГУРОВА.

Дело БЕЛОГУРОВА, должен заметить, на контроле тов. ВЫШИНСКОГО и, как мне говорил Военный Прокурор Округа, этим делом интересуется тов. МОЛОТОВ.

Во время допроса БЕЛОГУРОВА т. ДЕНИСОВЫМ по акту экспертов присутствовал Пом[ощник] Военного Прокурора тов. ГЕНКИН, который в присутствии арестованного стремился опровергнуть акт экспертов, заявив т. ДЕНИСОВУ: «Я говорил тебе, что это всё ерунда». Больше того, т. ГЕНКИН о члене комиссии т. БЕМЧЕНКО заявил: «Сукин сын, я о нём поставлю вопрос на

запарт., проживав у Харкові, викладач Українського інституту вдосконалення лікарів. Арештований 03.08.1938 за участь у антирадянсько-фашистській змові (ст. ст. 54-1 п. «б», 54-8, 54-11 ККУРСР) і військовим трибуналом Харківського ВО 13.10.1939 виправданий, звільнений з-під варти в залі суду.

ОПК, не объективно подошёл к делу». Этот же ГЕНКИН ориентирует следователя т. ДЕНИСОВА, что БЕЛОГУРОВ – очередной кандидат на освобождение и на вопрос: «Почему»? ГЕНКИН отвечает: «Это же палка о двух концах». И спрашивает: «А на ногах стоял?».

Поэтому же делу Пом[ощник] Военного Прокурор тов. НЕЛЬСОН допрашивал БЕЛОГУРОВА в течение 33 минут. Записал отказ с упором на моральное давление и воздействие следствия и после допроса следователю тов. ДЕНИСОВУ сделал почему-то такое заявление: «Накручивать больше не стоит».

Вместо того, чтобы в порядке наблюдения за делами помочь исправить ошибки и правильную получить документацию, а многие из следователей у нас не имеют ещё достаточного опыта в следствии и нуждаются именно в такой помощи, ко мне начали поступать заявления, сводящиеся к тому, что тов. ГЕНКИН ведёт работу так, что деморализует работу отдельных следователей. В свете поступающих заявлений, с ГЕНКИНЫМ нам нужно разобраться.

Несколько слов я хочу сказать о трудовой дисциплине. Мы делали подсчёт, при котором установили, что отдельные товарищи, как тов. КАБАНОВ из 26 дней – 11 дней вовсе не работал с арестованными, а на 15 дней – 5 вечеров не работал с арестованными¹¹⁸. Тов. ЧЁРНЫЙ из 26 дней – 13 вовсе не работал, а из 13 – 7 вечерних не работал.

Нередко арестованный вызывается на 15–20 минут, работают 1–2 часа. Такая работа без напора с явным спадом в следствии, при тех массовых отказах, только ещё больше осложняет нам следствие и во многих случаях ведёт к отказам арестованных от своих показаний.

Я хочу немного дополнить т. ГИНЕСИНА вот в какой части. Меня тоже 5 января КОБЫЗЕВ с женой приглашал меня на обед с ссылкой, что будет ГРОМОВЕНКО (потом я узнал, что это Начальник 3 Отдела НКВД УССР). Приглашение его для меня было неожиданным, я ему ответил, что выходной день хочу провести с ребёнком, и к нему не пошёл.

¹¹⁸ Так у тексті. Через брак кабінетів слідчі працювали позмінно.

Я хочу остановиться на выступлении тов. МОРДУХОВИЧА о СЕРЕДЕ. При наличии всех тех сигналов, о которых говорил тов. МОРДУХОВИЧ, он в продолжении нескольких месяцев имел все материалы о СЕРЕДЕ и его антисоветских троцкистских настроениях в 1930 г., ничего по ним не сделал.

Непонятно, почему после Военной Коллегии тов. МОРДУХОВИЧ согласился, чтобы СЕРЕДА опять вёл дело ЩЕГОЛЕВСКОГО. Объяснить это можно, по-моему, тем, что тов. МОРДУХОВИЧ тоже хотел избавиться от ведения следствия по ряду дел.

Вчера тов. ШТАРКМАН на таком ответственном Партийном собрании оперировал делом ПЛОЩАДНОГО и присваивал себе заслуги о его освобождении. Даю справку, что дело это вёл не тов. ТИЩЕНКО, а тов. ВИТКОВ. По этому делу ПЛОЩАДНЫЙ был приговорён к ВМН, и ещё задолго до моего приезда Особый Отдел возбудил ходатайство перед Москвой о пересмотре дела и освобождении ПЛОЩАДНОГО. За время моей уже работы в Харькове, мы 2 или 3 раза запрашивали Москву и, когда получили указания дело пересмотреть на Тройке, дело было пересмотрено, и ПЛОЩАДНЫЙ освобождён.

Выступление тов. КАСЬЯНОВА.

Вопрос о реализации решений СНК и ЦК ВКП(б) нужно рассматривать значительно шире, чем они у нас обсуждаются. Это решение обязывало нас перестроить всю работу наших органов. Ослабление агентурной работы очень крепко тормозит разоблачение и выкорчёвывание врагов. В решении ЦК ВКП(б) и СНК прямо записано о том, что работники НКВД привыкли к упрощённым методам работы и потеряли вкус к агентурной работе.

Ослабление агентурной работы действительно тормозит разоблачение врагов в процессе следствия. Как яркий пример этому, можно привести дело АРУТЮНОВА (следователь тов. РАЛКО).

Как же партийная организация обеспечивала выполнение решения ЦК ВКП(б) и СНК? Я считаю, что тов. ТИЩЕНКО в своём докладе не отразил действительного положения вещей, как парторганизация возглавила борьбу за выполнение данного решения.

Что же у нас изменилось в работе за это время, прошедшее после решения? Изменилось очень мало. Партийный Комитет должен был это решение положить в основу всей своей работы – этого сделано не было. Многие не поняли решения СНК и ЦК ВКП(б) и в первую очередь не понял его сам секретарь Партийного Комитета тов. ТИЩЕНКО.

В партийных группах это решение не обсуждалось, до сведения партийной массы оно не доводилось. Партийный Комитет и, в первую очередь тов. ТИЩЕНКО, были оторваны от партийной массы, что и явилось результатом всех ошибок в работе Партийного Комитета.

О партийной работе. Партийные школы у нас не работают. Критика на очень низком уровне. ТИЩЕНКО в своём отчёте называл только КЕЙСА, указав на его ошибки. Но ведь, помимо КЕЙСА, были ещё и другие члены Партийного Комитета, а о них ничего не было сказано.

В выступлениях Начальников Отделов не чувствуется в достаточной степени самокритики, о ряде вопросов, известных им, они не говорят, критики руководителей вышестоящих организаций у нас не чувствуется.

О КОБЫЗЕВЕ. Материалов о его вражеской работе было достаточно, но мы забыли указания вождя партии тов. СТАЛИНА.

Тов. КАСЬЯНОВ приводит выдержки из выступления товарища СТАЛИНА на собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы.

Был ли честен КОБЫЗЕВ? Как об этом говорил товарищ СТАЛИН о депутатах Верховного Совета? Безусловно, нет.

В чем выражалась любовь КОБЫЗЕВА к своим избирателям, к рабочей массе? Был ли вообще среди рабочей массы? Он был от рабочей массы оторван.

Если бы критически отнеслись к этим вопросам, то враг КОБЫЗЕВ был бы разоблачён значительно раньше.

Выступление тов. ДЕМЧЕНКО.

Мне тяжело рассказывать ход следствия над сотрудниками, всего не расскажешь.

Выступающие СЕРЕДА, КОПАЕВ, КРЮКОВ Николай в своём оправдании не рассказали общему партийному собранию дей-

ствительное положение вещей и от кого они получили неправильные указания в ведении следствия и вскрытия врагов в наших органах.

Я был арестован 12 мая 1938 года врагами КОБЫЗЕВЫМ и ПЕРЦОВЫМ. На следствии мне предъявили родственную связь с бывшим Секретарём Харьковского Обкома КП(б)У ДЕМЧЕНКО¹¹⁹. Я категорически это отрицал, просил проверить эту связь. Но это не увенчалось успехом, заявлял, что ДЕМЧЕНКО родственником мне никогда не был и я его никогда не видел.

КОПАЕВ, который вёл следствие, требовал данные о моей вражеской деятельности. На мои возражения, что я не враг и с 16-ти лет ушёл в армию, что Советская власть мне досталась своей кровью. Он отвечал: «Это к лампочке. У белых служил?». Я заявлял, что есть документы, подтверждающие мою службу в РККА. Тогда давай показания о работниках Облуправления, кого ты знаешь, и заявлял, что многие старые работники уже сидят.

Следствие оперативной группы не было направлено на выявление настоящих врагов в наших органах. Товарищи в оправдание ничего не сказали о своих ошибках и как они применяли метод физического воздействия, добиваясь каких-либо показаний.

КРЮКОВ Николай, активно участвовавший в следствии опергруппы, посылался ПЕРЦОВЫМ для наблюдения, как проводились физические меры воздействия, или приходил КРЮКОВ И.

Обстановка следствия была такова, хотя я и невиновен, что я уже не думал, что вернусь обратно.

Считаю, что общее партийное собрание вынесет своё решение в отношении вышеуказанных товарищей.

Выступление тов. КЕЙСА.

¹¹⁹ Демченко Микола Нестерович (1896–1937) – у 05.06.1934–21.09.1936 – 1-й секретар Харківського обкому КП(б)У, 09.1936–11.04.1937 – 1-й заст. наркома землеробства СРСР, 11.04–22.07.1937 – нарком зернових і тваринницьких радгоспів СРСР. Арештований 22.07.1937. Розстріляний 30.10.1937.

Решение ЦК ВКП(б) и СНК с полной ясностью отметило огромную работу, проведённую органами НКВД по разгрому вражеских гнёзд и очистке советской страны от изменников родины, правотроцкистской банды, буржуазных националистов, шпионов-диверсантов.

Наряду с этим, ЦК ВКП(б) и СНК отметил ряд недостатков и извращений в работе наших органов. Пробравшись в органы НКВД, враги народа УСПЕНСКИЙ, КОБЫЗЕВ немало навредили в нашей работе.

Были ли сигналы о вражеской деятельности КОБЫЗЕВА? Да, были.

Могли ли мы значительно раньше разоблачить врага КОБЫЗЕВА? Да, могли. Но беда вся в том, что Партийный Комитет был оторван от массы и не прислушивался к сигналам отдельных коммунистов.

После письма тов. СТАЛИНА о кадрах НКВД, КОБЫЗЕВ вызвал меня с личными делами сотрудников УГБ и в присутствии тов. ПЕТРОВА предложил уволить 10 человек, на справках наложил резолюцию уволить тов. ЛИХОЛАТНИКОВА. На моё замечание, что для увольнения нет оснований, он всё же написал «уволить».

Так же и в отношении тов. ЛЕТНЁВА за то, что он имел благодарность от врага народа КАРЛСОНА¹²⁰. На моё возражение, что ЛЕТНЁВ имеет звание и поэтому мы не имеем право его увольнять без Наркомата, КОБЫЗЕВ распорядился перевести его в неоперативный отдел.

Точно такое же решение КОБЫЗЕВ принял и в отношении тов. МАЯНЦА. На моё замечание, что к увольнению тов. МАЯНЦА нет оснований, что он хороший работник, КОБЫЗЕВ заявил, что он просто не нужен.

¹²⁰ Карлсон Карл Мартынович (рос.) (1888 – 1938) – у 06.1924–05.1934 – заст. голови ГПУ УСРР, одночасно у 06.1925–12.1929 – начальник СОУ ГПУ УСРР. У 06.1934–10.1936 – нач. Харківського облвідділу ГПУ–КВД УСРР–УРСР. У 10.1936–07.1937 – заст. наркома НКВД УРСР, у 08.1937–01.1938 – нач. Томсько-Асінського ВТТ НКВД СРСР. Звільнений з НКВД СРСР 11.01.1938. Арештований 22.01.1938, засуджений до розстрілу 22.04.1938. Реабілітований.

Эти товарищи не были уволены, т. к. я не выполнил распоряжения КОБЫЗЕВА.

По этому поводу я беседовал с т. МОРДУХОВИЧЕМ, но не поставил прямо вопрос перед партийной организацией.

В отношении евреев прямых установок от КОБЫЗЕВА не было, чтобы их не брать в НКВД, а говорилось брать основные национальности. Вопреки КОБЫЗЕВУ, Отдел Кадров эту установку не проводил и за 5 месяцев работы в ОК было принято на работу евреев 9 человек.

Из 11-ти человек, намеченных к увольнению, уволено – 4. Что касается тов. ВАЙСБАНДА, КОБЫЗЕВ хотел его уволить лишь за то, что он по телефону разговаривал с агентом.

Заявление тов. ТКАЧЕНКО о том, что я не хотел с ним разговаривать – неправильное. О брате, служившем в банде, ТКАЧЕНКО при поступлении в НКВД скрыл, указав, что он служил в Красной Армии.

Уволенные 4 человека имели компрометирующие материалы.

Факты подозрительной деятельности КОБЫЗЕВА знали и другие товарищи, но ввиду отсутствия критики и самокритики в партийной организации не были своевременно подняты на принципиальную высоту.

При поступлении нас в НКВД в апреле 1938 г. враг народа ПЕРЦОВ заявлял, что Вы – в первую очередь чекисты, а затем коммунисты.

Партийный Комитет был оторван от работы Отдела Кадров, не интересовался тем, что увольняют членов партии.

Вражеская линия УСПЕНСКОГО и КОБЫЗЕВА отражалась на работе НКВД.

Считаю, что в отношении вынесенного мне партийного взыскания нужно разобраться, так как я честно рассказал о своих ошибках, прошу учесть мою недавнюю работу в органах НКВД.

Выступление тов. НИКОЛАШКИНА.

Решением ЦК и СНК о перестройке следственной работы не было доведено как нужно каждому работнику. В этом вина Партийного Комитета и тов. ТИЩЕНКО. Вопрос о выполнении постановления ЦК затянулся. Секретарь Партийного Комите-

та на прошлом партийном собрании должен был бы дать направление по вскрытию недостатков в работе.

В отношении тов. ШТАРКМАНА, который указывал на факты неправильной работы, он был оборван врагом КОБЫЗЕВЫМ.

Партийно-просветительная работа стояла на низком уровне, чем можно объяснить недостатки в работе. Партийный Комитет в производственной работе не играл никакой роли. Год или полгода тому назад Партийный Комитет ставил вопрос о производственной работе, но после этого о работе с арестованными, как работают сотрудники – Партийный Комитет не ставил.

В некоторых случаях арестовывали людей без всяких на то оснований и, благодаря, палочной системе эти люди оговаривали себя.

Я хочу привести моё столкновение с т. БАРБАРОВЫМ. Через меня проходят все следственные дела, и один беспартийный сотрудник принёс и показал мне документ антисоветского характера.

Тов. КУЗНЕЦОВУ из 3 Отдела я указал о том, что это антисоветский документ. После этого БАРБАРОВ звонит ко мне и говорит, почему я обвиняю 3 Отдел в контрреволюционной работе, что он будет жаловаться и т. д.

БАРБАРОВ говорил т. ТИЩЕНКО, чтобы обо мне поставили вопрос на партийном комитете. Зачитываю это постановление:

«П О С Т А Н О В Л Е Н И Е.»

г. Харьков, « »¹²¹ октября 1938 г. Я, Оперуполномоченный 3 Отдела УГБ УНКВД по Харьковской области ИВАНОВ, рассмотрев следдело №-101186 по обвинению ЗАНКОВИЧ Виктории Бонифатовны в преступлениях, предусмотренных ст. 54-6 УК УССР.

Н А Ш Е Л:

ЗАНКОВИЧ была арестована 1.VI-1938 г. на основании имевшихся материалов о том, что она перебежчица, нелегально перешла границу из Польши в СССР и подозревается в шпионской деятельности.

¹²¹ Так у тексті.

В процессе следствия установлено, что ЗАНКОВИЧ В.Б. по национальности поляк, уроженка Витебского Округа БССР, за границей никогда не проживала и нелегально границы не переходила и перебежчицей не является.

Каких-либо материалов, уличающих её в проведении шпионской и антисоветской деятельности – следствием не добыто,–

ПОСТАНОВИЛ:

Дело №-101186 по обвинению ЗАНКОВИЧ Виктории Бонифатовны направить на рассмотрение Особой Тройки при УНКВД по Харьковской области

П. п. ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 3 ОТДЕЛА УГБ (ИВАНОВ)

СОГЛАСЕН: НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛЕНИЯ 3 ОТДЕЛА УГБ
Мл[адший] Лейтенант Государственной
Безопасности (ПОГРЕБНОЙ)

УТВЕРЖДАЮ: НАЧАЛЬНИК 3 ОТДЕЛА УГБ УНКВД
Ст[арший] Лейтенант Государст[венной]
Безопасности (БАРБАРОВ)».

Почему это дело было представлено на Тройку, когда человек ни в чем не виноват?

Одна девушка обратилась ко мне и заявила, что её мать осуждена Особой Тройкой и находится в Сумах. Она – еврейка, не была перебежчицей, а её осудили к высылке в Сумы, т. е. минус 15¹²².

Почему на этом постановлении была резолюция БАРБАРОВА: «Направить на Тройку»?

Я хочу рассказать о вражеской деятельности врага КОБЫЗЕВА. Я принёс статистические данные, где было указано, что арестованные военнопленные – рабочие. КОБЫЗЕВ заявил, что они, военнопленные, завербовались в нац[ионалистические] лагеря и поэтому не являются рабочими, а деклассированным элементом. Не согласившись с этим, я доказал КОБЫЗЕВУ неправильность такого мнения о военнопленных. После категорического настояния КОБЫЗЕВА об изъятии военнопленных

¹²² Йдеться про заборону у певних містах і територіях СРСР. У даному випадку заборона на проживання у м. Харкові.

из графы рабочих в графу деклассированного элемента перенесено такое-то количество военнопленных.

Даю справку:

1) О том, что я присутствовал, при том случае, когда тов. - ГИНЕСИН сказал т. ШТАРКМАНУ, что «приказ мы сегодня не получили».

2) Враг ПЕРЦОВ требовал большого количества арестов по линии 4-го Отдела, а тов. ГИНЕСИН сопротивлялся этому, заявляя о том, что у него к этому ещё недостаточно данных¹²³.

Выступление тов. ВОЛКОВА.

Наш коллектив крепкий, здоровый и он провёл большую работу по разгрому врагов, а здесь товарищи выступали, охивали нашу работу, что всё плохо и, якобы, на улучшение работы нет перспектив. Это неправильно и политически вредно. Мы много сделали и сейчас выполняем и работаем на основании постановления ЦК и СНК, но у нас много есть недочётов и ошибок. Об отдельных фактах вражеской деятельности КОБЫЗЕВА Начальникам Отделов было известно, но они до конца не доводили и не помогали в этом партийном комитете, не ставили вопрос по-партийному и не помогали партийному комитету в разоблачении КОБЫЗЕВА.

ШТАРКМАН выступал на партийном собрании не по-партийному. Взял отдельные факты и на них строил своё выступление. Дал мрачную картину, охивал нашу работу, заявляя, что с таким коллективом далеко не уедешь.

Отдельные товарищи выступают и говорят о том, что применялись физические меры воздействия при допросах. Эти искривления нужно ликвидировать. На это нас вооружает Постановление ЦК и СНК.

Нужно мобилизовать всю партийную организацию, решительней подойти к окончанию следственных дел. Виновных нужно судить, а невиновных нужно освобождать. Некоторые товарищи несамокритично выступали на партийном собрании. Несмотря на то, что у них самих были искривления в работе по следствию.

¹²³ Так у тексті.

Я, КЕЙС и другие товарищи подозревали КОБЫЗЕВА во вражеской деятельности и хотя с опозданием, но всё же сигнализировали об этом перед Обкомом и Наркомом тов. БЕРИЯ.

Выступление тов. ТЫШКОВСКОГО.

Товарищи, партия и тов. СТАЛИН нам доверили борьбу с врагами народа. Под руководством ЦК нашей партии мы разгромили осиные вражеские гнезда. Мы нанесли чувствительный удар по контрреволюции, по агентам разведок капиталистических стран.

Мы крепко ударили по троцкистско-бухаринскому фашистскому подполью. Значит ли это, что мы вправе ослабить нашу борьбу? Безусловно, нет.

Мы должны ещё крепче, ещё бдительней бороться и следить за врагом, так как враг ещё не сдался и, выражаясь словами Великого СТАЛИНА: «Пока мы находимся в капиталистическом окружении – иностранные разведки будут засылать к нам шпионов».

Враг не сдался, врага надо бить. Такова установка.

Я не хочу, чтобы собрание моё выступление поняло так, что с врагом надо либеральничать, ходить у врага на поводу и не подвергать его репрессиям.

Наоборот, я понимаю сложность международной обстановки, я знаю, что фашистские и так называемые демократические страны расправляются с рабочим классом, с членами братских компартий, я знаю цену врагу и знаю, что врагов мы били, и будем бить.

Здесь выступали товарищи, и сейчас совершенно ясно вырисовывается та вражеская работа, которую проводили КОБЫЗЕВ, ПЕРЦОВ и так называемая Особая следственная группа под руководством КРЮКОВА Ивана.

Разве работу этой группы можно квалифицировать, как настоящую борьбу с врагом? О какой медвежьей услуге говорит здесь СЕРЕДА? Это не медвежья услуга. Это прямое преступление против партии.

Кто дал право КРЮКОВУ Ивану, СЕРЕДЕ, КОПАЕВУ так зверски издеваться над людьми, в отношении которых не было достаточных материалов?

Ко мне, как Начальнику О[тдела] М[ест] За[ключения], попало много заявлений от арестованных. Я эти заявления неоднократно докладывал КОБЫЗЕВУ. Я обращал его внимание на недопустимые методы следствия в отношении сотрудников, а ответ был один: «Запрети арестованным писать заявления». Я вынужден был одно заявление ДРЕШЕРА отправить частным образом на имя тов. ЕЖОВА.

Выступление СЕРЕДЫ и КОПАЕВА не выдерживает никакой критики. Не хватило мужества сознаться о той вражеской линии в следствии, которую давали ПЕРЦОВ и КОБЫЗЕВ.

Тут СЕРЕДА заявил, что он ОЛИЕВИЧА не избивал. Это неправда. ОЛИЕВИЧА избивали СЕРЕДА, КРЮКОВ Иван и КОПАЕВ. Вы заслушали заявление, поданное ОЛИЕВИЧЕМ в Президиум. Это, безусловно, правда. ОЛИЕВИЧА перевели из внутренней тюрьмы УГБ в тюрьму на Холодную Гору полуживым.

ОЛИЕВИЧ лежал 30 суток, не вставая. Он буквально разлагался, тело начало гнить. Лекпом БЕЛОВ лечил ему раздробленную руку. Он мочился кровью, он умирал. Разве это методы допроса? Разве так нас учила партия разоблачать врагов? Это фашистские методы.

Насчёт сна во время допроса арестованных. Следователи спали – это факт. Спали при открытых окнах. Это провокация – арестованных толкали на самоубийство.

Был случай, когда КОПАЕВ допрашивал сотрудника ВОЛОДАРСКОГО. Достаточно избив его, КОПАЕВ заснул. В это время слышались шаги. ВОЛОДАРСКИЙ разбудил КОПАЕВА, последний вскочил и начал ВОЛОДАРСКОГО избивать. Зашедший КРЮКОВ Иван был доволен ходом «работы» КОПАЕВА.

О САНДЛЕРЕ.

И тут СЕРЕДА обманывает. СЕРЕДА говорил о том, что САНДЛЕР сознался через пару дней. Это неправда. Будучи в должности Зам[естителя] Нач[альника] О[собого] О[тдела] Х[арьковского] В[оенного] О[круга], ко мне зашёл СЕРЕДА через 7–8 дней после ареста САНДЛЕРА и рассказал, что САНДЛЕР категорически отказался давать какие-либо показания, и что, если он должен будет что-либо показывать, то только под боем.

Я не знаю дела САНДЛЕРА, я не знаю материалов, но факт избиения и получения показаний на честных людей неоспорим, случай с тов. ЛИВШИЦЕМ. Разве не возмутительно в отношении тов. ЛИВШИЦА. Видимо, показания были так скверно записаны, что у кого-то совесть заговорила.

И, несмотря на то, что показания на т. ЛИВШИЦА были явно лживыми, его всё же травили. Он – еврей и не пришёлся по вкусу КОБЫЗЕВУ. В деле тов. ЛИВШИЦА видимо помог Партийный Комитет.

По вопросу о ПОЛИЩУКЕ.

Ко мне попало заявление арестованного ПОЛИЩУКА, бывшего Пом[ощника] Нач[альника] 3 Отдела УНКВД на имя Зам[естителя] Наркома т. ГОРЛИНСКОГО. Заявление заслуживает внимания.

ПОЛИЩУК, говорит СЕРЕДА, враг. А как он реализовал интереснейшие материалы, имеющиеся на ПОЛИЩУКА, как разобрал этого врага?

Прав тов. МОРДУХОВИЧ, что следствие велось по неправильному пути. Сейчас совершенно понятно, что СЕРЕДА дал возможность врагу уйти в подполье.

Вместо правильного следствия требовали показания на сотрудников, требовали контрреволюционную организацию в УНКВД. Я хочу прочесть выдержку из его заявления:

«...Как я уже писал, все избиения имели одну цель – давай показания, что ты враг, предатель, шпион, участник троцкистской организации в УНКВД. Тут следствие мне шло на помощь и, избивая меня до полусмерти, называло ряд, якобы, участников этой организации, категорически требуя показаний на них.

Так, у меня особенно сильно требовали показаний на следующих лиц, уверяя меня, что они враги: АРРОВА (бывшего Начальника 3 Отдела), ГОВЛИЧА (бывшего Начальника 4 Отдела), МАРУСИНОВА (бывшего Начальника Отдела Кадров), НАЙДМАНА (бывшего Заместителя Начальника 3 Отдела), ТЫШКОВСКОГО (бывшего Начальника Отделения 3 Отдела), ЛЕНСКОГО (бывшего Председателя Спецколлегии Облсуда –

я с ним работал в Запорожье, а в Харькове жил в одном доме), ДМИТРУКА (бывшего члена Спецколлегии Облсуда – я с ним работал в Бердичеве в 1928–30 гг., а в Харькове жил в одном доме), РЕЙХМАНА – правда, на последнем особенно не настаивали, так как СЕРЕДА сказал КРЮКОВУ И.: «Он с ним же не работал», на что последовала Крюковская реплика: «Все равно, он его знает».

Требования показания на этих лиц доходили до цинизма: “Пиши, что они враги, участники организации, а там их допросят так же, как и тебя, и они сами сознаются. Почему ты не пишешь о МАРУСИНОВЕ? Разве ты не знаешь, что он враг? А (называется фамилия, какая – я уже не помню, т. к. я знал МАРУСИНОВА только как МАРУСИНОВА). Ведь ты должен и сам знать, что у жида фамилия МАРУСИНОВ не может быть”».

Говоря о своих контрреволюционных связях, ПОЛИЩУК выдумывал какие-то несуществующие фамилии. Он говорил о своей связи с ЛИГНЕРОМ. В переводе на еврейский язык «ЛИГНЕР» – это обманщик. И никто не удосужился проверить показания и фамилии, которые дал ПОЛИЩУК.

Товарищи, разве можно так допрашивать врага? Это фикция, а не борьба с врагом.

Несколько слов о ДРЕШЕРЕ.

За что посадили ДРЕШЕРА – я не знаю, и за что так зверски били ДРЕШЕРА – я тоже не знаю. Факт тот, что через несколько дней говорили, что ДРЕШЕР сознался в том, что он немецкий агент Гестапо. ПЕРЦОВ об этом говорил на оперативном совещании.

Мне известно, что ДРЕШЕРА били особо утонченно. Однако никаких показаний он, оказывается, не дал. ДРЕШЕРА бесчеловечно избивала вся Особая следственная группа, во главе с ПЕРЦОВЫМ. Его превратили в полуинвалида. Его допрашивали при открытых окнах и давали полную возможность выброситься из окна.

СЕРЕДА и другие следователи ложились спать после «допроса» и, таким образом, однажды дали возможность ДРЕШЕРУ несколько раз звонить домой по телефону.

Несколько дней тому назад ко мне в кабинет вошла жена ДРЕШЕРА. Я был удивлён её приходу, однако её выслушал. Она мне рассказала буквально дикие истории того издевательства над ней со стороны СЕРЕДЫ. Он ей звонил по телефону, издевался над ней как над женщиной. Внушал физическое отвращение к ДРЕШЕРУ. Устроил ей мнимый арест, продержав в коридоре несколько часов.

Цинизм СЕРЕДЫ в разговоре с женой ДРЕШЕРА доходил до невероятных размеров. Он ей, например, бросил такую фразу: «Следите за собой, Вы не худейте в известных местах, Вы должны нравиться мужчинам»...

Разве это допустимо? Я спрашиваю у СЕРЕДЫ, кто ему дал право так издеваться над человеком, над советской женщиной?

Она мне также рассказала её разговоры с ДРЕШЕРОМ по телефону. Вот её дословный разговор: «“Разве ты не знаешь, что ТЫШКОВСКИЙ враг? Врёшь, ведь ты был с ним вместе в Москве, знаешь ведь, что он родственник шпиона КАРЕЛИНА, значит, и сам шпион. Это такой же, как и ты, только и держался своими связями с КАРЕЛИНЫМ и в Москве”. Вот приблизительно те слова, которыми СЕРЕДА сопровождал свои требования, чтобы я писал показания...¹²⁴».

Я, может быть, не придал бы этому заявлению особого значения, так как знаю, от кого оно исходит, но, товарищи, я имею точные данные, что на меня требовали показания и от других арестованных и меня даже «ожидали» в камерах, где сидели сотрудники. Так, например, арестованный ПАНДОРИН был чрезвычайно удивлён, что я на свободе. Арестованный САНДЛЕР пришёл в камеры и заявил о том, что завтра арестуют ТЫШКОВСКОГО и ЛИВШИЦА. Арестованный ДРЕШЕР, ВОЛОДАРСКИЙ, ОЛИЕВИЧ и другие ожидали моего ареста и почему-то ХАТЕМКИНА.

Разве можно после этого ставить под сомнение заявление ПОЛИЩУКА?

А как допрашивали СЕРЕДА, КРЮКОВ Иван, КОПАЕВ и другие ПОЛИЩУКА? Какой утончённый способ получения показаний?

¹²⁴ Так у тексті.

Я задержу Ваше внимание и позволю себе по этому вопросу прочесть ещё одну выдержку из его заявления:

«...Меня ставили наголову, два держали за ноги, а третий лупил, где попало; били головой и спиной о стену, причём КРЮКОВ Николай, особенно любивший этот способ “допроса” всё время мне обещал: “Мы тебя, кабан, окончательно вобьём в стенку” ...¹²⁵».

Прошу меня не понимать так, как будто я хочу взять под защиту ПОЛИЩУКА. Я не знаю его дела, и не знаю, в чём он обвиняется, однако его заявление аналогично многим, которые проходили через мои руки.

А теперь, как вёл дело СЕРЕДА и какие показания дал ПОЛИЩУК.

Надо быть совершенно неграмотным чекистом, чтобы такие показания записывать. ПОЛИЩУК дал «показания» о своих старых ликвидированных разработках, об агентурных делах и т. д. Никто этого не проверял, а нам всем стало известно, что ПОЛИЩУК крепко сознался.

«...Езжай немедленно в Москву, добейся свидания с ВЫШИНСКИМ, напиши ЕЖОВУ о том, что в Х[арьковском] О[бластном] У[правлении] сидят нечестные люди и взят упор на уничтожение честных коммунистов.

Скажи, что дело не только во мне, что необходимо проверить настоящее руководство Х[арьковского] О[бластного] У[правления].

Скажи, что мой арест – дело рук ПЕРЦОВА.

Меня обвиняют в том, что я – немецкий шпион и сионист. Скажи, что я – честный сын своей родины.

Напиши в ЦК партии о том, чтобы проверили работу Парткомитета, так как парторганизацию УГБ ориентировали в таком аспекте, что я вражески развалил работу за время моего руководства парторганизацией. Это тоже прольёт свет на следствие по моему делу.

Расскажи всё тов. ВЫШИНСКОМУ, это предотвратит многое, что затевает ПЕРЦОВ.

¹²⁵ Так у тексті.

На мой вопрос: что будет, если в Москве задержат разбор моих писем, – ДРЕШЕР ответил: “Спеши и спеши, мне сказали, что, если я не признаюсь, меня расстреляют”.

Меня очень мучают, вымогая признания. Скажи об этом прямо в Москве, но никому не говори о разговоре моём с тобой в Харькове, так как тебя арестуют».

Несколько слов о руководстве КОБЫЗЕВА.

Вскоре после того, когда меня КОБЫЗЕВ наладил из УГБ в О[тдел] М[ест] З[аключения], он меня вызвал и заявил, что в тюрьмах безобразие, что арестованные пишут заявления, которые попадают на волю. Существует определённый порядок передачи заявлений из тюрем на имя членов ЦК партии и членов правительства. Эти заявления должны направляться по адресу. КОБЫЗЕВ мне категорически запретил посылать эти заявления и вообще предложил не давать арестованным бумагу. Я был возмущён этим и на имя тов. ЕЖОВА написал заявление. Я убеждён, что это заявление или не дошло, или же вернулось обратно КОБЫЗЕВУ «для принятия соответствующих мер».

Я неоднократно по этому вопросу делился с т. ДЕМИНЫМ, и мы усматривали в этом явно антипартийные действия. Если бы реагировали на заявления некоторых арестованных, можно было бы многое избежать.

Меня, как Начальника О[тдела] М[ест] З[аключения], безусловно, следовало ознакомить с письмом ЦК и СНК, а также с приказом тов. БЕРИЯ. Я по этому вопросу обращался к КОБЫЗЕВУ, и он мне заявил: «Ты не оперативный работник, и тебе не нужно об этом знать». Я возразил. Я объяснил КОБЫЗЕВУ, что в тюрьмах сидят не только заключённые по Харьковской области, но и других областей. Так как мы этапирруем заключённых в лагеря. КОБЫЗЕВ, однако, был неумолим. Я и по этому вопросу делился с т. ДЕМИНЫМ.

Затем такой случай. После приказа т. БЕРИЯ о пересмотре дел КОБЫЗЕВ предъявил мне большие претензии – почему я не объявил арестованным приговора тройки. Я объяснил КОБЫЗЕВУ, что это не входит в функции О[тдела] М[ест] З[аключения], так как мы не являемся судебной инстанцией, однако

КОБЫЗЕВ на меня набросился и обвинял меня в том, что я мешаю ему работать¹²⁶.

Вот Вам сумма вражеских действий КОБЫЗЕВА.

Ещё пару слов о неискреннем выступлении тов. КЕЙСА. У нас был такой Начальник тюрьмы т. ВИШНЕВЕЦКИЙ. Это лучший начальник тюрьмы нашей области. Совершенно неожиданным для меня ВИШНЕВЕЦКИЙ приказом по УНКВД увольняется. Я вызвал к себе ВИШНЕВЕЦКОГО, которого просил проинформировать меня о себе. ВИШНЕВЕЦКИЙ мне сказал, что его обвиняют в том, что он, якобы, служил у Гетмана. Тогда, когда был Гетман, ВИШНЕВЕЦКОМУ было 13–14 лет. Я ему после этого объявил об увольнении.

ВИШНЕВЕЦКИЙ послал телеграмму о незаконном увольнении в ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У, тов. БЕРИЯ и секретарю Обкома. Вскоре после этого он написал в Отдел Кадров т. КЕЙСУ подробно о себе и о своей мнимой службе у Гетмана.

Через некоторое время Москва затребовала личное дело ВИШНЕВЕЦКОГО и, вместо того, чтобы к этому вопросу подойти объективно, тов. КЕЙС посылает дело без заявления ВИШНЕВЕЦКОГО. Конечно, спустя несколько дней я получил телеграмму из Отдела Кадров ГУЛАГа о том, что ВИШНЕВЕЦКИЙ не может быть восстановлен.

Этот нечестный антипартийный поступок тов. КЕЙСА также надо осудить.

Выступление тов. БАРБАРОВА.

Органы НКВД по-большевистски осуществляли указания ЦК ВКП(б) о борьбе с контрреволюцией. Наш Харьковский коллектив также немалою провёл работу в этом направлении.

Нами немало было вскрыто и ликвидировано контрреволюционных формирований, но необходимо сказать, что наряду с этим, что мы провели большую работу, мы имели также и большие недостатки в работе.

¹²⁶ Ці відомості – додаткове свідчення про бажання Г. Кобизева позбавитися підслідних стосовно яких були ухвалені «смертні» рішення «трійки». Оскільки всі їхні свідчення були отримані під тортурами. Процедурно оголошення рішення «трійки» означало дозвіл на виконання вироку.

Я хочу рассказать, как у нас проходило изучение постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР. Необходимо сказать, что этому вопросу не было придано должного внимания.

Я собрал свой аппарат, где проработал этот вопрос на оперативном совещании, были запротоколированы выступления сотрудников по вопросу имевших место недочётов в нашей работе, но, несмотря на то, что КОБЫЗЕВУ мною был передан протокол совещания, с его стороны никаких мер, да и вообще ничего не было проделано по этому вопросу¹²⁷.

Теперь посмотрим, какую работу провёл Партийный Комитет. Я должен сказать, что не было случая, когда бы меня вызвали в Партийный Комитет по партийным вопросам. Меня как руководителя отдела Партийный Комитет не проверял и помощи никакой не оказывал. Партийный Комитет производственной жизнью коллектива не интересовался.

Я коснусь работы 3 Отдела. По линии 3-го Отдела в своё время, согласно приказа, был проведён ряд массовых операций, в процессе которых арестованы люди без всяких оснований. Основанием ареста некоторых служило то, что он был латыш или украинец. Аресты латышей и иранцев производились при старом руководстве 3 Отдела.

Я хочу отметить, что много обвинений падает на 3 Отдел, но никто не помогал в комплектовании кадров, а дел то в отделе, пожалуй, больше, чем у других.

По линии Отдела Кадров, КЕЙС ничего не помогал, а, наоборот – разгонял кадры. К примеру могу привести: увольнение ВАЙСБАНДА, который совершил ошибку, за что понёс наказание – 5 суток ареста, изгнание из отдела БРУСИЛОВСКОГО и откомандирование в Киев ДОБРОВОЛЬСКОГО¹²⁸. Всех этих товарищей без всяких оснований отстранили от работы в 3 Отделе, и лишь по моему личному настоянию перед КОБЫЗЕВЫМ, ВАЙСБАНД и ДОБРОВОЛЬСКИЙ были возвращены в 3 Отдел.

¹²⁷ Протокол від 2 січня 1939 р. опублікований: Відлуння Великого терору. – Т. 1. – С. 638–650.

¹²⁸ Добровольський Леонід Григорьевич (рос.) (1907–?) – із 01.1937 – оперуповноваж., із 08.07.1938 – пом. нач. відд-я 3 відд. УНКВД по Харківській обл.

КОБЫЗЕВ постоянно задерживал освобождение людей, которые были арестованы без всяких на то оснований, и контрреволюционная деятельность которых следствием не была установлена.

Я ему представлял дела на освобождение ОЛИЕВИЧА, ПЕТРОВА, БОНО-КОНСТАНТИНЕРА, РУТМАНА и, несмотря на соображения о невинности этих людей, всё же они продолжали содержаться под стражей, и уже после ареста КОБЫЗЕВА мною были доложены дела тов. ДЕМИНУ, и люди были освобождены.

Чтобы не задержать Вашего внимания, я хочу коротко коснуться ряда вопросов, касающихся лично меня.

Здесь меня обвиняли в том, что я невинного человека направил на Тройку для рассмотрения. Да, такие случаи были, но я направил дело не для осуждения, а для освобождения, так как Тройка имела право освободить обвиняемого. Нужно сказать, что КОБЫЗЕВ, если арестованный по национальности поляк или немец, велел представить дело на рассмотрение Тройки, даже если материалов нет, заявляя, что Тройка сама решит вопрос об освобождении.

Нами в польском клубе была вскрыта подпольная организация, один из участников которой сознался и дал показания об организации. Но позже, когда дело отправляли в Москву, подлинник протокола этого обвиняемого был затерян. Моё преступление заключается в том, что с моего ведома на копии протокола бывший сотрудник СКРАЛЕВЕЦКИЙ подделал подпись. Но факт, что арестованный сам-то сознался и был уличён в активном участии в организации. Мы имели на него 4 показания. ТИЩЕНКО подтасовывает факты, заявляя, что здесь, якобы, благодаря этому был расстрелян невинный человек. ТИЩЕНКО здесь не говорит, что о совершенном мною проступке он узнал не из каких-либо посторонних источников, а из моего же рапорта на имя Заместителя Наркома, которому я по своей инициативе решил написать, чтобы смыть с себя это пятно.

Выступление тов. КУЗНЕЦОВА.

В своём выступлении т. КУЗНЕЦОВ говорит, что органы НКВД провели большую работу по борьбе с врагами, об этом неоспоримо говорится в решении СНК и ЦК ВКП(б) от 17.XI-1938 г.

Наряду с этим, мы должны прямо сказать, что отдельные товарищи искривляли линию следствия и заводили в заблуждение следственную работу.

Вот факт. 4-м Отделом был арестован СВЕРДЛОВ Израиль¹²⁹, по национальности еврей, его обвиняли, что он сионист и хочет выехать в Палестину. Так как из этого дела ничего не выходило, его передали мне, я разобрался, что данные у нас были на совершенно другого СВЕРДЛОВА Израиля – его двоюродного брата. Я это доказал и СВЕРДЛОВ был освобождён, но на второй день этот СВЕРДЛОВ был вторично арестован и когда я спросил т. ПЕТРОВА: «Почему его арестовали?», он ответил: «На него взяли второе показание». Сколько я не доказывал, что это не он, мои доказательства во внимание не приняли, и чем дело закончилось, мне неизвестно.

Второй случай с арестованным КОЛЕСНИКОВЫМ, он был арестован 3 Отделом. Это комсомолец 1917 г. рождения, бедняк, родители в колхозе. На него получили в 3 Отделе путём неправильного метода допроса показания о том, что он участник польской организации, а когда я стал перепроверять, оказалось, что ему зачитали показания другого обвиняемого, физически воздействовали и сказали, что должен дать такие показания, и он себя оговорил.

БАРБАРОВ не хотел его сам освободить и отдал это дело мою группу, где было вынесено постановление об его освобождении.

Можно привести и такой случай. Я был откомандирован в Изюм, где содержался под стражей арестованный АНДРИЕВСКИЙ по отношению БАРБАРОВА и ПЕРЦОВА без всяких постановлений на арест. Когда я стал требовать с БАРБАРОВА основание к аресту или же я его освобожу, БАРБАРОВ мне позвонил по телефону, чтобы я его освободил, но так, чтобы не было следов, что он арестован. Я его, конечно, освободил, но всё ж выдал справку, что содержался под стражей.

¹²⁹ *Свердлов Израиль Ілліч* був засуджений «трійкою» УНКВД по Харківській обл. 11.05.1938, розстріляний 05.06.1938 у Харкові. Реабілітований 28.01.1958.

Что я хочу этими фактами сказать – это то, что виноваты не только те враги, которые сверху давали указания, как УСПЕНСКИЙ, КОБЫЗЕВ. Но виноваты те, которые писали фиктивные справки на аресты и незаконно арестовывали людей.

Товарищи, постановления СНК и ЦК ВКП(б) указали нам, чтобы мы, допустившие ошибки в работе, сами их и исправляли. Что делают отдельные товарищи, начинают спихивать дела друг другу. Например:

3 Отдел, где Начальник т. БАРБАРОВ – это контрразведывательный Отдел, и его прямая работа руководить периферией по борьбе со шпионажем, или были арестованы лица, подозреваемые по шпионажу. Некоторые даже без всякого на то основания, и БАРБАРОВ кричал, чтобы арестовывала периферия таких лиц, забирали дела к себе, оформляли дела на Тройку и альбом, и большинство арестованных по этим делам были осуждены по II категории.

Сейчас в свете постановления СНК и ЦК нужно пересмотреть дела. БАРБАРОВ, зная, что эти дела в судебные заседания не годятся и, несмотря на то, что они его дела, и он именно должен исправить допущенные им ошибки, взял и все дела передал периферии под предлогом перегруженности, а на периферии ездят малоквалифицированные следователи и не в состоянии в этих делах разобраться.

Это, товарищи, неверно и нарушения грубейшие приказа Наркома Союза тов. БЕРИИ, где говорится – периферии дела не передавать, разобраться самим отделам.

Пару слов о т. ШТАРКМАНЕ. Он работал секретарём Тройки и через его руки проходили все дела, он пропускал, как видно сейчас по делам, такие дела, что явно недостаточно материалов для рассмотрения Тройки, но он всё же пропускал.

Сейчас тов. ШТАРКМАН занял такую линию, я не ориентировал, меня ничего не касается, ему сейчас доверено руководством области контролировать дела, идущие на судебные заседания. Тов. ШТАРКМАН те же самые дела, которые пропускал на Тройку, не пропускает в Суд, возвращает с запиской «данных для суда недостаточно». Тогда как дело имеет полноту и судить арестованного нужно, он враг.

Ставил перед т. ШТАРКМАН вопрос напишите «освободить арестованного», если нет данных для суда. Он отвечает – я не Начальник области. Это, товарищи, линия неверная. Тов. ШТАРКМАН дела в суд не пропускает и освобождать не велит, а у нас должна быть линия взята прямая, как говорит нам партия – врага судите, а невинного освободите. Тов. ШТАРКМАН же занял середину этого – не судит и не освобождает.

О самокритике.

Самокритика у нас была в зажиме и, если бы Партийный Комитет в лице Секретаря тов. ТИЩЕНКО, которому партийная организация доверила руководство парторганизацией, дал бы хоть одну нить к развёрнутой критике, враг КОБЫЗЕВ был бы разоблачён гораздо раньше. Тов. ТИЩЕНКО занимал линию двойничества¹³⁰ и вот факт: на позапрошлом собрании тов. ТИЩЕНКО не информировал собрание, что КОБЫЗЕВ скрывает действия антисемита ВИРОВСКОГО. Информировал ТИЩЕНКО об этом, когда КОБЫЗЕВА не было на собрании, а когда пришёл на собрание КОБЫЗЕВ и т. ДОБРОВОЛЬСКИЙ снова в присутствии КОБЫЗЕВА поднял этот вопрос, КОБЫЗЕВ ответил: «Я даже об этом ничего не знаю». Тов. ТИЩЕНКО не только не поддерживал т. ДОБРОВОЛЬСКОГО, но далее не возразил КОБЫЗЕВУ. Это, товарищи, факт.

Кроме того, как сейчас выясняется, тов. ТИЩЕНКО знал, что Особая следственная группа направила свою работу под руководством врагов КОБЫЗЕВА и ПЕРЦОВА на уничтожение честных кадров советской разведки, даже сам подменил следователя СЕРЕДУ, оставаясь в кабинете с избитым подследственным ОЛИЕВИЧЕМ, этот вопрос скрыл от парторганизации.

По этому вопросу я должен сказать, что Партийный Комитет в лице т. ТИЩЕНКО должен также нести ответственность за незаконные действия следственной особой группы и должен быть выведен из состава партийного комитета.

Два слова о себе.

Я рабочий, братья мои в Красной Армии на командных должностях, все коммунисты, кажется, никаких нет оснований

¹³⁰ Так у тексті.

у Особой следственной группы, подозревать меня в чём-либо враждебном по отношению к партии. Тем не менее, у арестованного сотрудника т. ПЕТРОВА, который после 16 месяцев заключения освобождён как невинный, требовали показания на меня и на т. МАСЛОВА, ставя в вину, что я и МАСЛОВ собирались у ПЕТРОВА и под видом игры в преферанс проводили вражескую работу. Я, товарищи, должен сказать вот здесь в присутствии т. МАСЛОВА, мы с ним ни одного раза не встречались нигде, за исключением в Управлении, и то не заходили друг к другу в кабинет, не говоря уже о том, что я совершенно не могу играть в преферанс.

ПЕТРОВ был моим Начальником до 1932 года, и поэтому меня брали как мишень по связям.

В заключение я должен сказать, работа Особой следственной группы КРЮКОВА, СЕРЕДЫ, КОПАЕВА и их помощников СОВЫ и др. была фашистская, направленная на разгром и уничтожение честных советских разведчиков и партийных кадров. Эти люди должны понести наказание и вместе с ними Партийный Комитет в лице тов. ТИЩЕНКО.

Выступление тов. ПАЛКИНА.

Постановление ЦК и СНК указало, что органы НКВД разгромили вражеские гнезда, но отдельные лица натворили ошибок. В целом коллектив работников НКВД приложил немало сил по разгрому вражеских гнёзд, в том числе и Харьковское Областное Управление.

Если говорить, так можно говорить об ошибках отдельных лиц. Нужно сказать, что таковые имеются и слабо перестраиваются.

Я разговаривал с тов. ЛИВШИЦЕМ об одном сотруднике Милиции. Это дело вёл тов. ПОГУЛЯЕВ, оно лежит три месяца без движения, а человека надо освободить. Поступило из ДТО одно очень сомнительное дело. При просмотре оказалось, что изъят протокол. Ещё не соблюдают УПК.

Некоторое товарищи не поняли или не хотят понять постановление ЦК.

Нам необходимо по-большевистски исправлять свои ошибки. Возьмём дело ПОЛИЩУКА. Многие знали о том, что он раз-

рабатывался как участник повстанкома, а вместо того, чтобы с ним работать по материалу, который был, к нему применяли палочные методы, добиваясь чего и не было.

Отдельные прокуроры недостаточно работали по исправлению ошибок, чтобы очиститься от всех сомнительных дел.

При вражеском руководстве было тяжело работать. Вот дело ДРЕШЕРА, он писал 8 дней заявление [о том], как его допрашивали.

Об особой следственной группе.

Участники группы неискренно здесь рассказали о своих преступлениях и вражеской деятельности КОБЫЗЕВА и ПЕРЦОВА. Ведь ДРЕШЕРА первым избивал ПЕРЦОВ. Вот Вам ДЕМЧЕНКО. На него ничего нет, а как с ним обращались? Открывали окна, оставляли оружие, а ДРЕШЕР даже звонил по телефону домой, а следователи спали. К Вашему сведению, что ДРЕШЕР не хотел давать показания об издевательствах.

Это шло избиение Кадров. Требовали показаний, чтобы оговаривали честных сотрудников НКВД.

Особоуполномоченному были известны некоторые факты о ЩЕГОЛЕВСКОМ и других, но он это не вскрыл.

Я требую, чтобы он помогал в расследовании этого дела тов. РОДЕНКО¹³¹.

Дело ОЛИЕВИЧА прекратили по ст. 197 п. 2. ОЛИЕВИЧ писал до ареста о вражеском руководстве, но в деле этого нет. Нужно будет проработать постановление ЦК ВКП(б) и СНК и приказ НКВД СССР №00762 ещё раз, чтобы ликвидировать решительно и дружно допущенные ошибки.

Выступление тов. ПИЛЬСКОГО.

Во-первых, даю справку, что я раньше был оперативным работником, и сегодняшнее собрание меня очень интересует. В Фельдсвязь я ушёл по состоянию здоровья.

Теперь по существу дела. Я считаю, что основной причиной является всё же то, что мы не в достаточной мере занимались партийной работой при б[ывшем] Секретаре Партийного Комитета ДРЕШЕРЕ, а теперь ТИЩЕНКО.

¹³¹ Так у тексті.

У нас не в достаточной мере была развита критика и самокритика. Бывший Зам[еститель] Нач[альника] УНКВД РЕЙХМАН¹³² проводил вражескую работу тем, что зажимал критику. Я помню одно партийное собрание, когда РЕЙХМАН позвонил из кабинета, чтобы прекратить собрание. Я выступил с возражением, считая, что это неправильно и идёт вразрез партийной демократии. После этого он стал меня всячески преследовать. Дал задание Отделу кадров о том, чтобы дали ему моё личное дело. Но в личном деле компрометирующих материалов не нашёл и не к чему было придраться.

Кроме того, меня крайне возмущает один факт, когда ХАТЕМКИН поступил не по-партийному, зная о фактах вражеской деятельности КОБЫЗЕВА, в частности при укомплектовании кадров Особого Отдела, когда УСПЕНСКИЙ и КОБЫЗЕВ из списков штата работников Особого Отдела вычеркнул работников, по национальности евреев.

В разрезе постановления ЦК ВКП(б) и СНК [надо так] перестроить партийную работу, чтобы мобилизовать Партийный Комитет для окончательной борьбы с контрреволюцией.

Выступление КРЮКОВА И.И.

Товарищи, Партийный комитет счёл необходимым вызвать меня на это собрание из партийной организации другой области.

Я считаю это совершенно правильным и лично доволен тем, что имею возможность дать объяснения закрытому партийному собранию по известным мне общим положениям дела, и, в частности, объясниться за себя по столь важному вопросу, который поставлен здесь на обсуждении.

Жалею, что не смог присутствовать с первого дня Вашего собрания и это потому лишь, что 25-го января выехать из Одессы мне не разрешил Прокурор Республики.

Телеграмму о разрешении выехать в Харьков я получил вечером 26 января уже после отхода поезда на Харьков и потому смог выехать только 27-го января. (Телеграмму Прокурора Республики передаю в президиум собрания).

¹³² Л. Рейхман обіймав посаду заступника начальника УНКВД по Харківській області у 16.08. 1937–03.03.1938.

С выступлением товарищей на собрании 26 и 27 января я ознакомился по сокращённым записям в протоколе.

По существу вопроса многие выступали и говорили совершенно верно. Чтобы не повторить сказанного, я кратко останавлиюсь на главном.

Важнейшие постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября и 1 декабря 1938 г.¹³³ являются для нас непреломным¹³⁴ законом, которым мы повседневно должны руководствоваться в практической работе.

В этих постановлениях чётко и абсолютно правильно отмечены серьёзные недочёты, ошибки в работе органов НКВД и Прокуратуры, и прямая антисоветская подрывная деятельность врагов народа, пробравшихся в отдельных местах к руководству названных органов.

О чем здесь идёт речь? О том, что в отдельных местах грубо искажались временно дозволенные нам упрощённые методы следствия и суда по делам о контрреволюционных преступлениях; о том, что увлекались этими упрощёнными методами в некоторых местах, забывали, забрасывали основные чекистские методы – глубокой агентурной работы, и враги народа, как ЗАКОВСКИЙ, УСПЕНСКИЙ, КОБЫЗЕВ и друг., пользуясь этим, протаскивали репрессию невинных людей.

В постановлении от 17 ноября, вместе с тем и в первую очередь, отмечается огромная положительная наша работа по разоблачению и выкорчёвыванию организованных формирований заклятых врагов народа – троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов, шпионов иностранных разведок и других им подобных.

Это также, безусловно, правильно и не могло быть иначе потому, что основная, подавляющая масса коммунистов-чекистов партийно правильно строила свою работу, по-большевистски громила врагов.

¹³³ Ймовірно йдеться про постанову РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов». Див.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. – С. 624–625.

¹³⁴ Так у тексті. Очевидно, мало бути – «непреложным».

В постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17-го ноября, 1 декабря 1938 года указаны для нас точные и ясные пути исправления ошибок, перестройки нашей работы, особенно – развития и усовершенствования агентурно-разведывательной работы с тем, чтобы ещё вернее и ещё сильнее громить оставшееся контрреволюционное подполье.

Вот то основное, главное, так понял лично я в постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17-го ноября и 1 декабря 1938 года, и на этом должно быть сугубо заострено, мобилизовано наше внимание.

Были ли ошибки и вражеская деятельность в работе аппарата Харьковского УНКВД? Да, были. Приведу такие факты. В январе или феврале 1938 года, вскоре, как я приехал на работу в Харьковское УНКВД и назначен Начальником отделения 4 Отдела, знакомясь с делами в машинном бюро, я обнаружил 4 папки с черновиками агентурных донесений, переданных сюда для печати. В этих папках оказалось свыше двухсот (если не ошибаюсь) рапортов агентов, резидентов и осведомителей за годы 1938 и ниже – до 1934 г. На многих из них были резолюции оперативных работников 4-го Отдела: «Срочно отпечатать». Были здесь и отпечатанные, и залежавшиеся черновики – подлинники сводки.

Ознакомившись с содержанием этих документов, я нашёл такие, в которых сообщали об организованной контрреволюционной деятельности, об активных террористических проявлениях. И как выяснилось, многие фигуранты за эти годы были репрессированы, но в следствии эти агентурные материалы не были использованы.

Об этом я немедленно написал подробный рапорт на имя бывшего начальника 4 Отдела СИМХОВИЧА¹³⁵ (и, кажется, на имя бывшего Начальника УНКВД РЕЙХМАНА). Я просил про-

¹³⁵ Симхович Абрам Михайлович (рос.) (1902–1940) – із 27.08.1934 – нач. СПВ УНКВД по Вінницькій обл. Із 15.08.1937 по 20.04.1938 – нач. 4 відд. УНКВД по Харківській обл. Із 28.05.1938 – нач. 3 відд. ГУЛАГ НКВД СРСР. Арештований 06.03.1939. Засуджений 26.02.1940 ВКВС СРСР. Розстріляний 27.02.1940.

вести расследование по этому делу. Однако, к моему удивлению тогда, и СИМХОВИЧ, и РЕЙХМАН отнеслись к этому как-то прохладно.

Через некоторое время я поехал в командировку в НКВД УССР и там об этом же написал второй рапорт на имя бывш[его] в то время Зам[естителя] Нач[альника] 4 Отдела ПЕРЦОВА. По возвращению в Харьков, я узнал, что здесь расследование по этому делу поручено работнику аппарата Особоуполномоченного тов. МАСЛОВУ. (Результаты расследования мне неизвестны, их может сказать присутствующий здесь тов. МАСЛОВ).

Другой факт с массовыми арестами. Товарищи помнят, как летом 1938 года ныне репрессированный враг народа ПЕРЦОВ созывал каждую пятидневку начальников отделов и давал «контрольные» цифры арестов за 5 дней: «Вам – 30, Вам – 40» и т. д.

По этому поводу я имел разговор с бывшим секретарём партийного комитета ПАВЛЮКОМ. Высказывая ему сомнения в правильности таких заданий, я спрашивал: «Как он на это смотрит?» Тов. ПАВЛЮК сказал, что он говорил об этом с ПЕРЦОВЫМ и тот ему ответил или порекомендовал прочитать речь товарища ХРУЩЁВА на 14 съезде КП(б)У, в которой говорилось о необходимости усиления разгрома контрреволюционного подполья на Украине. Тут же ПЕРЦОВ, якобы, добавил, что «вычистить надо Украину, здесь много всякой сволочи». Вот как маскировалась вражеская работа.

К таким способам ПЕРЦОВ, а вслед за ним – второй враг КОБЫЗЕВ, проводили антисоветскую провокационную деятельность, а мы не сумели во время разоблачить их. В этом вина моя и других товарищей, работавших здесь в то время.

Теперь о методах следствия и применении физического воздействия к арестованным в Харьковском УНКВД, и о моей работе в Особой следственной группе по делам бывших сотрудников НКВД.

Об этом здесь говорили очень много, как я могу судить по записям протокола, больше чем о главном из постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября и 1 декабря 1938 г., о чем я кратко остановился вначале речи.

Работникам Особой следственной группы и мне в частности и особенно, как будто, попало здесь больше всех. Вследствие этого, я должен также остановиться на этом вопросе несколько дольше.

Начну с того, что за 8 лет моей работы в органах ГПУ–НКВД я никогда не считал для себя возможным в белых перчатках допрашивать арестованных за контрреволюционную деятельность. Я знал, что арестованные, которых я допрашивал, говорили обо мне как о жёстком следователе. И это меня никогда не смущало, наоборот, если бы меня «похвалил» такой арестованный, я был бы недоволен собой и поискал бы ошибок в своей работе над арестованным.

На Украину и в Харьковское УНКВД на работу я приехал в конце 1937 года. Здесь впервые я узнал и увидел применение методов физического воздействия к арестованным и применял их сам.

В конце февраля или в начале марта я был вызван из Харькова в НКВД УССР и зачислен на работу в созданную там Особую группу по делам бывших сотрудников НКВД. До того, как приступить к следственной работе, Начальник этой группы, ныне враг народа ПЕРЦОВ, и Начальник отделения, в непосредственное подчинение которого я поступил (по фамилии как будто СОКОЛОВ), объяснил мне, что группа укомплектовывается наиболее проверенными чекистами и в большинстве товарищами, которые недавно работают на Украине. В числе таких был и я. Далее они меня инструктировали от имени авторитетного товарища из НКВД СССР, что работа в Особой следственной группе должна быть понята как исключительно ответственная, что здесь мы будем иметь дело с особо опасными, прожжёнными врагами народа, знающими все методы нашей чекистской работы, готовыми упорно сопротивляться на следствии, и потому с ними мы должны бороться без церемоний и применять физическое воздействие.

Задача мне была изложена так: группа должна вскрыть, несомненно, существующее подполье антисоветской предательской деятельности в органах НКВД (ПЕРЦОВА и СОКОЛОВА тогда я видел впервые). Работая потом в Особой след-

ственной группе, я применял физическое воздействие к арестованным.

Спустя около месяца группа эта в НКВД УССР была ликвидирована. Арестованных направили в УНКВД, откуда их брали, в том числе и в Харьковское. Работников группы, в том числе и меня, откомандировали в свои области для продолжения следствия в Особых группах на местах.

В Харькове бывший начальник УНКВД ТЕЛЕШЕВ назначил меня руководителем этой группы, выделил ещё СЕРЕДУ, а позже КОПАЕВА. Вместе с этими товарищами по делам арестованных бывших сотрудников НКВД и к отдельным из них мы применяли физическое воздействие.

На выступления и заявления отдельных товарищей на собрании 26 и 27 января я совершенно честно и ответственно заявляю:

1) никакого «утончённого издевательства» над арестованными не было, как с моей стороны, так и в моём присутствии со стороны СЕРЕДЫ и КОПАЕВА;

2) также не было какого-то особо неприязненного отношения к арестованным евреям. Лично я в большей мере применял физическое воздействие к 3-м арестованным, из которых были: один – украинец, один еврей и один русский;

3) никаких провокационных вопросов к арестованным, особенно каких-то требований назвать участников организации работающих чекистов, никогда не допускали ни я, ни СЕРЕДА и КОПАЕВ в моем присутствии;

4) никогда в моем присутствии никто из работников Особой группы не допускали каких-то провокационных действий, как оставление при арестованном в кабинете оружия или открытых окон.

Вот основное, что я могу сказать относительно определённых обвинений, заявленных здесь некоторыми товарищами по адресу работников Особой следственной группы.

После этого я считаю себя вправе спросить многих выступавших с обвинениями работников Особой группы, почему они так много говорили о КРЮКОВЕ ([обо] мне), СЕРЕДЕ и КОПАЕВЕ? Почему они не рассказали о себе и своих подчинённых?

Враги народа, стоявшие у руководства Харьковского УНКВД КОБЫЗЕВ и ПЕРЦОВ, широко давали санкции или закрывали глаза на методы физического воздействия, которые применялись многими работниками всех оперативных отделов. И если уже говорить об особо сильных воздействиях на отдельных арестованных, так они были не в Особой следственной группе. А, например, в 3 Отделе и в Особом Отделе, которым руководил ТЫШКОВСКИЙ. (Я имею в виду известные исходы физических воздействий, исходы, безусловно, нежелательные, которых не было в Особой следственной группе¹³⁶). А если говорить к кому – каким врагам применялись методы физического воздействия, то в этом надо лучше разобраться. За себя могу сказать, что все арестованные, к которым я применял физическое воздействие – до сих пор остаются врагами и ни один из них не освобождён из-под стражи,

Теперь конкретные замечания по отдельным выступлениям. Тов. ТЫШКОВСКИЙ здесь заявлял так: «Вражеская работа, которую проводили КОБЫЗЕВ, ПЕРЦОВ и так называемая Особая группа под руководством КРЮКОВА». На каком основании сделано такое заявление и поставлены на одну доску присутствующие на этом партийном собрании члены партии КРЮКОВ, СЕРЕДА и КОПАЕВ с разоблачёнными врагами народа КОБЫЗЕВЫМ и ПЕРЦОВЫМ? На основании исключительно провокационных заявлений арестованного врага ПОЛИЩУКА и столь провокационной «стенограммы» телефонного разговора арестованного врага ДРЕШЕРА с женой?

Прямо поражает любовно собранная клевета тов. ТЫШКОВСКОГО и прозрачная защита арестованных. Что стоит, например, такое место из выступлений ТЫШКОВСКОГО: «...за что посадили ДРЕШЕРА – я не знаю, и за что так зверски били ДРЕШЕРА – я тоже не знаю».

Если ты, тов. ТЫШКОВСКИЙ, опрометчиво поверил арестованным, или освобождённым из-под стражи, которые, безусловно, не питают личных симпатий к следователям, допрашивавшим их; если ты очень обижен, что на тебя, якобы, собирали

¹³⁶ Йдеться про вбивство підслідних.

какие-то показания и поэтому выступил так на собрании, то ты глубоко ошибся.

ПОЛИЩУКА допрашивал я, и показания он давал ещё в то время, когда я работал в Особой группе. Допрашивал я его об участии в контрреволюционной националистической повстанческой организации на основании имевшихся в следствии материалов о связях его с какими-то ГОВЛИЧАМИ, МАРУСИНОВЫМИ, НАЙДМАНОМ, которых я не знаю до сих пор, я никогда его не допрашивал. Безусловно, не допрашивал о связях с тобой.

Однако, для большей ясности я должен сказать, что разговор о тебе на следствии был. Только не при допросе ПОЛИЩУКА, а ПАНДОРИНА, который первое время на следствии пытался держать себя дерзко. И как-то бросил мне реплику такого содержания: «Что-де, какого-то там врага нашли в ПАНДОРИНЕ? А почему у Вас гуляет на свободе ТЫШКОВСКИЙ?». На мой вопрос: «Какие у него основания для такого заявления?» (такой вопрос я имел право и обязан был задать ПАНДОРИНУ). Он ответил, что все близкие друзья ТЫШКОВСКОГО уже сидят. Вот так было дело, тов. ТЫШКОВСКИЙ.

Выступление тов. БРАТШТЕЙНА и его сравнение наших методов следствия с судами Линча и сюжетами кинокартин «Профессор Мамлок» и «Болотные солдаты» уже просто возмутительны. На мой взгляд, тов. БРАТШТЕЙН, здесь или идиотски неудачное сравнение или антипартийный выпад.

Последнее замечание о выступлении тов. ПЕРЕВОЛОЧАНСКОГО. Он заявил здесь, что «КРЮКОВ, корректируя протоколы допросов, занимался их систематическим извращением». Это голословное заявление я категорически отвергаю. По существовавшему в УНКВД порядку (?) я, как и другие Начальники Отделов и Отделений, корректировал безграмотно записанные протоколы допросов, но никогда не допускал изменения самого смысла показания арестованного.

В связи с этим я прошу Партийный Комитет потребовать объяснения у члена партии ПЕРЕВОЛОЧАНСКОГО.

В заключение всего я скажу, что в применении методов физического воздействия к арестованным в Харьковском УНКВД по всем оперативным отделам, в том числе и по Особой груп-

пе, были допущены определённые перегибы, ошибки, вина за которые должна быть отнесена не только к работникам Особой группы, но и ко многим другим товарищам, в том числе присутствующим здесь.

После выступления тов. КРЮКОВА с мест ему задаются вопросы.
ВОПРОС тов. БЕРГЕРА: Сколько законченных дел сдала Особая следственная группа за всё время своего существования?

О Т В Е Т: За то время, на протяжении которого я работал в следственной группе, было закончено 4–5 дел и направлены на альбом. Дела с альбома возвратились, и что дальше было с ними – мне неизвестно.

ВОПРОС тов. НЕЧАЕВОЙ: Кем составлялись справки на арест сотрудников?

О Т В Е Т: Не знаю. Первое время составлялись МОСКАЛЕВЫМ, позже МОРДУХОВИЧЕМ и в последнее время КРЮКОВЫМ Николаем.

ВОПРОС тов. ДОБРОВОЛЬСКОГО: КРЮКОВ говорил, что при организации Особой следственной группы было дано указание вести следствие над сотрудниками особыми методами. Какими особыми методами велось следствие по делам сотрудников?

О Т В Е Т: Такие методы, как и к другим арестованным. В отношении ПОЛИЩУКА были материалы об его участии в националистической повстанческой организации, и когда он на вопросы отрицал, к нему применяли физические методы воздействия.

ВОПРОС тов. РЕЗНИЦКОГО: Применяя методы физического воздействия, Вы были уверены в виновности арестованного?

О Т В Е Т: Я не мог не верить.

ВОПРОС тов. РЕЗНИЦКОГО: Вы сказали, что применяли репрессии к ДРЕШЕРУ, ГЛЕБОВУ и ПОЛИЩУКУ. Верили ли Вы в их виновность?

О Т В Е Т: Да. Верил.

ВОПРОС т. НЕЧАЕВОЙ: Почему арестовали АВДЕЕВА и ДЕМЧЕНКО, не имея на них никаких материалов?

О Т В Е Т: На ДЕМЧЕНКО имелись материалы о том, что он был связан с бывшим Секретарём Харьковского Обкома КП(б)У врагом ДЕМЧЕНКО, а об АВДЕЕВЕ было указание из Москвы, что он был связан с белыми. После того, как получили из Москвы

ответ на наш запрос о компрометирующих материалах, АВДЕ-ЕВ был освобождён. Дело ДЕМЧЕНКО я также докладывал для освобождения, но это не утверждали.

ВОПРОС т. КОЗУБА: В Особой группе был арестованный ЧУХРИЙ. Его так избивали, что были вырваны куски мяса, он в камере разлагался, гнил, и когда Вам докладывали об этом, почему Вы запрещали лечить его?

ОТВЕТ: ЧУХРИЙ прибыл из Киева. Я его лично не допрашивал, не бил и не отказывал ему в лечении.

ВОПРОС: Что служило основанием к аресту ВОЛОДАРСКОГО?

ОТВЕТ: К аресту ВОЛОДАРСКОГО служило основанием то, что его брат был кадровым сионистом, а он был связан с ним.

ВОПРОС т. НЕЧАЕВОЙ: Были ли проверены факты, на основании которых были арестованы ДЕМЧЕНКО и ВОЛОДАРСКИЙ до их ареста?

ОТВЕТ: Нет. Не проверялись. Я ДЕМЧЕНКО даже не видал никогда до ареста, а видел справку и постановление, утверждённое начальством.

ВОПРОС т. ПЕРЕВОЛОЧАНСКОГО: Участвовал ли КРЮКОВ Николай в следствии по делам сотрудников и в избиениях?

ОТВЕТ: Да, участвовал. Он бил ПОЛИЩУКА и ДРЕШЕРА.

ВОПРОС т. КОЗУБА: Ответьте прямо, почему запретили лечение ЧУХРИЯ, когда Вам докладывал об этом КУЛИШОВ?

ОТВЕТ: КОБЫЗЕВ запретил.

ВОПРОС т. КОЗУБА: Когда КРЮКОВУ докладывали о том, что ЧУХРИЙ гниёт, так он говорил, что пусть гниёт и другие арестованные пусть сделают для себя выводы.

ОТВЕТ: Отрицаю. Мне никто не докладывал, я этого не говорил. КУЛИШОВ есть здесь?

Тов. КУЛИШОВ (с места). Да, есть. Я докладывал об этом КРЮКОВУ.

ОТВЕТ: Припоминаю, что КУЛИШОВ мне докладывал, а не вахтеры.

ВОПРОС т. ГИЛЬШТЕЙНА: Пусть прямо ответит КРЮКОВ: была партийность в работе Особой следственной группы?

ОТВЕТ: Я считаю, что были допущены отдельные ошибки, а в основном работа проводилась правильно.

ВОПРОС т. ДОБРОВОЛЬСКОГО: Вы как руководитель следственной группы просматривали когда-нибудь дела и давались ли Вам конкретные указания по ведению следствия или не давали указания добиваться вообще?¹³⁷

ВОПРОС т. СЕМЕНОВА: Арестованного к Вам не вели, а несли 3 человека. Был ли такой случай?

О Т В Е Т: Нет, не помню.

ВОПРОС т. ВЕЛИКИНА: Были ли Вы уверены в показаниях ЩЕГОЛЕВСКОГО и САНДЛЕРА, и почему было дописано «троцкистско-сионистская организация»?

О Т В Е Т: Да, я верил в показания ЩЕГОЛЕВСКОГО и САНДЛЕРА об их участии в сионистской организации. В отдельных местах я был не уверен и об этом докладывал. Дописывать «троцкистско» – не дописывал, а корректировал безграмотно написанный протокол.

ВОПРОС т. МАСЛОВА: Как Вы оценили показания ПОЛИЩУКА?

О Т В Е Т: Я считал, что он говорил правду об участии в националистической организации, но когда он связывал с троцкистской [организацией], я в это не верил.

ВОПРОС т. ТИЩЕНКО: Почему ты, как член партийного Комитета, не ставил вопрос на Парткомитете об известных тебе фактах?

О Т В Е Т: В этом моя самая главная ошибка. Она вышла по тому, что ПЕРЦОВ был членом Комитета и вместе с КОБЫЗЕВЫМ давали эти указания. У меня было к ним доверие.

ВОПРОС т. ТИЩЕНКО: Почему ты защищал жену ПЕРЦОВА?

О Т В Е Т: Я первый выступил против избрания жены ПЕРЦОВА Председателем Женсовета.

ВОПРОС т. ПЕРЕВОЛОЧАНСКОГО: Считали ли Вы КОПАЕВА квалифицированным следователем, доверяя ему вести дела сотрудников?

О Т В Е Т: КОПАЕВА выдвинул ПЕРЦОВ, мотивировал он тем, что КОПАЕВ очень жестокий следователь и настойчивый. Я считаю, что КОПАЕВ меньше всех виновен в этих ошибках.

ВОПРОС т. БРУСИЛОВСКОГО: Почему ты дал отвод мне, когда меня принимали в партию?

¹³⁷ Так у текстi. Відповідь на це питання відсутня.

О Т В Е Т: Тов. БРУСИЛОВСКИЙ подавал в партию заявление, что он в 1920 г. принимал участие в Евобщесткоме. Я, учитывая, что партия требует проверять и оберегать чистоту, и я, поэтому выступил против, требуя проверки.

ВОПРОС т. ПЕРЕВОЛОЧАНСКОГО: Меня интересует Ваше мнение о КОПАЕВЕ?

О Т В Е Т: Я считал КОПАЕВА малоквалифицированным следователем, но настойчивым.

ВОПРОС т. РЕЗНИЦКОГО: Когда Вам давали установки ПЕРЦОВ и КОБЫЗЕВ, были ли Вы уверены в правдивости, и не было ли вражеских установок со стороны КОБЫЗЕВА?

О Т В Е Т: Установок КОБЫЗЕВ не давал, а моё отношение я сказал.

ВОПРОС т. ПУХЛЯКОВА: А слова «пусть сдохнет» – разве это не вражеская установка?

О Т В Е Т: Да. Вражеская.

ВОПРОС тов. ЖОРНИЦКОГО: Зачем Вы при арестованных оставляли открытыми окна, на столе оружие и ложились спать?

О Т В Е Т: Я категорически отрицаю. Я этого не делал, и в моем присутствии не делали КОПАЕВ и СЕРЕДА. Это невозможно.

ВОПРОС т. ЯВКИНА: ПЕРЦОВ или КОБЫЗЕВ давали ли Вам установки в отношении евреев арестованных?

О Т В Е Т: Не было установок в отношении евреев.

ВОПРОС т. БАБИЧА: Знали ли Вы, что ДРЕШЕР звонил домой по телефону?

О Т В Е Т: Не знаю и не допускаю, чтобы это было возможно.

ВОПРОС т. КУЗНЕЦОВА: Назовите прямо фамилии, кто подписывал справки на арест сотрудников, кроме руководства?

О Т В Е Т: Я об этом уже указывал, но помню, что одну или две справки написал я и СЕРЕДА.

Выступление тов. КУВШИНОВА.

Надо сказать прямо. Вина нашей партийной организации в том, что мы не подхватили своевременно сигналы, которые доходили о неправильных методах допросов до партийной организации.

В решениях партии и правительства прямо записано, что органы НКВД за 1937–1938 гг. нанесли сокрушительный удар

по врагам. Вместе с тем, было отмечено о ряде недочётов в нашей работе.

Я, товарищи, не верю в прямоту выступавших здесь КРЮКОВА Ивана, КРЮКОВА Николая, СЕРЕДЫ и КОПАЕВА. Но нужно прямо сказать, что КРЮКОВ Николай осознал свои неправильные выступления, т. е. не признал своих ошибок и сейчас, подавая письменное заявление, в котором искренне изложил свои ошибки¹³⁸. Я считаю, что тов. КРЮКОВ способен исправить допущенные им ранее ошибки, чего не сделали выступавшие неискренно СЕРЕДА и КОПАЕВ.

Что можно сказать об Особой следственной группе. Ясно, что она получала вражеские установки и направляла свою работу на разгром Советской разведки, но это нужно отнести в первую очередь за счёт вины Партийного Комитета, который не обратил внимания на искажение следствия.

Что можно сказать о сегодняшнем дне работы? Мы встретились с такими фактами, когда арестованные поголовно отказываются от своих показаний и мы меньше всего стали работать настойчиво, чтобы разоблачить врага и доказать ему его вину.

Нельзя подходить к каждому арестованному и брать его отказ для того, чтобы поставить вопрос о его освобождении, взяв под сомнение прежние его показания, мы должны подходить к этому со всей осторожностью, различить, где враг, а где оговорённые. Врагов мы должны судить, а невинных освобождать.

Товарищ БЕРИЯ дал нам определённый срок для окончания следственных дел. Мы должны сейчас ещё больше мобилизовать себя, чтобы закончить работу со следственными делами и приступить к агентурной работе, причём, работа чекистов должна быть честной, так, как учит нас партия, чтобы советская разведка была работоспособная, настойчивая.

Выступление тов. ФРОЛКОВА.

Разрешите сказать мне два слова.

Большинство товарищей, выступавших в прениях, правильно поднимали вопрос, но был ряд товарищей, которые вольно

¹³⁸ Так у тексті. Очевидно, стенографіст дещо заплутався, записуючи текст виступу. Незрозуміло, на якому етапі розкався Микола Крюков.

или невольно всё же охаивали работу всего коллектива. Нет никакого сомнения, что коллектив чекистов Харькова проделал большую работу по разгрому шпионов-диверсантов и прочей сволочи. И эта очистка от врагов, безусловно, обеспечила успешный ход дальнейшего социалистического строительства.

Наша задача заключается в том, чтобы продолжать беспощадную борьбу с врагами народа, но при более совершенных и надёжных методах, как это со всей ясностью говорится в постановлении ЦК и СНК СССР от 17 ноября 1938 года (зачитывает выдержку из постановления).

Здесь уже товарищи говорили, что и в Харьковском Управлении совершили немало ошибок. Однако, выступая, не нашлось ни одного из товарищей, который сумел бы своевременно проявить партийное мужество и вскрыть эти ошибки.

К числу таких я отношу т. ГИНЕСИНА, который в своём выступлении говорил, что ещё с первых дней прихода КОБЫЗЕВА он относился к нему с презрением. Однако, несмотря на это, он всё же 6 января пошёл к КОБЫЗЕВУ на обед. Не было у тебя, т. ГИНЕСИН, партийной последовательности.

Очень характерным является поведение СЕРЕДЫ, проявившего неискренность и желание смазать имевшее место искажение в методах работы. А об этих недопустимых методах, осуществляемых СЕРЕДОЙ, очень отчётливо пишет в своём заявлении один из арестованных (зачитывает выдержки из заявления ОЛИЕВИЧА).

Почему товарищи СЕРЕДА, КОПАЕВ и КРЮКОВ, зная, что о допущенных ими извращениях стало известно всему коллективу, всё же не выступили и не признавали своих ошибок? Это в меньшей степени партийная неискренность.

Партийный Комитет и первым долгом тов. ТИЩЕНКО не оказались на высоте своего положения. И себе в заслугу тов. ТИЩЕНКО не должен присваивать разоблачение КОБЫЗЕВА.

Это заслуга всей парторганизации и всей нашей партии. (Аплодисменты).

Ещё на предыдущем отчётном собрании т. ТИЩЕНКО в своём докладе ни словом не обмолвился о решении ЦК и СНК от 17.XI-1938 г. Больше того, лично он нарушил устав – демок-

ратический централизм, не поставил на обсуждение и утверждение отчёта на Партийном Комитете.

А когда тов. ТИЩЕНКО начал разоблачать КОБЫЗЕВА?

Прибыв в Харьковскую организацию и приступив во второй половине декабря месяца к работе, мною был взят курс на выполнение решений ЦК об утверждении сотрудников аппарата УНКВД.

После моих бесед с рядом товарищей, ко мне обратились т. т. ШТАРКМАН, КОРОПОВ, ГИНЕСИН и другие с просьбой принять их для личных разговоров. Поговорив с ними, я предложил им обо всех сообщённых мне извращениях в работе УНКВД написать мне.

И лишь после этого ТИЩЕНКО, зная, что рано или поздно имевшие место враждебные действия будут вскрыты, он пришёл ко мне в Обком. И напрасно ТИЩЕНКО теперь присваивает себе роль разоблачителя.

Партийный Комитет не мобилизовал партийную организацию на искоренение извращённых методов в следственной работе. Он не прислушивался к голосу коммунистов.

Разве не мог тот же ТИЩЕНКО, зная об этом раньше, написать в ЦК партии или другие организации?

Товарищи! А куда годится такое обстоятельство, что до сих пор Партийный Комитет не поставил вопроса об исключении из партии врага народа ПЕРЦОВА.

Партийная организация в достаточной степени не руководствовалась решениями партии в деле освоения марксизма-ленинизма, работы с кандидатами партии, сочувствующими и т. д. Партийный Комитет в этом отношении работал неудовлетворительно.

Решения ЦК ВКП(б) о партийной пропаганде в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» – парторганизацией не выполняется.

Молодые кадры предоставлены сами себе и с ними никакой работы не проводится.

Задача нашей партийной организации – немедленно перестроить работу на исправление ошибок и выполнение постановления ЦК [и] СНК.

Если мы сейчас по-партийному не наляжем на это, не поведём решительной борьбы с вражескими проявлениями – мы не сумеем обеспечить выполнения решения партии по укреплению мощи нашего Советского государства.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО тов. ТИЩЕНКО.

Товарищи! Большинство товарищей, выступавших сегодня, рассказали партийному собранию о фактах избиения арестованных, имевших место в УГБ УНКВД. Все эти факты относятся к 1937 году и зиме 1938 года, о которых всем было известно задолго до сегодняшнего собрания, т. к. большинство присутствующих здесь принимали участие в избиении арестованных, в том числе и я. Избивали арестованных врагов нашей родины. Их нужно было избивать, правда, ряд товарищей, в частности, СЕРЕДА, КРЮКОВ Иван, КОПАЕВ и другие, избивали незаконно арестованных бывших сотрудников, вымогали от арестованных врагов показания на честных работников наших органов, о чем тоже знали многие товарищи, но почему-то молчали.

Ни СЕРЕДА, ни КОПАЕВ в своих выступлениях честно, по большевистски, не признали своих ошибок и не рассказали собранию обо всех вражеских действиях ПЕРЦОВА и КОБЫЗЕВА, под руководством которых они работали.

Как я уже сказал, большинство товарищей взяли упор на иллюстрацию фактов избиения арестованных, причём всё это рассказывали в сгущённых красках, а многие факты далее подлежат проверке и расследованию. И вот когда внимательно слушаешь выступления выступавших товарищей, в частности, ШТАРКМАНА и МОРДУХОВИЧА, то получается, по их так, что весь наш чекистский коллектив ничего не сделал, а только бил и бил арестованных. Стать на точку зрения этих товарищей будет неверно. К тому же эти товарищи неискренне выступали, т. к. ничего о своих ошибках не сказали собранию.

Партия и Правительство осудили и указали в своём решении от 17.XI-1938 г. о серьёзных ошибках в следственной и агентурной работе наших органов, в то же время партия и правительство отметили заслуги Советской разведки в помощи партии по разгрому контрреволюционных формирований на Украине. И нужно сказать, что в Харьковской области аппарат

тоже провёл немалую работу по выкорчёвыванию и разгрому правотроцкистских националистических и иных формирований на территории области.

Следовательно, нельзя огульно охаивать всю партийную организацию, а нужно говорить о конкретных личностях и их действиях.

В свете решения ЦК ВКП(б) и СНК от 17.XI-1938 г. и приказа Наркома Внутренних Дел СССР тов. БЕРИЯ о Калининской области, наша задача заключалась в том, что мы должны были этот приказ и решение тщательно изучить и довести до сознания каждого товарищ. Это положение не приняло широкого размаха, благодаря вражеской деятельности ныне разоблачённого изменника родины бывшего Начальника Облуправления НКВД КОБЫЗЕВА, который в вражеских целях не дал соответствующего хода этим решениям.

Эти решения и приказ Наркома (по Калининской области) призывали всех нас, чекистов, вскрыть недочёты в нашей агентурно-следственной работе (создание дутых дел, фальсификация следственных материалов, незаконные аресты и т. п.). Вот в этом свете выступающие товарищи и должны были широко развернуть критику, вскрывая эти факты, а у нас их очень много, а большинство товарищей перегнули палку в сторону побоев.

Это явилось результатом отсутствия смелой большевистской критики, невзирая на личности и их ранги, о чем я многократно выступал на собраниях, призывал товарищей к смелой критике.

Я как руководитель парторганизации, а также и все члены Партийного Комитета не можем снять с себя ответственности за отсутствие в нашей парторганизации смелой критики. В этом мы повинны все. Трусость и наличие элементов подхалимства – вот, что не давало возможности разворачивать смелую критику, как на партийных собраниях, так и на оперативных совещаниях.

Тов. ШТАРКМАН в своём выступлении изобразил меня каким-то диктатором и, как он выразился, что я надел ему и другим, пытавшимся выступить с самокритикой, намордники.

Трудно поверить, чтобы, одевая ШТАРКМАНУ намордник, он не откусил пальцы.

Кто же не давал ШТАРКМАНУ право выступать на собраниях и рассказывать обо всех известных ему вопиющих безобразиях, граничащих с преступлениями со стороны ряда работников спецгруппы и других отделов?

На отчётном собрании в декабре 1938 г. и на сегодняшнем собрании ШТАРКМАН снова выступал и огульно охаивал всю нашу партийную организацию, не сказав ни слова об известных ему фактах и его собственных ошибках, о которых здесь выступали ряд товарищей и говорили (т. т. ЩЕГЛОВ, ВИТКОВ и др.).

Я хочу обратить внимание собрания на выступление членов Партийного Комитета МОРДУХОВИЧА и НИКОЛАШКИНА, которым подобало¹³⁹ выступить и искренне рассказать о своих серьёзных ошибках в работе. Они об этом умолчали.

Разве тов. МОРДУХОВИЧ не знал о всех этих вопиющих вражеских действиях ПЕРЦОВА, СЕРЕДЫ, КРЮКОВА и других? Конечно, знал. Почему он на собраниях не выступал, почему он не сообщил Обкому или ЦК партии? Знали в равной мере эти факты ТЫШКОВСКИЙ и ряд других товарищей. Почему [не выступили]? Потому, что они боялись навлечь на себя гнев вражеского руководства. Разве это достойно коммуниста?

МОРДУХОВИЧ, являясь Особоуполномоченным и к тому же членом Партийного Комитета, уже тогда, когда Партийный Комитет по ряду сигналов стал выявлять факты о вражеских действиях КОБЫЗЕВА, не сообщил целый ряд известных ему фактов, о которых он здесь говорил на собрании.

МОРДУХОВИЧ в своей обширной речи исключительно говорил об избиениях, не разделяя врагов и невинно арестованных лиц, он говорил вообще и ничего не сказал о себе.

Почему МОРДУХОВИЧ не рассказал собранию, какие он вместе с бывшим сотрудником Особого Отдела БОДНИЧЕМ устраивали и применяли средневековые пытки к арестованным? В частности, к арестованному бывшему сотруднику Особого Отдела, незаконно арестованному ВОЛКИНШТЕЙНУ, несколько

¹³⁹ Так у тексті.

месяцев тому назад освобождённому из-под стражи. Это нечестно и не по-партийному.

Тов. НИКОЛАШКИН обвинял меня в том, что я не дал сигнала начать смелую критику на партийных собраниях и он, как видите ли, терпел до сего времени такое положение.

Кто запрещал ему, НИКОЛАШКИНУ, являющемуся 3-м Секретарём нашего партийного комитета, не дать сигнал на собраниях призыва к самокритике партийной организации?

НИКОЛАШКИН ничего не сказал о своей очевидной бездеятельности как 3-й секретарь Партийного Комитета и не рассказал о своих серьёзных ошибках в следственной работе по Купянскому кусту, где он был на протяжении нескольких месяцев Начальником оперативно-следственной группы.

Кто же запрещал НИКОЛАШКИНУ выступить на собрании и рассказать об известных ему фактах антисоветской деятельности КОБЫЗЕВА?

Почему НИКОЛАШКИН не рассказал собранию, как я в единственном числе на заседаниях Партийного Комитета выступал против ПЕРЦОВА? И только благодаря моей настойчивости моё предложение по кандидатуре в Совет жён было принято. А ведь это же были ярко выраженные элементы подхалимства со стороны НИКОЛАШКИНА, КРЮКОВА и других членов партийного комитета прошлого состава.

Я виноват в том, что не поставил вопрос на партийном комитете о бездеятельности НИКОЛАШКИНА, о чём отмечалось на целом ряде собраний. В этом я признаюсь.

В своём выступлении т. КУЗНЕЦОВ бросил мне обвинение и требовал привлечь меня к партийной ответственности за либерализм.

Это обвинение серьёзное. В чем же выражался либерализм, он не сказал.

Только недавно на одном из собраний КУЗНЕЦОВ выступал и обвинял меня в том, что я неправильно информировал партийное собрание о том, что враг КОБЫЗЕВ запретил проводить митинг в связи с опубликованием постановления о трудовой дисциплине. Он тогда заявил, что КОБЫЗЕВ был прав, если он запретил делать митинг в рабочее время. Ведь дело же

не во времени, тов. КУЗНЕЦОВ, а дело в его антисоветской вылазке. Об этом КУЗНЕЦОВ ничего не сказал собранию. Как же расценивать поведение КУЗНЕЦОВА? Почему он не рассказал собранию о тех серьёзных ошибках, которые он допустил в своей работе в Изюмском Райотделении НКВД?

Тов. ЛИХОЛАТНИКОВ в своём выступлении обвинял меня и Партийный Комитет в том, что мы не оправдали себя и допустили целый ряд серьёзных политических ошибок в партийной работе. В чем эти политические ошибки выражаются – он не сказал.

На отчётном партийном собрании 4–5 декабря 1938 года, принятой резолюцией было отмечено признать работу Партийного Комитета – удовлетворительной.

Почему же тов. ЛИХОЛАТНИКОВ сейчас обвиняет партийный Комитет, что он не оправдал доверия партийной организации? Это неверно.

Я с полной ответственностью заявляю Партийному собранию, что наша партийная организация крепкая и идеологически выдержанная, никаких уклонов от генеральной линии ЦК ВКП(б) не было и нет. Все решения ЦК ВКП(б) и Правительства наша партийная организация проводила в жизнь правильно.

Были искривления законов Советского Правительства в своей повседневной работе отдельными работниками, о которых здесь уже много говорили и которым партийное собрание воздаст по заслугам.

Тов. ПЕРЕВОЛОЧАНСКИЙ огульно обвинял весь состав партийного комитета в полной бездеятельности и оторванности от масс. Это неправильно.

Партийный Комитет в своём новом составе проводил работу, в частности, очень крепко взялся за работу тт. ВИТКОВ и ПЕТРОВ, а остальные товарищи включились в работу, но слабо.

За последние 2–3 месяца свыше 20 человек комсомольцев принято в партию, около 10 чел. приняты в действительные члены партии, 6 чел. приняты в сочувствующие.

Партийная организация регулярно проводила партийные собрания закрытые и открытые, где поднимался ряд вопросов партийной жизни, производственной, вопросы быта, в первую

очередь вопросы идейно-политического воспитания в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)».

Никто из товарищей не выступил и не сказал, как они помогали в партийной работе Партийному Комитету. Нужно сказать, что нам помогали плохо. Ещё при наличии фактов проведения всем известной вражеской линии отрыва наших органов от партийных организаций.

Разве можно обвинить Партийный Комитет в том, что мы не препятствовали переброске и откомандированию членов партии нашей организации? Разве нас раньше спрашивали? С нами не считались. Приказ и точка. Вот только теперь, когда вышестоящие партийные организации стали заниматься кадрами наших органов, теперь, безусловно, будет хорошо. И такое мероприятие прекратит произвол, до сего [времени] существовавший в наших органах, с переброской кадров. Теперь мы будем находиться близко, и не оторваны от Райкома и Обкома партии, которые, несомненно, нам в нашей работе помогут. И будет, кому нас контролировать, и этого произвола, и этих безобразий больше не будет повторяться в нашей работе.

Партийный Комитет обвиняли в том, что мы затянули с собранием и не созвали его раньше. Это получилось потому, что Обком партии дал нам указание собрать целый ряд фактов о КОБЫЗЕВЕ и ждать указания Обкома о дне созыва собрания.

Да и как мы могли раньше это сделать, когда у меня и у других членов Партийного Комитета не было фактов, о которых нам стало известно только в конце декабря 1938 года.

Я беру на себя вину, что я не поднял на партийном отчётном собрании вопрос о непосещении КОБЫЗЕВЫМ партийных собраний. В этом моя большая ошибка.

Меня обвиняли ПЕРЕВОЛОЧАНСКИЙ и КУЗНЕЦОВ, что я плелся в хвосте у КОБЫЗЕВА. А ведь эти товарищи знают, что я с КОБЫЗЕВЫМ неоднократно имел стычки по вопросу проведения партийных собраний, который не разрешал их делать тогда, когда хотела партийная организация. Он не интересовался партийной работой и нам не помогал.

Вот, исходя из этих соображений, я 5-го декабря 1938 года на отчётном собрании выступил против КОБЫЗЕВА, когда его

кандидатура была выставлена в Партийный Комитет. Я тогда же заявил, что нам в Партийном Комитете не нужно иметь «американских наблюдателей» и, как пример, привёл ПЕРЦОВА, который, будучи членом Партийного Комитета, абсолютно бездействовал. Тогда же выскочил подхалим КОБЫЗЕВА – СЕРЕДА и заявил, что секретарь Партийного Комитета ТИЩЕНКО ведёт себя возмутительно, сравнивая КОБЫЗЕВА с врагом народа ПЕРЦОВЫМ. Оказывается, что они оба тогда были врагами. Только разница между ними была та, что ПЕРЦОВА посадили раньше, а КОБЫЗЕВА месяцем позже. Присутствовавший на собрании ШТАРКМАН и ряд других товарищей хором запели: «Правильно, правильно, ТИЩЕНКО неправ». Спрашивается, можно ли было с такими подхалимами развернуть смелую критику?

Характерно для выступающих товарищей отметить, что ни один из них не осудили поступки тов. ЧЕПЫЖЕНКО, который на протяжении долгого времени был секретарём КОБЫЗЕВА и часто выполнял роль «домашнего лакея». На одном из собраний в январе месяце, когда обсуждался вопрос о запрещении КОБЫЗЕВЫМ митинга, кто как не ЧЕПЫЖЕНКО выступил в защиту своего хозяина КОБЫЗЕВА и высказал мнение в том, что КОБЫЗЕВ этого не мог сделать, что это сочиняет ТИЩЕНКО?

Почему ЧЕПЫЖЕНКО молчит и не рассказывает о ряде известных ему фактов антисоветской деятельности КОБЫЗЕВА, о тех оргиях, пьянках и безобразиях, которые устраивались на даче у КОБЫЗЕВА, на что тратились тысячи рублей народных денег? ЧЕПЫЖЕНКО жил на даче и не мог не знать этого положения. Партийная организация должна об этом в своём решении тоже сказать.

Партийный Комитет, получив сигналы о вражеской фашистской деятельности КОБЫЗЕВА, принял энергичные меры, быстро собрал факты, документировал их и направил все эти документы 3 января 1939 г., ещё за несколько дней до ареста КОБЫЗЕВА, специальным нарочным фельдъегерской связи в Москву, Наркому Внутренних Дел СССР тов. БЕРИЯ. Об этом в конце декабря я лично в устной форме доложил секретарю Харьковского Обкома КП(б)У т. ФРОЛКОВУ, а позже все материалы в письменной форме были вручены также ему.

С того времени Партийный Комитет проводил дальнейшую работу по разоблачению КОБЫЗЕВА под руководством т. ФРОЛКОВА, и заслуги Партийного Комитета в деле разоблачения КОБЫЗЕВА своевременны и всё же таки есть. И в этом Партийный Комитет нельзя обвинять.

Повторяю, что я, и все члены Партийного Комитета, виноваты в должной мере в том, что мы глубоко не смогли внедрить решения ЦК ВКП(б) и СНК от 17.XI-1938 г. и не занялись вопросом выявления ряда фактов, о которых здесь говорилось.

Характерно, что ни один из товарищей на протяжении всего времени до собрания, не пришёл и не сообщил ни одного факта обо всех тех преступных деяниях отдельных работников, в частности, КРЮКОВА, СЕРЕДЫ и др.

Вот как помогали члены партии в работе Партийного Комитета.

Лично в моей следственной работе нет подобных других фактов искривлений. Я честно громил врагов, я бил врагов настоящих и от этого была большая польза для нашей страны. Я фальсификации в следственных материалах не делал, как делал БАРБАРОВ. Арестованного расстреляли, а потом спохватились, что нет его показаний, и сфабриковали протокол допроса и этот протокол был подписан следователем СКРАЛЕВЕЦКИМ, вместо расстрелянного арестованного с благословения БАРБАРОВА.

Разве это не вопиющий факт преступной деятельности БАРБАРОВА и СКРАЛЕВЕЦКОГО? А он здесь на собрании пытался доказать, что это просто «техническая ошибка» в следствии. За такую, с позволения сказать, «техническую ошибку» нужно предавать суду.

БАРБАРОВ почему-то умолчал о своих бытовых связях с врагом ПЕРЦОВЫМ и как он работал под руководством ПЕРЦОВА?

Меня обвиняли ШТАРКМАН и ПЕРЕВОЛОЧАНСКИЙ, что я кричал «Ура!» руководителям партии и Советского правительства на торжественных собраниях нашей организации. Возможно, что я кричал «Ура» и бывшему Наркому Украины УСПЕНСКОМУ, ныне разоблачён как враг народа. Я же об этом не знал, что он враг народа.

Наравне со мной кричали «Ура!» УСПЕНСКОМУ ШТАРКМАН, ПЕРЕВОЛОЧАНСКИЙ и другие. Но мне сейчас хорошо помнится о том, что вообще об УСПЕНСКОМ я никогда не кричал «Ура!». Я всегда кричал и кричу «Ура!» за здоровье Великого СТАЛИНА, товарищей ВОРОШИЛОВА, МОЛОТОВА и других его соратников.

Я кричал за товарища СТАЛИНА, и буду кричать и в дальнейшем. Я за СТАЛИНА, за партию, за Советскую власть 3 года воевал на гражданской войне и всегда с именем шёл, и буду идти в бой с врагами нашей Социалистической родины.

Пусть живёт товарищ СТАЛИН, на страх врагам коммунизма!

Наша, партийная организация воздаст по заслугам всем тем, кто искривлял законы Советского Правительства, законы Сталинской Конституции. И если будет установлена и моя вина, как партийного руководителя организации, я готов принять любое партийное наказание, если оно будет вынесено заслуженно.

Наша партийная организация сделает из всего этого, что мы здесь слышали из уст выступающих товарищей соответствующие выводы и урок будет для каждого коммуниста. Смело развернём большевистскую критику, вскроем до конца все искривления и недочёты нашей работы и возьмёмся дружно, по-новому за работу, за выкорчёвывание вражеских, шпионских и иных троцкистско-бухаринских элементов, которые ещё живут на Советской земле.

На основе указаний партии и Советского правительства, под руководством Обкома и Райкома партии, наша партийная организация исправит свои ошибки к XVIII Историческому Съезду Партии ЛЕНИНА–СТАЛИНА придёт с целым рядом хороших производственных показателей.

Слава вдохновителю социалистических побед – Великому СТАЛИНУ!

После заключительного слова, для предложения от имени комиссии – слово предоставляется товарищу МОРДУХОВИЧУ.

В результате обсуждения внесённых изменений и дополнений по зачитанным предложениям, собранием единогласно принимается следующее постановление.

Общее закрытое партийное собрание отмечает, что постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.XI-1938 года – о работе

органов НКВД и Прокуратуры не было положено Партийным Комитетом в основу всей партийной работы коллектива.

Партийный Комитет не понял значения решения ЦК и СНК, и в силу этого отчётно-выборное собрание от 4–5 декабря 1938 г. было ориентировано Партийным Комитетом неправильно и прошло без должной большевистской критики и самокритики на вскрытие глубоких извращений и ошибок в оперативно-следственной работе коллектива УГБ.

Отчётный доклад секретаря Партийного Комитета тов. ТИЩЕНКО на общем собрании даже не был представлен предварительно на утверждение Партийного Комитета.

Указанные в решении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.XI-1938 г. извращения и ошибки в оперативно-следственной работе органов НКВД, целиком и полностью относятся и к работе нашего коллектива.

Наряду с тем, что чекисты Харьковщины провели большую работу по разгрому вражеских шпионско-диверсионных гнёзд, в практике нашей оперативно-следственной работы также имел место ряд грубейших извращений:

1. Работники Особой следственной группы по делам арестованных бывших сотрудников НКВД КРЮКОВ Иван, СЕРЕДА и КОПАЕВ по прямым вражеским указаниям ПЕРЦОВА и КОБЫЗЕВА сознательно применяли садистские издевательские методы следствия к арестованным, в отношении коих не было достаточных улик¹⁴⁰ данных об их вражеской деятельности (ДЕМЧЕНКО, ОЛИЕВИЧ, ВОЛОДАРСКИЙ, ДРЕШЕР).

Несмотря на наличие на отдельных арестованных – бывших сотрудников УНКВД (ПОЛИЩУК, БАБУШКИН и др.) серьёзных компрометирующих материалов, могущих изобличить их в процессе следствия, работники Особой следственной группы КРЮКОВ Иван, СЕРЕДА и КОПАЕВ не использовали эти материалы и за весь период работы не разоблачили ни одного врага, проникшего в органы НКВД, а, наоборот, ряд следственных дел ими были провалены.

¹⁴⁰ Так у тексті, ймовірно «уличённых» (рос.).

Участником этих издевательств в отношении отдельных арестованных являлся кандидат партии КРЮКОВ Николай, не имевший никакого отношения к работе Особой следственной группы.

Издеательства сопровождались прямыми контрреволюционными провокационными действиями СЕРЕДЫ, КРЮКОВА и КОПАЕВА, выразившиеся в махровом антисемитизме, клевете на советскую разведку, грубейших провокациях, толкавших арестованных к самоубийству.

КРЮКОВ, СЕРЕДА и КОПАЕВ являлись прямыми исполнителями фашистской линии врагов УСПЕНСКОГО, КОБЫЗЕВА и ПЕРЦОВА, направленной на разгром партийных и старых чекистских кадров, вымогая издевательством, побоями и различными провокациями ложные показания арестованных на ряд честных, преданных коммунистов-чекистов.

Особо жестоко издевались над арестованными евреями и требовали ложных показаний на работающих в УНКВД еврейской национальности.

Партийное собрание особо отмечает, что члены партии СЕРЕДА, КОПАЕВ и кандидат партии КРЮКОВ, вместо того, чтобы на партийном собрании по-большевистски вскрыть свои преступные действия и известные им факты преступной деятельности других, в своих выступлениях стали на путь прямого обмана партийного собрания.

2. В ряде оперативных отделов парторганизацией вскрыты факты грубейшего извращения в процессе следствия, как-то: фиктивные очные ставки (3 Отдел – следователь ЗЫКОВ, 4-й Отдел – следователь ГЕНДЕЛЬШТЕЙН), прямые подлоги и фальсификация в протоколах допросов обвиняемых и свидетелей (3 Отдел – следователь ПОРФИРЬЕВ, ЛАШЕНКО, Особый Отдел – следователь ПОХВАЛЬСКИЙ). Особо вопиющие факты прямого подлога были допущены в II-м Отделе следователем ВАСИНЫМ и ШУБИНЫМ, в 4-м Отделе следователем РАКОВЫМ.

Поручить партийному комитету расследовать факты извращения в оперативно-следственной работе со стороны членов партии КАРАГОДИНА и КАБАНОВА.

Партийное собрание отмечает, что до последнего времени партийный Комитет не мобилизовал парторганизацию на решительное исправление всех имевших место грубейших извращений и ошибок в оперативно-следственной работе УГБ.

Несмотря на то, что как до, так и после отчётно-выборного собрания руководящий состав УГБ (КЕЙС, ХАТЕМКИН, ГИНЕСИН) имели факты, свидетельствующие о вражеской деятельности бывшего руководства УНКВД КОБЫЗЕВА, и на наличие отдельных сигналов со стороны членов партии на партийных собраниях, Партийный Комитет, в силу своей оторванности от повседневной партийной производственной жизни коллектива, своевременно не подхватил эти сигналы и запоздал с разоблачением врага КОБЫЗЕВА.

Партийный Комитет до сего времени не выполнил решения партийного собрания и не поставил вопроса об исключении из рядов ВКП(б) арестованного органами НКВД врага ПЕРЦОВА.

Все изложенные факты имели место и явились в результате того, что:

а) делу освоения основ марксизма-ленинизма Партийный Комитет и члены партии не уделяли достаточного внимания. С момента выхода в свет энциклопедии марксизма-ленинизма – «Краткого курса истории ВКП(б)» – Партийный Комитет до последнего времени не организовал должную работу и помощь в изучении истории партии;

б) недостаточно развёрнута большевистская критика и самокритика. Секретарь Партийного Комитета т. ТИЩЕНКО практиковал явно осуждённые партией методы обрыва выступающих на собраниях;

в) несмотря на ряд решений партийных собраний о развёртывании партийной и культурно-массовой работы, Партийный Комитет до сего времени не добился перелома в этой работе;

г) Партийный Комитет совершенно не занимался партийным воспитанием молодых чекистских кадров. В результате чего некоторые из них в оперативной работе были предоставлены самим себе и унаследовали осуж-

дённые методы в чекистской работе. Положительная инициатива партгруппы 3, 7 и 8 Отделов, создавшая кружок по чек[истскому] минимуму¹⁴¹, не была подхвачена Партийным Комитетом;

д) Партийный Комитет также не занимался производственными вопросами: за последнее полугодие не были заслушаны отчёты коммунистов-руководителей и рядовых работников о своей служебно-оперативной работе;

е) практической помощи и должного руководства в работе комсомольской организации со стороны Партийного Комитета до сего времени нет.

Общее партийное собрание постановило:

1. Решение партийного собрания от 4–5 декабря 1938 года в части оценки работы Партийного Комитета – о т м е н и т ь. Работу Партийного Комитета признать – неудовлетворительной.

2. За необеспечение партийным руководством по решительному выполнению решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.XI-1938 года, за отрыв от повседневной партийно-производственной жизни коллектива и недостаточное обеспечение большевистской критики и самокритики, в результате чего партийный комитет запоздал с разоблачением бывшего вражеского руководства УНКВД и вскрытием фактов грубейших извращений, допущенных в оперативно-следственной работе, тов. ТИЩЕНКО с работы секретаря Партийного Комитета снять и вывести из состава Партийного Комитета.

3. Утвердить решение Партийного Комитета о выводе из состава Партийного Комитета тов. КЕЙСА за несвоевременную сигнализацию известных ему фактов вражеской деятельности КОБЫЗЕВА.

Решение Партийного Комитета о вынесении тов. КЕЙСУ выговора – о т м е н и т ь.

4. Просить Райпартком разрешись провести довыборы в члены Партийного Комитета.

¹⁴¹ Гурток, де молодим співробітникам розповідали основи оперативно-агентурної діяльності і слідчої роботи.

5. Член ВКП(б) КРЮКОВ Иван Иванович, руководивший Особой следственной группой, являлся вдохновителем и исполнителем садистского издевательского обращения с арестованными, [инициатором] провокационных действий в процессе следствия, выполнял фашистские указания врагов КОБЫЗЕВА и ПЕРЦОВА в части разгрома партийных и старых чекистских кадров, занимался антисемитизмом. Будучи руководителем Особой следственной группы, не разоблачил ни одного врага, пробравшегося в ряды НКВД. На партийном собрании КРЮКОВ И.И. выступил неискренно.

Партийное собрание считает, что КРЮКОВ Иван Иванович оставаться в рядах ВКП(б) не может и подлежит немедленному исключению из партии с привлечением к судебной ответственности.

Материалы о преступных действиях КРЮКОВА И.И. передать в Обком КП(б)У Одесской области.

6. За садистское издевательское обращение с арестованными, за антисемитизм, за провокационные действия в процессе следствия, за выполнение контрреволюционных указаний врагов КОБЫЗЕВА и ПЕРЦОВА, за неискреннее поведение на партийном собрании – считать необходимым СЕРЕДУ Якова Петровича из членов партии исключить и просить руководство УНКВД о привлечении его к уголовной ответственности. Но учитывая, что СЕРЕДА на партийном собрании отсутствует, вопрос о партийности СЕРЕДЫ разрешить на очередном общем партийном собрании.

7. За садистское издевательское обращение с арестованными, за антисемитизм, за провокационные действия в процессе следствия, за неискреннее поведение на партийном собрании член ВКП(б) КОПАЕВ Алексей Павлович заслуживает исключения из членов КП(б)У. Но учитывая, что КОПАЕВ в органах НКВД работает недавно, на самостоятельной работе не был, а также и то, что при вторичном выступлении на партийном собрании т. КОПАЕВ признал свои ошибки – ограничиться вынесением тов. КОПАЕВУ строгого выговора с предупреждением.

8. Кандидату в члены ВКП(б) КРЮКОВУ Николаю Нестеровичу за участие в жестоких избиениях отдельных арестован-

ных особой следственной группы, за не вполне искреннее поведение на партийном собрании вынести строгий выговор, без занесения в личное дело.

9. Поручить партийному комитету разобрать вопрос о членах партии: ГИНЕСИНЕ, ПЕРЕВОЛОЧАНСКОМ, ПЕТРОВЕ, БАРБАРОВЕ, НИКОЛАШКИНЕ, КОРОПОВЕ, МОРДУХОВИЧЕ, ЧЕПЫЖЕНКО и МАЯНЦЕ, своевременно не сигнализировавших Партийному Комитету об известных им фактах вражеской деятельности КОБЫЗЕВА.

10. Поручить Партийному Комитету разобрать заявление т. БАБИЧА об антисоветских проявлениях члена партии КУДРИНСКОГО.

11. Материалы в отношении члена ВКП(б) ХАТЕМКИНА, имевшего серьёзные факты о вражеской деятельности КОБЫЗЕВА, направить в Обком ВКП(б) гор. Караганда.

Общее партийное собрание предлагает новому составу Партийного Комитета:

1. Во всей партийной работе руководствоваться постановлением ЦК ВКП(б) от 14.XI-1938 г. о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)».

2. Мобилизовать весь коллектив УГБ на решительное исправление всех имевших место извращений и ошибок в оперативно-следственной работе, неуклонное выполнение решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.XI-1938 г. о работе органов НКВД и Прокуратуры.

3. Активно включиться в производственную жизнь коллектива. Практиковать отчёты коммунистов, как руководящих, так и рядовых работников УГБ на партгруппах и Парткомитете о выполнении ими партийной и служебно-оперативной работы, на основе развёрнутой большевистской критики и самокритики.

4. Партийному Комитету повседневно заниматься вопросами партийного воспитания молодых чекистских кадров, выявляя их нужды и запросы, а в части чекистского воспитания подхватить инициативу парторганизации 3, 7 и 8 Отделов в деле создания кружка, чек[истского] минимума и распространить эту практику в других отделах.

5. Поручить Партийному Комитету на основе решений партийных собраний и учитывая запросы коллектива УГБ, немедленно выработать план разворота партийной, общественной и культурно-массовой работы.

6. Партийное собрание обращает особое внимание Партийного Комитета на необходимость усиления партийно-массовой и воспитательной работы среди сочувствующих ВКП(б) и беспартийных товарищей.

7. Партийному Комитету систематически оказывать практическую помощь в работе комсомольской организации в деле воспитания комсомольцев и подготовки их для вступления в партию.

8. Ввести в практику работы Партийного Комитета систематическую информацию перед началом каждого партийного собрания и заседания Партийного Комитета о ходе выполнения ранее принятых решений.

9. Обратит внимание Горкома партии на отсутствие практической помощи в работе нашей парторганизации со стороны Кагановичевского Райкома ВКП(б).

10. Через Райком партии возбудить ходатайство перед Обкомом КП(б)У о выделении должности освобождённого Секретаря Партийного Комитета парторганизации УГБ с утверждением его парторгом ЦК.

ПРЕЗИДИУМ ПАРТИЙНОГО СОБРАНИЯ:

(ФРОЛКОВ)

(ТИХОНОВ)

(ЛАВРЕНТЬЕВ)

(ТИЩЕНКО)

(КУВШИНОВ)

(НИКОЛАШКИН)

Верно: Секретарь партийного собрания *Добровольский*

REFERENCES

1. Bazhan, O., Zolotar'ov, V. (2011). Miasnyk: storinky biohrafii starshoho lejtenanta derzhbezpeky Davyda Pertsova. *Odesyka*, 12, 199–248. [in Ukrainian].
2. Bazhan, O., Zolotar'ov, V. (2015). Velykyj teror na Kharkivschyni (1937–1938 rr.). *Reabilitovani istoriieiu. Kharkivs'ka oblast'*. Vol. 3. Ch. 1. Kyiv–Kharkiv. [in Ukrainian].
3. Dukel'skij, S. (1989). *ChK na Ukraine*. Vermont. [in Russian].
4. Golinkov, D. (1980). *Krushenie antisovetskogo podpol'ya v SSSR*. Vol.1. Moskva: Politizdat. [in Russian].
5. Kashu, I. (2015). «Chistka» sotrudnikov NKVD Moldavskoj ASSR posle «Bol'shogo terrora» 1937–1938 gg.: delo Ivana Tarasovicha Shirokogo-Majskogo *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVS–KHB – From archives of VUCHK–GPU–NKVD–KGB*, 2, 142–179. [in Russian].
6. Kokin, S. (2015). Dolia spivrobitnykiv UNKVS po Zhytomyrs'kij oblasti – orhanizatoriv ta vykonavtsiv»Velykoho teroru» (za materialamy arkhivno-kryminal'nykh sprav 1938–1940 rr.). *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVD– KHB – From archives of VUCHK–GPU–NKVD–KGB*, 1, 121–233. [in Ukrainian].
7. Kokin, S., YUnge, M., (Comp.). (2010). *Velykyj teror v Ukraini. «Kurkul's'ka operatsiia» 1937–1938 rr. Vol. 2*. Kyiv: Vyd. dim «Kyievo-Mohylians'ka akademiia». [in Ukrainian].
8. Lacis, M. (1921). *Chrezvyhajnye komissii po bor'be s kontrrevolyuciej*. Moskva: Gosizdat. [in Russian].
9. Lacis, M. (1920). *Dva goda bor'by na vnutrennem fronte: Populyarnyj obzor dvuxgodichnoj deyatel'nosti Chrezvyhajnyx komissij po bor'be s kontrrevolyuciej, spekulyaciej i prestupleniyami po dolzhnosti*. Moskva: Gosizdat. [in Russian].
10. Majmeskulov, L., Rogozhin, A., Stashis, V. (1990). *Vseukrainskaya chrezvyhajnaya komissiya (1918–1922)*. Xar'kov: Osnova, 1990. [in Russian].
11. Malickij, A. (1923). *Cheka i GPU*. Xar'kov: Put' prosveshheniya. [in Russian].
12. Podkur, R. (2009). Reaktsiia spivrobitnykiv orhaniv derzhavnoi bezpeky URSR na prypynennia «velykoho teroru» (lystopad 1938–1939 rr.). *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVD–KHB – From archives of VUCHK–GPU–NKVD–KGB*, 2, 136–167. [in Ukrainian].

13. Savin, A. and Teplyakov, A. (2015). «Partiya mozhnet oshibat'sya, a NKVD – nikogda». Sotrudniki UNKVD po Odesskoj oblasti na skam'e podsudimyh (1939–1943 gg. *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVD–KHB – From archives of VUCHK–GPU–NKVD–KGB*, 2, 91–141. [in Russian].
14. Shapoval, Yu., Zolotar'ov, V. (2010). Yevrei v kerivnytstvi orhaniv DPU–NKVS USRR–URSR u 1920–1930-kh rr. *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVD–KHB – From archives of VUCHK–GPU–NKVD–KGB*, 1, 53–63. [in Ukrainian].
15. Sofinov, P. (1960). *Ocherki istorii VChK*. Moskva: Politizdat. [in Russian].
16. Vasyliiev, V. and Podkur, R. (2017). *Radianski karateli. Spivrobotnyky NKVS – vykonavtsi «Velykoho terroru» na Podilli*. Kyiv: Vydavets V. Zakharenko. [in Ukrainian].
17. Vasyliiev, V., Podkur, R. (2015). Orhanizatory ta vykonavtsi masovoho vbyvstva liudei v 1937–1938 rr.: doli spivrobotnykiv Vinnytskoho y Kamianets-Podilskoho oblasnykh upravlin NKVS. *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVD–KHB – From archives of VUCHK–GPU–NKVD–KGB*, 1, 48–121. [in Ukrainian].
18. Vasyliiev, V., Viola, L., and Podkur, R. (Comps.). (2017). *Vidlunnia Velykoho terroru. Zbirnyk dokumentiv u trokh tomakh. Vol. 1: Partiini zbory ta operatyvni narady spivrobotnykiv upravlin NKVS URSSR (lystopad 1938 ? lystopad 1939 pp.)*. Kyiv: Vydavets V. Zakharenko. [in Ukrainian].
19. Velidov, A. (1970). Na strazhe zavoevanij Oktyabrya. *Istoriya SSSR*, 1, 3–26. [in Russian].
20. Velidov, A. (1990). Leninskaya koncepciya sovetskix organov gosudarstvennoj bezopasnosti (Istoricheskij ocherk). *Problemy i suzhdeniya*, 2, 19–37. [in Russian].
21. Viola L. *Stalinist Perpetrators on Trial. Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine*. – Oxford: Universide Press, 2017. [in English].
22. Viola, L. (2015). Delo Umanskogo rajonnogo otdela NKVD. *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVD–KHB – From archives of VUCHK–GPU–NKVD–KGB*, 2, 180–223. [in Russian].
23. Xaustov, V. (Comp). (2004). *Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arxiv Stalina: Dokumenty vysshix organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. 1937–1938*. Moskva: Materik. [in Russian].
24. Xaustov, V., Naumov, V., Plotnikova, N. (Comp.). (2006). *Lubyanka. Stalin i NKVD–NKGB–GUKR «Smersh». 1939 – mart 1946*. Moskva: MFD, Materik. [in Russian].

25. YUnge, M. (2017). *CHekisty Stalina: moshch' i bessilie. «Berievskaya ottepel'» v Nikolaevskoj oblasti Ukrainy*. Moskva: AIRO-XXI. [in Russian].
26. Zolotarov, V. (2003). *ChK–HPU–NKVS na Kharkivshchyni: liudy ta doli. 1919–1941*. Kharkiv: Folio. [in Ukrainian].
27. Zolotar'ov, V. (2004). *Oleksandr Uspens'kyj: osoba, chas, otochennia*. Kharkiv: Folio. [in Ukrainian].
28. Zolotar'ov, V. (2007). *Diial'nist' orhaniv radians'koi derzhbezpeky zi zdijsnennia «kurkul's'koi operatsii» u Kharkivs'kij oblasti (1937–1938 rr.)*. *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVS –KHB – From archives of VUCHK–GPU–NKVD–KGB*, 1, 158–171. [in Ukrainian].
29. Zolotar'ov, V. (2007). *Sekretno-politychnyj viddil DPU USRR: spravy ta liudy*. Kharkiv: Folio. [in Ukrainian].
30. Zolotarov, V. (2015). «*Vykorystani ta vykynuti*»: spivrobotnyky UNKVS po Kharkivskii oblasti, zasudzheni za porushennia «sotsialistychnoi zakonnosti» naprykintsi 1930-kh rr. *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVD–KHB – From archives of VUCHK–GPU–NKVD–KGB*, 1, 234–360. [in Ukrainian].
31. Zolotaryov, V. (2017). *Stranicy biografii «narushitelya socialisticheskoi zakonnosti» Davida Aronovicha Percova. Chekisty na skam'e podsudimyx*. Moskva: Probel, 209–268. [in Russian].

Podkur R., Stavniuk I. «Employees Used to Simplified Investigation...»: Party's meetings of the Kharkiv Regional Directorate of the NKVD in the context of stopping mass operations in November 1938

The purpose of the survey is to trace the individual aspects of the repressive mass operations during the Great Terror in Kharkiv region in 1937-1938, the process of defining the violators of «the socialist law», the strategies of protecting the employees of state security bodies after the mass repressions were stopped. The survey is based on the minutes of the party meeting of January 26–27, 1939 of the Directorate for State Security of the Kharkiv Regional Directorate of the NKVD.

Methodology and methods. To achieve the purpose of the article, the authors used such methods: the method of historical and psychological reconstruction, problem-chronological and the technique of a specific search. In the process of working with archival materials, the authors used hermeneutics method. Critics of the historical source were based on the principles of objectivity and historicism.

Conclusions. The authors have analysed some aspects of the realisation of the Great Terror in the Kharkiv region in modern Ukrainian historiography.

The primary attention has focused the course of mass operations, the study of motives and identification of objects of repressive politics, the study of biographies of both victims and the executors of the will of the Kremlin leader. Grounding on the analysis of the mentioned minutes of the party meeting, the authors defined the nuances of the behaviour of the employees of the state security service in the Kharkiv region. In particular, they pay attention to the rejection the prosecution in breaking the «socialist law»; recognition of only some errors during the investigative proceedings; justification of their actions by the unwillingness of the leadership to listen to the investigator's arguments. Some employees understood that they were violating «socialist legitimacy» but were sure that this was the «right line» and that their steps would be regarded as «protecting from the counter-revolutionaries». Some of the staff repented, acknowledged their mistakes, but shifted the blame to the heads of the leaders.

Key words: Great Terror, Kharkiv, state security bodies, political repression, NKVD, executors.